

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
имени ПАТРИСА ЛУМУМБЫ

Факультет гуманитарных и социальных наук

На правах рукописи

Рамич Мирзет Сафетович

**Американо-китайская конкуренция
в контексте региональной безопасности в АТР (2002–2022 гг.)**

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, профессор
Дегтерев Денис Андреевич

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В АТР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ	23
1.1. Теоретико-методологические основы исследования межгосударственной конкуренции в Азиатско-Тихоокеанском регионе ...	23
1.2. Формирование Сан-Францисской системы международных отношений после Второй мировой войны	46
1.3. Актуальные проблемы безопасности в АТР	63
1.4. Основные форматы регионального сотрудничества в АТР	80
Выводы по главе 1	100
ГЛАВА 2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗВЫШЕНИЕ КИТАЯ И СИСТЕМА БЕЗОПАСНОСТИ В АТР	102
2.1. Большая стратегия Китая и изменение места КНР в региональной системе международных отношений	102
2.2. Роль и место АТР в контексте глобальной конкуренции США и КНР	137
2.3. Влияние внешнеполитических проектов КНР на систему международных отношений в АТР	156
Выводы по главе 2	173

ГЛАВА 3. МЕСТО ИНДО-ТИХООКЕАНСКОЙ СТРАТЕГИИ США В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ С КНР	176
3.1. Трансформация американской системы союзов в Азиатско- Тихоокеанском регионе.....	176
3.2. Американско-китайская конкуренция в Азиатско-Тихоокеанском регионе	191
3.3. Тенденции развития системы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе в контексте глобальных трансформаций	209
Выводы по главе 3.....	219
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	223
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	227
БИБЛИОГРАФИЯ.....	235

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В настоящее время конкуренция между США и Китаем стала одним из определяющих трендов мировой политики, что обусловлено множеством факторов, среди которых высокая значимость США и КНР для системы глобального управления, международного развития и мировой экономики. В период «транзита власти»¹ в международной системе, сопровождающегося нарастанием американо-китайской конкуренции, Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), будучи пространством пересечения военных, политических и экономических интересов доминантных акторов мировой политики, стал основной ареной великодержавного соперничества. Высокая значимость АТР во внешнеполитических приоритетах США и КНР обусловлена особым местом указанного региона в международной системе безопасности, мировой торговле и международных производственных цепочках.

В условиях «транзита власти» в международной системе США стремятся сохранить существующий мировой порядок, опираясь в первую очередь на поддержку евроатлантических партнеров и участников военно-политических соглашений из числа стран АТР. Китай делает акцент на сотрудничестве с развивающимися странами, которые не удовлетворены своим социально-экономическим положением в рамках существующей

¹ Транзит власти (power transition) в контексте теории властного транзита (power transition theory), разработанной Я. Куглером и А.Ф.К. Органски – это процесс изменения баланса сил в международной системе, при котором растущая держава оспаривает гегемонию доминирующей державы. Данная теория предполагает, что период, когда разрыв в силовых потенциалах растущей и доминирующей державы сокращается, наиболее вероятно начало войн и конфликтов.

международной системы, создает альтернативные международные институты и реализует глобальные экономические инициативы.

Для США АТР является традиционной сферой интересов с момента окончания Второй мировой войны и подписания Сан-Францисского мирного договора, определившего контуры системы безопасности в АТР до начала XXI века. Вместе с тем американская политика по сдерживанию Китая и реализации концепции «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» (Free and Open Indo-Pacific)², инициированная в 2017 году, стала одним из основных факторов трансформации системы безопасности в АТР. Однако предпосылки для подобных изменений были созданы принятием Стратегии национальной безопасности США администрацией президента Дж. Буша-младшего в 2002 году, а также выступлением премьер-министра Японии Синдзо Абэ в индийском парламенте в 2007 году, где он предложил идею слияния двух океанов, которая легла в основу геополитической концепции «Индо-Тихоокеанский регион» (ИТР).

АТР является приоритетным направлением внешней политики КНР, так как от стабильности и безопасности ближнего окружения напрямую зависят ее национальная безопасность и потенциал дальнейшего экономического развития. В этих условиях Китай стремится прежде всего к развитию партнерских отношений с сопредельными странами и выстраивает конструктивный диалог со всеми государствами АТР. При этом принципиальная позиция КНР заключается в защите своих основополагающих (коренных) национальных интересов³, в число которых входит обеспечение целостности страны, что выводит на первый план урегулирование территориальных споров со странами ближнего окружения.

Актуализирует тему данного исследования и тот факт, что все большее

² Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион (Free and Open Indo-Pacific (FOIP)) – стратегическая концепция, продвигаемая США, Японией, Индией, Австралией и другими странами, инициированная в 2017 году в ответ на растущее влияние КНР и его активность в Южно-Китайском море.

³ Коренные интересы КНР – это ключевые приоритеты Китая, включающие суверенитет, территориальную целостность, политическую стабильность, экономическое развитие и национальную безопасность. Они составляют основу внутренней и внешней политики КНР.

количество стран мира вовлекается в международные политические и экономические процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в том числе в контексте конкуренции США и КНР за реформирование региональной системы безопасности. В таких условиях особенно значимым является анализ влияния американо-китайской конкуренции на систему международных отношений в АТР, а также глобальные политические и экономические процессы.

Степень научной разработанности темы исследования. Научные труды, посвященные исследованию американо-китайской конкуренции в контексте безопасности в АТР в 2002-2022 годах российских и зарубежных специалистов в области международных отношений, международной и региональной безопасности, международных экономических отношений, теории международных отношений можно разделить на пять основных групп.

Первая группа работ включает в себя теоретические труды, позволяющие определить методологические рамки диссертационного исследования. В рамках данной группы следует выделить, прежде всего, авторов, разрабатывающих теоретические основания изучения внешней политики КНР и политических и экономических процессов в АТР: Е.Н. Грачикова, который представил комплексный взгляд на китайские теории международных отношений ⁴, подход Китая к глобальному управлению ⁵, стратегии партнерских отношений КНР ⁶ и геополитику Китая ⁷; А.Д. Воскресенского, под редакцией которого опубликована коллективная монография, посвященная вопросам новой мироустроительной

⁴ Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям. – М.: Аспект Пресс, 2021. – 304 с.; Грачиков Е.Н. Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 187-200.

⁵ Grachikov E.N. China in Global Governance: Ideology, Theory, and Instrumentation // Russia in Global Affairs. – 2020. – Vol. 18. – № 4. – P. 132-153.

⁶ Грачиков Е.Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993-2018) // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 3. – С. 83-93.

⁷ Грачиков Е.Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей. – М.: Русайнс, 2017. – 234 с.

архитектоники⁸; А.Д. Богатурова, который одним из первых среди российских исследователей представил системный анализ международных отношений в исследуемом регионе⁹; А. Ачарья, сформировавшего теоретические рамки исследований азиатского регионализма¹⁰; Чжана Юйлиня – автора китайской концепции комплексной безопасности¹¹.

Для более глубокого понимания положений теории «транзита власти» в международной системе и общих рамок американо-китайской конкуренции автор диссертации обращался к трудам Г. Аллисона¹², Д.А. Дегтерева¹³, А.Ф.К. Органски¹⁴, Я. Куглера¹⁵, С. Чана¹⁶.

Автор опирается на теоретические труды П.А. Цыганкова и А.П. Цыганкова¹⁷, Р. Каплана¹⁸, К. Лейна¹⁹, С. Стрэндж²⁰, Чжао Тиняна²¹.

В данной работе также использовались теоретические разработки Копенгагенской школы международных отношений, включающие теорию

⁸ Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / под ред. проф. А.Д. Воскресенского, [Науч. ред. Д.А. Кузнецов]; Федеральное гос. автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностранных дел Российской Федерации». – М.: Стратегические изыскания, 2021. – 576 с.

⁹ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995). – М.: Сюита, 1997. – 349 с.

¹⁰ Acharya A. Whose ideas matter? Agency and power in Asian regionalism: Cornell studies in political economy. Ithaca: Cornell University Press. – 2009. – 189 p.; Comparing regional institutions: an introduction / ed. by A. Acharya, A.I. Johnston. – Crafting Cooperation Cambridge University Press. – 2001. – P. 1-31; Acharya A. Betwixt balance and community: America, ASEAN and the security of Southeast Asia // International Relations of the Asia-Pacific. – 2005. – Vol. 6. – № 1. – P. 37-59.

¹¹ 张蕴岭构建中国的周边战略依托 [Zhang Yunling. Building China's Neighbourhood Strategic Dependence] // 中国周边安全形势评估 (2013) [From the Assessment of China's Neighbourhood Security Situation (2013)]. – 2013. URL: <https://www.aisixiang.com/data/61456.html> (accessed: 11.08.2023).

¹² Allison G. Destined for war: Can America and China escape Thucydides's trap? – Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017. – 384 p.

¹³ Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цык А.В. США – КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2021. – Т. 21. – № 2. – С. 210–231.

¹⁴ Organski A.F.K. World politics. – New York: A. Knopf, 1958. – 461 p.

¹⁵ Organski A.F.K., Kugler J. The war ledger. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 299 p.

¹⁶ Чан С. Почему «ловушка Фукидида» вводит в заблуждение относительно американо-китайских отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2021. – Т. 21. – № 2. – С. 232–242.

¹⁷ Цыганков А.П., Цыганков П.А. Глобальность и самобытность в теории международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2022. – Т. 22. – № 1. – С. 7-16.

¹⁸ Kaplan R. Monsoon: The Indian Ocean and the Future of American Power. – Random House, 2011. – 400 p.

¹⁹ Layne C. From Preponderance to Offshore Balancing: America's Future Grand Strategy // International Security. – 1997. – № 22. – С. 86-124.

²⁰ Strange S. States and markets. – New York: Bloomsberry, 1988. – 265 p.

²¹ Zhao T. Tianxia System: Philosophy Introduction to World Institute. – Nanjin: Jiansu jiaoyu chubanshe, 2011. – 271 p.

секьюритизации и теорию комплексов региональной безопасности. Данные теоретические подходы позволили более предметно изучить феномен регионализации в АТР. Среди авторов, работающих над теоретическими подходами к анализу региональных процессов, можно выделить Б. Бузана²², О. Вейвера²³, О.С. Гадаева²⁴, В.Е. Морозова²⁵.

Вторая группа работ посвящена анализу системы международных отношений в АТР. К данной группе работ относятся труды А.В. Виноградова²⁶, О.П. Иванова²⁷, В.Б. Кашина²⁸, А.Б. Каримовой²⁹, Н.Б. Лебедевой³⁰, Д.В. Мосякова³¹, Д.В. Стрельцова³², Г. Хураны³³, Дж. Довера³⁴, К. Хара³⁵, Ч.К. Вах³⁶. В данных работах представлен комплексный взгляд на систему безопасности в АТР, систематизированы теоретические подходы к изучению Азиатско-Тихоокеанского и Индо-Тихоокеанского регионов.

Третью группу работ составляют исследования, посвященные

²² Buzan B. Rethinking Security after the Cold War // *Cooperation and Conflict*. – 1997. – Vol. 32. – № 1. – P. 5-28.
Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 592 p.

²³ Buzan B., Wæver O. Slippery? Contradictory? Sociologically Untenable? The Copenhagen School Replies // *Review of International Studies*. – 1997. – № 23. – P. 241-250.

²⁴ Гайдаев О.С. Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. – 2021. – Т. 21. – № 1. – С. 20–32.

²⁵ Морозов В.Е. Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации // *Политические исследования*. – 2011. – № 3. – С. 24–35.

²⁶ Виноградов А.В. «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2021. – Т. 65. – № 3. – С. 23–32.

²⁷ Иванов О.П. Военное измерение Индо-Тихоокеанской стратегии США // *Обозреватель*. – 2020. – № 7(366). – С. 39–52; Иванов О.П. Американский взгляд на стратегическое соперничество и роль военной силы // *Обозреватель*. – 2024. – № 2(403). – С. 27–36.

²⁸ Кашин В.Б. Политика КНР по строительству силового компонента системы стратегического сдерживания в 2020-е годы // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2023. – Т. 67. – № 11. – С. 99–111.

²⁹ Каримова А.Б. Связывая Индийский с Тихим, или модернизация инструментов влияния // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2019. – Т. 63. – № 6. – С. 13-24.

³⁰ Лебедева Н.Б. Индийский океан: вызовы XXI в. и Индия (очерки международных отношений). – М.: ИВ РАН, 2018. – 576 с.

³¹ Мосяков Д.В. Индо-Тихоокеанский регион в фокусе мировой политики: тренды развития и Россия. – М.: Институт востоковедения РАН, 2023. – 570 с.

³² Стрельцов Д.В. Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений // *Международная жизнь*. – 2018. – № 9. – С. 65–74.

³³ Khurana G.S. *Security of Sea Lines: Prospects for India-Japan Cooperation // Strategic Analysis*. – 2007. – Vol. 31. – № 1. – P. 139-153.

³⁴ Dower J.W. 10 Points of note: Asia and the Nixon Doctrine // *Bulletin of Concerned Asian Scholars*. – 1970. – Vol. 2. – № 4. – P. 47-70.

³⁵ Hara K. Rethinking the 'Cold War' in the Asia-Pacific // *The Pacific Review*. – 1999. – Vol. 12. – № 4. – P. 515-536.

³⁶ Wah C.K. *Major-Power Relations in Post 9-11 Asia Pacific / ed. by Han Sung-Joo // 9-11: Asian Perspectives on Global and Regional Order*. Tokyo: Japan Center for International Exchange. – 2003. – P. 6-25.

рассмотрению американско-китайской конкуренции в глобальном и региональном масштабах, а также в политической, экономической и технологической сферах. К данной группе работ относятся исследования Дж. Чжоу³⁷, В.А. Каллахана³⁸, Е. Вана³⁹, О.В. Столетова⁴⁰, Д. Стюарта⁴¹, Р. Мохана⁴², О.С. Мastro⁴³, А.В. Лукина⁴⁴, Ф. Бергстена⁴⁵.

К четвертой группе относятся научные труды, раскрывающие проблематику конкуренции международных институтов, продвигаемых США и КНР, в АТР и ИТР. Среди авторов, работавших в этом направлении, стоит выделить исследования А.В. Худайкуловой⁴⁶, М.А. Терских⁴⁷, С.Г. Лузянина⁴⁸, В.С. Фроленкова, Я.В. Лексютиной⁴⁹, А.В. Куприянова⁵⁰, Е.В. Колдуновой⁵¹, Ш. Тханкачан⁵², М. Шарма⁵³, Д. Скотта⁵⁴,

³⁷ Zhou J. Does China's Rise Threaten the United States? // *Asian Perspective*. – 2008. – Vol. 32. – No. 3. – P. 171-180.

³⁸ Callahan W.A. Chinese Visions of World Order: Post-hegemonic or a New Hegemony? // *International Studies Review*. – 2008. – Vol. 10. – № 4. – P. 749-761.

³⁹ Wang E. Engagement or Containment? Americans' views on China and Sino-US relations // *Journal of Contemporary China*. – 2002. – Vol. 11. – № 31. – P. 381-392.

⁴⁰ Столетов О.В. Стратегии цифрового развития ключевых государств «Глобального Юга» в условиях американско-китайского технологического соперничества // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. – 2022. – Т. 22. – № 2. – С. 221-237.

⁴¹ Stuart D. San Francisco 2.0: Military Aspects of the U.S. Pivot toward Asia // *Asian Affairs: An American Review*. – 2012. – Vol. 39. – № 4. – P. 39-62.

⁴² Mohan R.C. Debating China's 'Peaceful Rise': The Rhyme of the Ancient Mariner // *Economic and Political Weekly*. – 2004. – Vol. 39. – № 33. – P. 3699-3702.

⁴³ Mastro O.S. In the shadow of the Thucydides trap: International relations theory and the prospects for peace in U.S. – China relations // *Journal of Chinese Political Science*. – 2019. – Vol. 24. – № 1. – P. 25-45.

⁴⁴ Lukin A.V. Sino-U.S. Rivalry in the Asia-Pacific: Declarations and Actual Policies // *Russia in Global Affairs*. – 01.02.2023. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/sino-us-rivalry-in-asia-pacific/> (accessed: 20.08.2023).

⁴⁵ Bergsten C.F. China and the United States: The contest for global economic leadership // *China & World Economy*. – 2018. – Vol. 26. – № 5. – P. 12-37.

⁴⁶ Худайкулова А.В., Рамич М.С. «Квад 2.0»: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // *Полис. Политические исследования*. – 2020. – № 3. – С. 23-43.

⁴⁷ Терских М.А. Вьетнам – Quad: неизбежное сближение? // *Вьетнамские исследования: электронный научный журнал*. – 2021. – Т. 5. – № 2. – С. 6-24.

⁴⁸ Лузянин С.Г., Фроленков В.С. «Возвышение» ШОС: успехи и препятствия // *Вестник Томского государственного университета*. – 2016. – № 404. – С. 105-111.

⁴⁹ Лексютина Я.В. Функциональные изменения участия Китая в многосторонних банках развития: от заемщика к кредитору // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. – 2018. – № 1. – С. 80–98.

⁵⁰ Куприянов А.В. QUAD и безопасность Индо-Тихоокеанского региона // *Ежегодник СИПРИ 2020: Вооружения, разоружение и международная безопасность*. – М.: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2021. – С. 809–820.

⁵¹ Колдунова Е.В. Роль Шанхайской организации сотрудничества в регионе Центральной Азии: сравнительный анализ исследовательских дискурсов // *Сравнительная политика*. – 2013. – № 2 (12). – С. 60–69.

⁵² Thankachan Sh. Japan's «Free and Open Indo-Pacific Strategy»: Reality before the Rhetoric? // *Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India*. – 2017. – Vol. 13. – № 2. – P. 84-91.

П. Савасдипакди⁵⁵, Р. Рой-Чаудхари⁵⁶, К.С. де Эстада, Н. Рой⁵⁷, А. Грейс, Р.В. Ху⁵⁸, Ю. Хосойя⁵⁹. В данных работах авторы исследуют региональные форматы международного сотрудничества, используемые США и КНР для расширения их влияния в АТР в военно-политической и экономической сферах.

К пятой группе научных трудов относятся работы, раскрывающие отдельные аспекты взаимодействия в АТР с точки зрения стран Юго-Восточной Азии, Восточной Азии и Южной Азии. К наиболее значимым работам в данной области можно отнести труды Т. Басу⁶⁰, П. Чако⁶¹, Дж. Чэна⁶², С. Чжана, Дж. Клеменстона⁶³, М. Грина и А. Шраера⁶⁴, Д. Хеллер⁶⁵, Р. Лангхаммера⁶⁶, О. Миоши⁶⁷, И.О. Мишина⁶⁸, А.Н. Панова⁶⁹, В.В. Нелидова.

Цель исследования – выявить особенности американо-китайской

⁵³ Sharma M. India's Approach to China's Belt and Road Initiative – Opportunities and Concerns // *The Chinese Journal of Global Governance*. – 2019. – Vol. 5. – № 2. – P. 136-152.

⁵⁴ Scott D. The «Indo-Pacific» – New Regional Formulations and New Maritime Frameworks for US-India Strategic Convergence // *Asia-Pacific Review*. – 2012. – Vol. 19. – № 2. – P. 85-109.

⁵⁵ Sawasdipakdi P. Thailand's Engagement with China's Belt and Road Initiative: Strong Will, Slow Implementation // *Asian Perspective*. – 2021. – № 45 (2). – P. 349-374.

⁵⁶ Roy-Chaudhury R., de Estrada K.S. India, the Indo-Pacific and the Quad // *Survival*. – 2018. – Vol. 60. – № 3. – P. 181-194.

⁵⁷ Roy N. Assuaging Cold War Anxieties: India and the Failure of SEATO // *Diplomacy & Statecraft*. – 2015. – Vol. 26. – № 2. – P. 322-340.

⁵⁸ Hu R.W. China's 'One Belt One Road' Strategy: Opportunity or Challenge for India? // *China Report*. – 2017. – Vol. 53. – № 2. – P. 107-124.

⁵⁹ Hosoya Y. FOIP 2.0: The Evolution of Japan's Free and Open Indo-Pacific Strategy // *Asia-Pacific Review*. – 2019. – Vol. 26. – № 1. – P. 18-28.

⁶⁰ Basu T. Sino-US Disorder: Power and Policy in Post-COVID Indo-Pacific // *Journal of Asian Economic Integration*. – 2020. – № 2 (2). – P. 159-179.

⁶¹ Chacko P. The rise of the Indo-Pacific: understanding ideational change and continuity in India's foreign policy // *Australian Journal of International Affairs*. – 2014. – Vol. 68. – № 4. – P. 433-452.

⁶² Chen Z., Zhang X. Chinese conception of the world order in a turbulent Trump era // *The Pacific Review*. – 2020. – Vol. 33. – № 3-4. – P. 438-468.

⁶³ Clementson J. «No More Dominoes»: ASEAN and regional security // *The RUSI Journal*. – 1984. – Vol. 129. – № 4. – P. 33-39.

⁶⁴ Green M., Shearer A. Defining U.S. Indian Ocean Strategy // *The Washington Quarterly*. – 2012. – Vol. 35. – № 2. – P. 175-189.

⁶⁵ Heller D. The Relevance of the ASEAN Regional Forum (ARF) for Regional Security in the Asia-Pacific // *Contemporary Southeast Asia*. – 2005. – Vol. 27. – № 1. – P. 123-145.

⁶⁶ Langhammer R.J. Regional Integration APEC Style: Lessons from Regional Integration EU Style // *Asean Economic Bulletin*. – 1999. – Vol. 16. – № 1. – P. 1-17.

⁶⁷ Miyoshi O. The Nixon doctrine in Asia // *The Adelphi Papers*. – 1972. – Vol. 12. – № 91. – P. 13-20.

⁶⁸ Мишин И.О. Политика США в Южно-Китайском море во время президентства Д. Трампа // *Пути к миру и безопасности*. – 2020. – № 1. – С. 46–62.

⁶⁹ Панов А.Н., Нелидов В.В. Внешняя политика Японии в контексте военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии // *Японские исследования*. – 2018. – № 4. – С. 78–91.

конкуренции в контексте процесса трансформации системы безопасности в АТР в первой четверти XXI века.

Задачи исследования:

– раскрыть факторы формирования системы безопасности в АТР после Второй мировой войны, оказавшие наибольшее влияние на региональный баланс сил и современное состояние конкуренции США и КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе;

– определить наиболее значимые теоретические и методологические подходы к анализу американо-китайской конкуренции в Азиатско-Тихоокеанском регионе;

– идентифицировать актуальные проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе;

– проанализировать основные форматы международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе;

– выявить факторы влияния увеличения политического и экономического потенциала КНР на систему безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе;

– определить основные характеристики внешнеполитических проектов КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе;

– выявить специфику подхода США к развитию новой сети военно-политических альянсов в Азиатско-Тихоокеанском регионе;

– определить основные направления американо-китайской конкуренции в Азиатско-Тихоокеанском регионе;

– идентифицировать основные тенденции развития системы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе в контексте глобальных трансформаций.

Объект исследования – американо-китайская конкуренция в контексте трансформации региональной системы безопасности в АТР.

Предмет исследования – структурные сдвиги в АТР, связанные с экономическим возвышением КНР и внешнеполитическими усилиями США

по сдерживанию Китая в политической, военной и экономической сферах.

Хронологические рамки исследования определяются в основном периодом 2002–2022 годов, что позволяет исследовать американо-китайскую конкуренцию в АТР. Нижняя хронологическая граница исследования связана с принятием в КНР Белой книги по национальной обороне в 2002 году⁷⁰, изменившей внешнеполитические приоритеты КНР в сфере национальной безопасности. В этом же году в США администрацией президента Дж. Буша-младшего была принята новая Стратегия национальной безопасности, в которой было заявлено, что США ставят целью сохранение своего лидерства в глобальном масштабе, что стало отправной точкой новой политики сдерживания КНР. Верхняя хронологическая рамка обусловлена рядом событий. В 2022 году администрацией президента Дж. Байдена была принята новая Стратегия национальной безопасности США, в которой подчеркивалось приоритетное значение сдерживания КНР. В этом же году произошел визит делегации США во главе со спикером Палаты представителей Конгресса США Н. Пелоси на Тайвань, что привело к новому витку напряженности в отношениях США и КНР. В этом же году в КНР на пост генерального секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) на третий срок был избран Си Цзиньпин. Помимо этого, в КНР опубликовали Белую книгу о тайваньском вопросе и деле воссоединения Китая в новую эпоху. После 2022 года начался новый этап американо-китайской конкуренции, которая все больше интенсифицируется. Выбранный хронологический диапазон позволяет проанализировать процесс американо-китайской конкуренции на стадии его возникновения и развития, а также влияния на современные отношения между США и КНР в целом и в АТР в частности.

Политико-географические рамки исследования ограничиваются

⁷⁰ 2002年中国的国防 [China's defence in 2002] // The official website of Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2002. URL: https://www.gov.cn/govweb/zwggk/2005-05/26/content_1384.htm. (accessed: 27.07.2023).

Азиатско-Тихоокеанским регионом в контексте геополитической конкуренции США и КНР, сконцентрированной в западной части Тихого океана, а также затрагивающей Индию, Австралию и восточную часть Индийского океана.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– выделены основные факторы формирования системы безопасности в АТР во второй половине XX века, оказавшие влияние на характеристики современной американо-китайской конкуренции;

– раскрыты особенности подходов США и КНР к формированию системы безопасности в АТР в 2002–2022 годы. Показано, что в условиях «транзита власти» в международной системе США продолжают использовать военно-политические инструменты для сохранения своего лидерства в АТР, а Китай преимущественно использует экономические и гуманитарные инструменты для расширения своего регионального влияния и изменения существующего баланса сил;

– выявлены основные характеристики международных форматов взаимодействия в АТР, таких как инициатива «Один пояс – один путь», «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион», Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), Индо-Тихоокеанская экономическая структура (ИТЭС), Четырехсторонний диалог по безопасности (QUAD, КВАД), AUKUS (АУКУС), «Партнеры в голубом Тихом океане», «Сеть голубых точек», что позволило оценить отношение стран АТР к участию в международных форматах, представляющих наибольшую значимость для США и КНР в указанном регионе;

– определены основные подходы КНР к формированию альтернативной модели мироустройства в противовес западнцентричному либерально-демократическому порядку и расширению своего политического влияния в АТР;

– выявлены основные последствия пандемии COVID-19 для системы безопасности в АТР;

– показано, что американо-китайская конкуренция способствует политической фрагментации АТР в условиях параллельного функционирования международных форматов взаимодействия, отвечающих внешнеполитическим интересам США и КНР.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его результаты способствуют углублению понимания динамики развития международных институтов в АТР. Основные положения диссертации могут представлять интерес для ученых, занимающихся исследованием международных процессов в АТР и американо-китайской конкуренции.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что полученные результаты могут быть использованы в профессиональной подготовке специалистов-международников и востоковедов.

Данное исследование может быть востребовано органами государственной власти России и стран АТР для формирования расширенного представления о специфике американо-китайской конкуренции и международных политических и экономических процессов в АТР.

Материалы данного исследования могут быть использованы для разработки учебных курсов и пособий по направлениям подготовки «Политология», «Конфликтология», «Международные отношения».

Теоретическая основа исследования. Данное исследование было проведено с опорой на теорию структурного реализма, в рамках которой рассматриваются предпосылки формирования межгосударственных альянсов, баланса угроз и баланса интересов в международных отношениях⁷¹. В качестве вспомогательных подходов был использован ряд теорий среднего уровня: теория комплексов региональной безопасности для рассмотрения региона АТР в качестве единого регионального комплекса безопасности⁷²; теория «властного транзита»⁷³, позволяющая исследовать

⁷¹ Waltz K. Theory of International Politics. – Long Grove, IL: Waveland Press, 1979. – 129 p.

⁷² Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge

американо-китайскую конкуренцию в динамике; теория «структурной власти»⁷⁴, дающая возможность эффективно оценить подходы различных стран к формированию нового мирового порядка в рамках международных институтов.

Методологическая основа исследования предусматривает использование различных научно-исследовательских подходов и методов. Для выявления основных приоритетов, а также точек столкновения интересов во внешнеполитических подходах США и КНР применялся сравнительный анализ. Кроме того, для анализа политических заявлений, формирования образов государств в информационном пространстве и в научных исследованиях применялся дискурс-анализ. Для объективной оценки военных, политических, дипломатических, экономических ресурсов США и КНР использовались количественные методы анализа статистических данных.

Нормативную и эмпирическую базу исследования составили следующие группы источников:

1. Нормативно-правовые документы США, КНР, а также Индии, Японии, Австралии, Республики Корея; документы международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций (ООН), Международный валютный фонд, Всемирный банк, АСЕАН, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

2. Статьи, выступления и интервью политических деятелей США, КНР и других стран АТР.

3. Материалы и статистические данные аналитических центров, исследовательских организаций, занимающихся вопросами международных отношений и внешней политики.

4. Материалы российских, американских, китайских и других

University Press, 2003. – 592 p.

⁷³ Organski A.F.K., Kugler J. The war ledger. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 299 p.

⁷⁴ Strange S. States and Markets. – London: Continnum, 1994. – 266 p.

зарубежных СМИ.

Положения, выносимые на защиту:

1. Американо-китайская конкуренция способствовала активизации процесса трансформации системы безопасности в АТР, которая сложилась после Второй мировой войны и оставалась стабильной до начала XXI века. Основной причиной изменения регионального баланса сил стало одновременное увеличение материальных ресурсов Китая, обусловленное проведением политики реформ и открытости, интеграцией КНР в глобальные экономические процессы, и снижение американского влияния в АТР после череды финансовых кризисов. Данные предпосылки обусловили начало «транзита власти» в международной системе, спровоцировав обострение политических и экономических противоречий в АТР, сопровождающихся частичной фрагментацией региональной системы международных отношений.

2. В АТР сформировался особый подход к регионализации, отличающийся от западного преобладанием менее формальных и более гибких механизмов. Значительную популярность у стран АТР приобрели форматы АСЕАН+ и Региональный форум АСЕАН (АРФ), дающие государствам данного региона возможность вести между собой открытый и инклюзивный диалог. Вместе с тем региональные форматы сотрудничества в АТР обеспечивают реализацию многоуровневого механизма согласования позиций стран-участниц, который позволяет разрешать возникающие международные противоречия до проведения саммитов на уровне глав государств. Это обусловило особенности конкуренции США и КНР за влияние в указанных региональных форматах. Стратегическая логика США и КНР предусматривает индивидуальное взаимодействие с участниками данных международных форматов, способствующее проецированию их политического влияния в АТР. США и КНР активно участвуют в расширенных механизмах сотрудничества основных региональных

организаций для повышения эффективности своего внешнеполитического инструментария.

3. Традиционные угрозы безопасности в АТР, особенно территориальные споры между ключевыми региональными акторами, сформировавшиеся в период «холодной войны», стали использоваться США для оказания влияния на национальную безопасность КНР, создавая нестабильность в зоне внешнеполитических интересов Китая в АТР. Новым фактором для современной системы безопасности в АТР является привлечение США к политике сдерживания КНР своих евроатлантических союзников, в том числе Великобритании. Китай снижает эффективность враждебных действий США, укрепляя свою экономическую взаимозависимость со странами АТР и модернизируя собственные военно-морские силы. Страны АТР вовлекаются в глобальную американско-китайскую конкуренцию, балансируя между политическими и экономическими форматами, продвигаемыми США и КНР.

4. Фактор Тайваня остается ключевым элементом американской стратегии военно-политического сдерживания КНР и одним из определяющих факторов в системе безопасности в АТР. Официально признавая Тайвань частью КНР, США де-факто расширяют политические контакты и военное сотрудничество с правительством Тайваня. Китай, в свою очередь, в 2022 году опубликовал первую с 2000-го года Белую книгу «Тайваньский вопрос и дело воссоединения Китая в новую эпоху» и провел масштабные военно-морские учения в Тайваньском проливе. В условиях, когда рост политического и экономического влияния КНР способствует снижению роли США в международных политических и экономических процессах в АТР, более активное использование фактора Тайваня в американской политике сдерживания КНР для США становится эффективным способом воздействия на коренные интересы Китая. Усиление военно-политической напряженности вокруг Тайваня ставит под угрозу стабильность развития высокотехнологичных отраслей промышленности в

глобальном масштабе, в том числе это справедливо для сферы производства полупроводников, что может оказать влияние на международные производственные цепочки.

5. Подход КНР к трансформации системы безопасности в АТР в условиях глобальной конкуренции с США обусловлен спецификой китайской стратегической культуры и опирается на экономические и гуманитарные инструменты распространения своего влияния. Реализация инициативы «Один пояс – один путь» позволяет КНР расширить число стран-партнеров в морском пространстве за счет увеличения экономической и финансовой взаимосвязанности со странами, расположенными на маршрутах мегапроекта «Морской Шелковый путь XXI века». Важной целью для КНР является хеджирование рисков, связанных с американской активностью в важных узлах международной морской торговли, таких как Малаккский пролив.

6. Роль США как системообразующего актора региональной безопасности в АТР снижается. На этом фоне США сместили фокус внимания в сторону Индийского океана, запустив в 2010-х годах Индо-Тихоокеанскую стратегию. Институциональным ядром американской Индо-Тихоокеанской стратегии являются страны КВАД+ (США, Австралия, Индия, Япония, Республика Корея, Новая Зеландия и Вьетнам), которые поддерживают американоцентричные программы сотрудничества в АТР. Новые форматы взаимодействия АУКУС и «Партнеры в голубом Тихом океане» привлекли к реализации американской Индо-Тихоокеанской стратегии и европейских партнеров США по НАТО.

7. Индо-Тихоокеанская стратегия США является концептуальной альтернативой геополитической конструкции Азиатско-Тихоокеанского региона, которая акцентирует внимание на роли Индии, Австралии, Японии и стран Юго-Восточной Азии в международных политических и экономических процессах. Китай противопоставляет Индо-Тихоокеанской стратегии США инклюзивные форматы экономического и политического

сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс – один путь» и ВРЭП, позволяющие на основе многостороннего сотрудничества трансформировать международную систему в АТР.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности. Диссертация соответствует следующим направлениям исследований, указанным в паспорте научной специальности 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования:

3. Мировая политика. Субъекты мировой политики. Современный мировой политический процесс. Глобальная система и региональные подсистемы международных отношений и мировой политики.

5. Мировой порядок: теории, модели, генезис и трансформация. Фактор и центры силы в мировом порядке.

7. Международная безопасность. Системы глобальной и региональной безопасности. Военная сила в международных отношениях. Международный терроризм и борьба с ним. Разоружение и контроль над вооружениями. Вызовы, риски, опасности и угрозы.

Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается обоснованностью теоретико-методологической базы исследования, использованием соответствующих цели, задачам, объекту и предмету исследования научных методов, опорой на обширный массив верифицируемых источников информации.

Апробация результатов исследования. Выводы, представленные в данном исследовании, нашли отражение в 12 научных работах. Среди них 10 публикаций в периодических научных журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук.

Отдельные выводы и положения диссертации были представлены в рамках выступлений на международных научно-практических конференциях «Страны ЮВА и ЮТР между Пекином и Вашингтоном» (Центр Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, май

2021 г.), «Российско-китайское сотрудничество – основа для формирования многополярного мира» (г. Москва, февраль 2022 г.), в ходе Первого Санкт-Петербургского конгресса исследователей международных отношений «Глобальные и региональные вызовы в меняющемся мире» (СПбГУ, ноябрь 2022 г.), в ходе презентации результатов научно-исследовательского проекта «США – КНР: контуры глобальной конкуренции» в Центре военно-политических исследований МГИМО (г. Москва, июнь 2021 г.), на лекции по теме «Стратегическая культура КНР» в ходе онлайн-семинара Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по незападным теориям международных отношений (ноябрь 2021 г.).

Также ряд материалов диссертации отражен в двух зарегистрированных в соавторстве с соискателем базах данных, включающих данные по американо-китайской глобальной конкуренции.⁷⁵

С 2022 года автор на кафедре теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы читает авторский междисциплинарный курс «Глобальная стратегия Китая в XXI веке», отражающий основные положения диссертационного исследования в сфере внешнеполитических подходов КНР в АТР. С 2023 года автор читает курс «Страны Восточной Азии в современной системе международных отношений» для слушателей программы двух дипломов НИУ ВШЭ и Университета Кёнхи «Экономика и политика в Азии» на факультете мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

Личный вклад автора заключается в самостоятельном отражении

⁷⁵ Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022621533 Российская Федерация. США vs. КНР: контуры глобальной конкуренции: № 2022620643: заявл. 01.04.2022; опублик. 29.06.2022 / Д.А. Дегтерев, А.А. Еремин, М.С. Рамич [и др.]; заявитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»; Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2023622690 Российская Федерация. Распространение 5G-технологий в странах Африки, Азии и Латинской Америки: № 2023621853: заявл. 21.06.2023; опублик. 07.08.2023 / М.С. Рамич, Д.А. Пискунов, П.С. Лесникова [и др.]; заявитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы».

поставленных цели, задач, обосновании положений, выносимых на защиту, и достигнутых результатов диссертационного исследования в научных публикациях и докладах.

Ряд положений, выносимых на защиту, был апробирован в авторских научных статьях и научных статьях, опубликованных в соавторстве.

В статье, посвященной исследованию глобальной конкуренции США и КНР⁷⁶, автор рассмотрел основу применения теории «властного транзита» для анализа глобальной конкуренции США и КНР. Положения, опубликованные в указанной статье, были использованы в параграфах диссертации 2.2 и 3.2. Наработки, содержащиеся в указанной статье, нашли отражение в обосновании положений, выносимых на защиту, № 1 и № 7. Авторству М.С. Рамича в данной статье принадлежат разделы: «Получилось с Японией, получится ли с Китаем?», «Торговая война: Китай отвечает», «Военная мощь и Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) как будущий театр военных действий» (с. 217–225).

В статье, исследующей процесс трансформации подходов США к сотрудничеству в сфере безопасности на примере КВАД⁷⁷, автор рассмотрел общую концептуальную рамку анализа подхода США к сдерживанию КНР в АТР. Положения, нашедшие отражение в данной статье, были использованы при подготовке параграфа диссертации 2.2 и главы 3. Наработки, содержащиеся в данной статье, были использованы при обосновании положений, выносимых на защиту, № 6 и № 7 в части выводов относительно особенностей американской стратегии в АТР. Авторству М.С. Рамича принадлежат подразделы: «Региональные импульсы» (с. 26–28), «Изменения национальных стратегий» (с. 30–36) и «Укрепление двусторонних треков взаимодействия» (с. 36–39).

⁷⁶ Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США–КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2021. – Т. 21. – № 2. – С. 210-231.

⁷⁷ Худайкулова А.В., Рамич М.С. «Квад 2.0»: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 3. – С. 23-43.

В статье, посвященной вопросам развития современной американской стратегии развития двухсторонних и многосторонних форматов сотрудничества со странами ИТР.⁷⁸, представлен анализ трансформации американоцентричной системы региональной безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. Материалы из указанной статьи использовались при подготовке параграфа 3.1 диссертации и обосновании положения, выносимого на защиту, № 6. Авторству М.С. Рамича принадлежат разделы статьи на с. 82–85 и с. 91.

⁷⁸ Рамич М.С., Горбиль П.Р., Коростелева Е.И. Трансформация американоцентричной системы региональной безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе 2012–2020 гг. // Проблемы Дальнего Востока. – 2022. – № 1. – С. 81-95.

ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В АТР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ

1.1. Теоретико-методологические основы исследования межгосударственной конкуренции в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Геополитические проекции Азиатско-Тихоокеанского региона. Для изучения международных отношений в АТР необходимо, прежде всего, иметь четкое представление о географических и политических границах в регионе. Это обусловлено, с одной стороны, неоднородностью государственных акторов, расположенных в одном регионе, а с другой – наличием общих угроз безопасности и точек пересечения интересов.

В рамках ООН страны АТР входят в группу стран «Азия и Тихоокеанский регион», которая включает в себя Восточную Азию, Северную Азию, Центральную Азию, Южную Азию, Юго-Восточную Азию, Западную Азию и страны бассейна Тихого океана. В большинстве своем страны, географически расположенные в этом регионе, также являются членами Экономической и социальной комиссии Организации Объединенных Наций для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО).⁷⁹.

⁷⁹ Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) // ООН. URL:

Организации, направленные на реализацию практического международного сотрудничества, тяготеют к более узкому определению.

Организация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) включает в себя страны, расположенные на побережье Тихого океана, включая западное побережье Северной и Южной Америки, и не включает в себя большинство стран Южной и Юго-Восточной Азии, а также не включает Западную Азию⁸⁰. Подобный более широкий экономический подход демонстрирует и состав региональных членов Азиатского банка развития, который включает также страны Южной Азии, Юго-Восточной Азии, Центральной Азии и ряд стран Западной Азии⁸¹.

С политической точки зрения регион в большей степени определяется географическими зонами активности различных государств. Азиатско-Тихоокеанское командование США (сейчас Индо-Тихоокеанское командование США) определяет регион следующим образом: Тихий океан от Антарктиды вдоль российских территориальных вод и далее вдоль Китайской Народной Республики, Монголии, Корейской Народно-Демократической Республики, Республики Корея и Японии; страны Юго-Восточной Азии и суши Южной Азии к западной границе Индии; Индийский океан к востоку и югу от береговой границы Индии и Пакистана к западу до Антарктиды, Австралии, Новой Зеландии, Антарктиды и Гавайских островов⁸².

С точки зрения вопросов безопасности ядром международного взаимодействия в регионе была Восточная Азия, так как страны Южной и Юго-Восточной Азии длительное время были колониями и функционировали

<https://www.un.org/ru/ecosoc/escap> (дата обращения 23.10.23).

⁸⁰ What is Asia-Pacific Economic Cooperation? // APEC. URL: <https://www.apec.org/about-us/about-apec#:~:text=APEC's%2021%20member%20economies%20are,Thailand%3B%20United%20States%20of%20America%3B> (accessed: 03.05.2023).

⁸¹ About ADB/ADB. URL: <https://www.adb.org/who-we-are/about> (accessed: 03.05.2023).

⁸² United States Indo-Pacific Command // USINDOPACOM. URL: <https://www.pacom.mil/About-USINDOPACOM/USPACOM-Area-of-Responsibility> (accessed: 03.05.2023).

в качестве элементов глобальной стратегии европейских стран. В это же время в Восточной Азии установилась специфическая система международных отношений, которая до XX в. не была основана на принципах, которые заложил для европейской системы Вестфальский мир. Справедливо отметить, что после Опиумных войн Китай также был частично колонизирован европейскими державами. Он никогда не был колонией в классическом понимании, и часто данный период описывается как «полуколониальный»⁸³. В таком статусе Китай обладал большей субъектностью в сфере международных отношений, чем ранее упомянутые страны. Региональная система была относительно устойчивой, так как относительно небольшое число акторов и значительное военное, экономическое, политическое и культурное доминирование Китая сдерживали развитие конфликтов, свойственных для развития европейской системы безопасности.

Сложность в восприятии АТР возникает также вследствие того, что во многих странах этот регион в политическом смысле воспринимается как расширенная Восточная Азия. Такой подход традиционно свойственен Китаю, который имел особый исторический взгляд на географическое пространство до XX в., что в дальнейшем оказало значительное влияние на формирование современной стратегической культуры страны.

А.Д. Богатуров, исследовавший региональную подсистему, сложившуюся в регионе, отдавал предпочтение понятию «Восточная Азия». В своих трудах он выделял особую модель стабильности, которая, действуя по иной логике, чем европейская, оказалась лучше приспособленной к противодействию дестабилизирующих колебаний, ставших побочным

⁸³ Дегтерев Д.А. Антиколониализм: эволюция и страновые особенности академического дискурса // Африка – восходящий центр формирующегося многополярного мира: сборник статей / отв. ред. С.Н. Волков, Т.Л. Дейч, О.В. Константинова. М.: Институт Африки РАН, 2024. С. 15–45.

результатом глобальных трансформаций начала 1990-х гг.⁸⁴

После образования КНР наибольшее влияние на национальную безопасность страны также оказывали процессы в Восточной Азии, в том числе Корейская война и расширение американского присутствия в Японии и Южной Корее. Помимо этого, оставался нерешенным Тайваньский вопрос, который до настоящего времени выступает одним из приоритетных направлений китайской внешней политики.

Одним из первых документов, в котором было зафиксировано китайское видение АТР как единого региона, можно назвать Белую книгу по сотрудничеству в сфере безопасности в АТР, изданную в 2017 г.⁸⁵ Однако на практике Китай и до этого момента воспринимал АТР в качестве единого пространства безопасности. Основы китайского подхода были сформулированы еще в 1994 г., когда Ли Пэн призвал к укреплению сотрудничества в сфере безопасности в регионе Азии и Тихого океана⁸⁶. Важное влияние на восприятие АТР как единого региона оказало начало реализации инициативы «Один пояс, один путь», морская часть которой была сконцентрирована на хеджировании рисков, связанных с морской логистикой, обострившихся на фоне конкуренции с США.

Подобная логика прослеживалась и у США в период разработки геополитической стратегии в отношении АТР и в дальнейшем при разработке концепции для Индо-Тихоокеанской стратегии. В данном случае применим подход А.Б. Каримовой, рассматривающей регион в качестве цели и средства доминирования⁸⁷. Поэтому в случае с АТР и ИТР, осознавая значение

⁸⁴ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Сьюита, 1997. 349 с.

⁸⁵ China's Policies on Asia-Pacific Security Cooperation // The State Council Information Office of the People's Republic of China. 2017, January. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2017/01/11/content_281475539078636.htm (accessed: 10.06.2024).

⁸⁶ Shirk S.L. Chinese Views on Asia-Pacific Regional Security Cooperation // Analysis. 1994. Vol. 5. № 5. P. 5–13.

⁸⁷ Каримова А.Б. Связывая Индийский с Тихим, или модернизация инструментов влияния // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 6. С. 13–24. DOI 10.20542/0131-2227-2019-63-6-13-24.

сдерживания КНР для поддержания глобального доминирования США, основные политические усилия сконцентрированы в регионах Восточной и Юго-Восточной Азии, которые занимают приоритетное место в системе обеспечения национальной безопасности Китая.

Другой подход использует О.А. Арин, который писал о том, что Азиатско-Тихоокеанский регион – это миф, который умышленно развивался для смещения глобального фокуса⁸⁸. В таком ключе расширение геополитических интересов до масштабов более глобального сконструированного региона актуально и для ИТР⁸⁹.

Таким образом сложилась научная традиция анализа региональных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе через логику взаимодействия с доминантными акторами. В институциональном разрезе идеи азиатского и восточноазиатского регионализма сталкивались с азиатско-тихоокеанским подходом. В современной системе сохраняются подобные тренды, развитию которых способствует конкуренция между (ВП)ТТП и ВРЭП. Первый формат, в свою очередь, включает страны Северной, Центральной и Южной Америки, в то время как второй формат ориентирован на АСЕАН и интеграцию в Азии⁹⁰.

Азиатско-Тихоокеанский регион через призму теории комплексов региональной безопасности. В современном виде Азиатско-Тихоокеанская система международных отношений сформировалась преимущественно в период «холодной войны», испытав на себе значительное влияние блоковой конкуренции и процесса деколонизации. Принимая это во внимание, для определения рамок региона стоит использовать политические факторы. Такой подход предлагает теория комплексов региональной безопасности,

⁸⁸ Арин О.А. Азиатско-Тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность Вост. Азия: экономика, политика, безопасность. М.: Флинта, Наука, 1997. 435 с.

⁸⁹ Лукин А. На смену АТР идет ИТР? // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/_328 (дата обращения 03.05.2024).

⁹⁰ The International Relations of Asia // The Oxford Handbook of the International Relations of Asia / ed. by S.M. Pekkanen, J. Ravenhill, R. Foot. Oxford: Oxford Handbooks, 2014.

разработанная Б. Бузаном и О. Вейвером. Данные авторы представляют Копенгагенскую школу международных отношений и предлагают ориентированные на практику теории среднего уровня.

В контексте данной теории вопросы безопасности рассматриваются в рамках отдельных регионов, смещая фокус с глобальной системы безопасности. В рамках такого подхода большее внимание уделяется специфике взаимодействия между региональными и нерегиональными акторами в политической, экономической и социокультурной сферах. В ограниченных географических пространствах актуальность подобных связей представляется более интенсивной, в отличие от глобального уровня. Такой подход подразумевает, что характер межгосударственных отношений в одном регионе будет отличаться от других, поэтому требуется более глубокое рассмотрение контекста.

Другим важным фактором считается взаимосвязанность региональных акторов в вопросах безопасности, сформированная в ходе длительного исторического взаимодействия между географически близкими друг к другу государствами. В таких условиях общая региональная безопасность зависит от национальной безопасности отдельных авторов, входящих в систему. Вооруженный конфликт в одной из стран региона может оказывать влияние на стабильность в других странах. Это справедливо по отношению ко всем видам угроз, включая как традиционные (вооруженные конфликты, гонка вооружений, стратегическая конкуренция), так и новые (международный терроризм, киберугрозы, экологические катастрофы, эпидемии и т.д.), так как они требуют скоординированных и комплексных решений для обеспечения стабильности региональных систем.

Необходимость взаимодействовать внутри региона для противодействия общим вызовам и угрозам способствует формированию различных региональных форматов, которые, в свою очередь, различаются

по характеру взаимодействия и полномочиям. В одних регионах подобные форматы могут обладать более жесткими рамками, как, например, в Европе, в то время как в других регионах выбор делается в пользу более гибких и мягких форматов, это справедливо по отношению к Азии и Латинской Америке.

Также важно учитывать, согласно теории комплексов региональной безопасности, что региональные системы безопасности могут иметь и свою структуру, они могут быть однополярными, биполярными или многополярными, поэтому важно разделять глобальный и региональный уровень анализа.

Данный теоретический подход подразумевает, что структура комплекса региональной безопасности обладает следующими характеристиками:

- 1) границы, которые отделяют данный комплекс от других;
- 2) анархичная структура, которая подразумевает, что комплекс состоит из двух и более автономных единиц;
- 3) полярность, которая подразумевает распределение власти между акторами;
- 4) социальная конструкция, которая включает модели вражды или сотрудничества между акторами.

Исходя из подобной конфигурации, для комплекса региональной безопасности могут быть актуальны три сценария развития событий:

- 1) сохранение статус-кво – отсутствие существенных изменений в структуре комплекса;
- 2) внутренняя трансформация – изменения происходят внутри комплекса и могут быть связаны с изменением структуры региональной системы, полярности, моделей сотрудничества или вражды и т.д.;
- 3) внешняя трансформация – изменение внешней границы комплекса региональной безопасности, которое преобразует его структуру. Подобное

может произойти за счет слияния нескольких комплексов или их разделения.

По типам региональные комплексы безопасности подразделяются на стандартные, обладающие сравнительно более сбалансированной структурой распределения власти между региональными акторами, в которой страны обладают большей независимостью в своих подходах к региональной политике; центрированные, в которых вопросы безопасности и регионального взаимодействия формируются вокруг одной доминирующей державы, таким центром силы может быть великая держава, сверхдержава или международная организация; великодержавные, в которых структура формируется на основе взаимодействия нескольких великих держав; отдельно выделяется суперкомплекс, который формируется на основе межрегиональных связей через взаимодействие нескольких великих держав.

АТР с точки зрения теории комплексов региональной безопасности можно рассматривать как суперкомплекс, который объединяет несколько региональных подсистем – Южноазиатский комплекс, комплекс Юго-Восточной Азии и объединенный комплекс Северной и Восточной Азии⁹¹.

В рамках каждого из отдельных субрегионов присутствуют свои угрозы безопасности, такие как Индо-Пакистанский конфликт для Южной Азии, территориальные споры в Южно-Китайском море для ЮВА, Тайваньский вопрос и Северокорейская ядерная программа для Восточной Азии, которые в совокупности формируют общий комплекс угроз безопасности для Азиатско-Тихоокеанского региона. Особенно подобная взаимосвязанность усиливается в условиях американско-китайской конкуренции, отдельные факторы влияния которой можно обнаружить в каждой из региональных точек напряженности. В таких геополитических условиях важным

⁹¹ Buzan B. Security architecture in Asia: the interplay of regional and global levels // The Pacific Review. 2003. Vol. 16. № 2. P. 143–173.

исследовательским вопросом становится модель взаимодействия внутри суперкомплекса, которая балансирует между конфликтной моделью и попытками сформировать режим безопасности. Китай, Япония и Индия, выступая в качестве глобальных держав, увеличивают значимость региональных процессов для мировой политики, в то время как характер региональных взаимодействий влияет на способность КНР успешно стать сверхдержавой⁹².

Возвращаясь к вопросу определения границ Азиатско-Тихоокеанского региона, подход теории комплексов региональной безопасности предлагает методологическую рамку, позволяющую рассматривать региональные процессы и великодержавную конкуренцию, учитывая многослойную структуру региональной системы. В то время как современная Индо-Тихоокеанская стратегия США может рассматриваться как попытка сформировать новый суперкомплекс для поддержания глобальной гегемонии США и сдерживания КНР.

Азиатско-Тихоокеанский регион через призму теории комплексов международных режимов. Сложность вопросов международного взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе также требует обращения к теориям, позволяющим рассмотреть великодержавную конкуренцию через призму международных режимов и институтов. Такой подход предлагает теория комплексов международных режимов. Комплекс международных режимов – это определенная совокупность международных институтов, которые действуют в общей проблемной области, координирующих формальные и неформальные механизмы взаимодействия. Под институтами в данной теории подразумеваются и полноценные международные организации, и менее формальные объединения. В то время

⁹² Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 2. С. 7–19.

как механизмы координации относятся к моделям поведения и международного сотрудничества, возникшим в результате международного взаимодействия⁹³. Подобные комплексы режимов могут быть фрагментированными, где процессы управления не иерархичны и не дифференцированы, и интегрированными, где процессы управления иерархичны и дифференцированы.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе процесс формирования институтов активизировался в 1990-е гг., когда особое значение приобрели Региональный Форум АСЕАН, АСЕАН+3 и АТЭС. Данные форматы строились на принципах «мягкого» управления, опираясь на принцип верховенства суверенитета, что во многом определяет их больше как переговорные клубы, нежели международные режимы⁹⁴.

В 2010-е гг. их дополнили более функциональные институты в финансовой и экономической сфере, такие как Чиангмайская инициатива и конкурирующие АБИИ и Партнерство в области качественной инфраструктуры. Также сформировались общерегиональные торговые проекты, такие как (ВП)ТТП, ВРЭП и ИТЭС, которые в большей степени продвигались доминантными акторами⁹⁵.

В сфере безопасности подход к формированию режимов в значительной степени отличался. Больше развитие получили неформальные переговорные форматы, такие как АРФ, АСЕАН+3, Восточноазиатский саммит. В это же время американоцентричные форматы в сфере безопасности предложили более жесткую институциональную рамку. Это касается и проекта СЕАТО, и региональных минилатеральных объединений, и более актуального для современной системы безопасности КВАД. В то

⁹³ Henning R.C., Pratt T. Hierarchy and differentiation in international regime complexes: a theoretical framework for comparative research // *Review of International Political Economy*. 2023. Vol. 30. № 6. P. 2178–2205.

⁹⁴ Suzuki M. Introduction: The rise of formal institutions in the Asia-Pacific region through competitive regime complexity // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2024. Vol. 24. № 3. P. 367–397.

⁹⁵ Suzuki M. Introduction: The rise of formal institutions in the Asia-Pacific region through competitive regime complexity // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2024. Vol. 24. № 3. P. 367–397.

время как Китай также претендует на формирование подобных режимов через развитие ШОС и Сяньшаньского форума⁹⁶.

Данный теоретический подход необходим для анализа нормативного и институционального аспектов американо-китайской конкуренции в АТР, так как через формирование новых режимов КНР стремится трансформировать текущий баланс сил, в то время как США стремятся его сохранить через реформирование существующих институтов.

Подходы к регионализму в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В дополнение к ранее упомянутым подходам для понимания условий взаимодействия в регионе и системных процессов необходимо рассматривать сформировавшиеся в АТР подходы к регионализму, которые инструментально отличаются от западных и оказывают влияние на политику великих держав в регионе.

Подход к регионализму в Азии сформировался во время «холодной войны» параллельно с процессом деколонизации, когда доминировали идеи сохранения национального суверенитета в условиях противостояния СССР и США, формирующих глобальную систему международных отношений. В разрезе биполярного противостояния АТР был лишь одним из регионов, где сталкивались интересы двух противоборствующих блоков.

Международные форматы сотрудничества в сфере безопасности формировались постепенно, проходя через несколько этапов.

Так, в 1950-е гг., несмотря на попытки сформировать региональную систему коллективной безопасности, достичь согласия не удалось из-за антиколониальных настроений и неприемлемости сотрудничества с великими державами⁹⁷. Поэтому в 1990-х гг. сформировался новый подход, где центральную роль играли форматы сотрудничества АСЕАН, основанные

⁹⁶ Hofmann S.C., Yeo A. Historical institutionalism and institutional design: divergent pathways to regime complexes in Asia and Europe // *European Journal of International Relations*. 2024. Vol. 30. № 2. P. 306–332.

⁹⁷ Acharya A. *Whose ideas matter? Agency and power in Asian regionalism: Cornell studies in political economy*. Whose ideas matter? Ithaca: Cornell University Press, 2009. 189 p.

на идеях общей безопасности и коллективного вмешательства. В то время как Индия и Китай не обладали достаточными ресурсами для того, чтобы стать центрами регионального сотрудничества⁹⁸.

После Второй мировой войны именно США стали основным актором в процессе формирования азиатского регионализма, так как СССР был более вовлечен в вопросы послевоенного мироустройства в Европе. США предприняли попытку создать систему коллективной безопасности, подобную европейской, через СЕАТО, а в дальнейшем сделали выбор в пользу двусторонних соглашений⁹⁹. Неофункционалистские идеи регионализации не были близки странам АТР, которые были заинтересованы в сохранении независимости в вопросах безопасности и внешней политики, поэтому поддерживали идеи «мягкого» регионализма, воплощенного в АСЕАН. Такой подход сформировал правила поведения, основанные на неформальном стиле дипломатии, консенсусе и неконфронтационном торге. Именно это отличает АСЕАН от подобных европейских институтов, сохраняя гибкую модель сотрудничества и не стремясь к формализации процесса принятия решений¹⁰⁰.

Подобный комплекс факторов позволил предложить подход, который отличался от неолиберальных институциональных подходов, сформировавшихся в европейском регионе. Не позволив создать единую систему региональной безопасности, азиатский подход позволил сфокусироваться на экономическом развитии в инклюзивных диалоговых форматах, объединивших различные по политическому устройству, ориентации и экономической модели страны. Единственной структурой, объединившей страны региона для решения проблем безопасности, стал Региональный

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Katzenstein P.J. A world of regions: Asia and Europe in the American imperium: Cornell studies in political economy. A world of regions. Ithaca, N.Y: Cornell University Press, 2005. 297 p.

¹⁰⁰ Comparing regional institutions: an introduction // Crafting Cooperation / ed. by A. Acharya, A.I. Johnston. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

форум АСЕАН, совместивший формальный диалог на министерском уровне и ведущие мозговые центры стран-участниц, позволяя предварительно обсуждать их подходы и позиции для снижения противоречий на переговорах высокого уровня¹⁰¹.

Другим центром регионализации в АТР могла стать Япония, которая стала одной из первых индустриальных стран региона, интегрированных в глобальную экономику. Успехи Японии и ее экономическое и технологическое лидерство создавали возможности для развития в регионе новой системы регионального сотрудничества, построенной на неолиберальных идеях. Успешность японской модели развития во многом способствовала интеграции в неолиберальную экономическую систему Гонконга, Тайваня, Сингапура и Южной Кореи. Япония также выступала в качестве основного актора в Азиатском банке развития, поддерживала процесс формирования АТЭС, активно развивая торгово-экономические связи со странами региона¹⁰². Однако до 2010-х гг. Япония не предлагала своего видения регионального сотрудничества в сфере безопасности, ограничиваясь вопросами экономики и торговли.

Индия также предпринимала попытку предложить свое видение регионализма в 1980-е гг., которое было институализировано в СААРК¹⁰³. Однако действительные возможности по продвижению регионализма появились у Индии только в 2000-е гг., когда были начаты новые экономические реформы, и страна стала частью Индо-Тихоокеанской стратегии США¹⁰⁴.

¹⁰¹ Heller D. The Relevance of the ASEAN Regional Forum (ARF) for Regional Security in the Asia Pacific // *Contemporary Southeast Asia*. 2005. Vol. 27. № 1. P. 123–145.

¹⁰² OECD / The Bob Hawke Prime Ministerial Centre at the University of South Australia (2005), *Regional Integration in the Asia Pacific: Issues and Prospects*, OECD Publishing. Paris. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264009172-en> (date accessed: 20.10.2023); Yoshida Y. *East Asian Regionalism and Japan* // IDE APEC Study Center. Working paper series. 2004. № 9. P. 1–35.

¹⁰³ Singh S. *India and Regionalism. Regionalism in South Asian Diplomacy* // SIPRI Policy Paper. 2007. № 15. P. 25–39.

¹⁰⁴ Steger M.B., Ravi K.R. 'Neoliberalism in the Asia-Pacific region', *Neoliberalism: A Very Short Introduction*. 2nd

После азиатского экономического кризиса 1998 г. многие страны региона осознали уязвимость моделей развития, связанных с излишней зависимостью от международных финансовых институтов, что запустило тенденции на усиление регионального сотрудничества между АСЕАН, КНР, Южной Кореей и Японией (АСЕАН+3).¹⁰⁵ Важным результатом такого сотрудничества стала Чангмайская инициатива, которая на практике сместила фокус в сторону повышения региональной устойчивости в условиях международных кризисов. Также инициатива дала возможность увеличить роль КНР в многостороннем финансово-экономическом сотрудничестве в АТР, определив его координирующую роль во взаимодействии региональных и глобальных институтов.¹⁰⁶

Конкуренция США и КНР оказывает значительное влияние на вопросы регионализма в АТР. В современных условиях сохранять блоковую нейтральность становится очень сложно, и страны региона встают перед необходимостью «примыкания» к одной из коалиций. Региональные форматы сотрудничества, изначально созданные для координации позиций стран региона, становятся ареной для расширения влияния и инструментами трансформации региональной политикой и экономической архитектуры.

Теоретические подходы к анализу американско-китайской конкуренции. Американско-китайская конкуренция является важным глобальным трендом, охватывающим все регионы мира и все возможные политические пространства. Именно рост числа сфер взаимодействия усложняет теоретические подходы к анализу конкуренции, не позволяя использовать одну отдельно выбранную теоретическую школу, что было применительно в исследованиях периода «холодной войны» при анализе

ed. Very Short Introductions. Oxford, 2021 (online ed.: Oxford Academic, 28.01.2021).

¹⁰⁵ Ramkishan S.R. Unilateral, regional and multilateral options for East Asia // *Financial Arrangements in East Asia* / ed. by G. de Brouwer. London: Routledge, 2002. P. 239–263.

¹⁰⁶ Chan G. China's response to the global financial crisis and its regional leadership in East Asia // *Asia Europe Journal*. 2012. № 9 (2-4). P. 197–209. URL: <https://doi.org/10.1007/s10308-012-0306-6> (date accessed: 20.10.2023).

глобальной конкуренции США и СССР.

Ни одна из больших школ не дает всеобъемлющего инструментария для объективного рассмотрения современной ситуации. Теоретические наработки школы неореализма зачастую не учитывают влияние экономических и институциональных факторов. Теория комплексной взаимозависимости не учитывает особенности стратегической культуры международных акторов, так как в большей степени базируется на неолиберальных представлениях. В то время как школа конструктивизма делает акцент на продвижении норм и ценностей, снижая значимость материальных потенциалов. В такой ситуации исследователю необходимо собирать отдельный теоретический инструментарий, сочетающий «большие» теории и теории среднего уровня для проведения комплексного анализа. Справедливо отметить, что для анализа американо-китайской конкуренции наибольшей популярностью пользуется теория «властного транзита» и теория комплексной взаимозависимости.

Устоявшиеся теоретические подходы школ либерализма и реализма не предоставляют достаточного инструментария для однозначной оценки отношений США и КНР в современной системе международных отношений¹⁰⁷. Однако данные подходы позволяют рассмотреть причины столкновения интересов в глобальном разрезе. Изменение баланса сил привело к началу периода «властного транзита», в котором Китай стал выступать в качестве претендента на роль глобального гегемона. Это привело страны в состояние «ловушки Фукидида», которое в большинстве исторических случаев приводило к вооруженному конфликту, определившему будущее мироустройство¹⁰⁸.

Теория властного транзита в данном случае позволяет рассматривать

¹⁰⁷ Watanabe T. US Engagement Policy toward China: Realism, Liberalism and Pragmatism // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2013. № 2 (2). P. 3–24.

¹⁰⁸ Allison G. Destined for war: Can America and China escape Thucydides's trap? Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.

динамику отношений США и КНР с точки зрения материальных потенциалов. Отправной точкой для начала периода властного транзита, согласно данной теории, считается достижение претендентом 80% от материальной мощи доминирующей нации. Изначально для оценки материального потенциала использовали валовой национальный доход¹⁰⁹. С другой стороны, важным положением данной теории является аргумент о формировании коалиции неудовлетворенных государств вокруг возвышающейся державы, в то время как страны, удовлетворенные своим положением в существующей системе глобального управления, более тяготеют к поддержке существующего гегемона и противодействию ревизионизма. В это же время существуют случаи мирного транзита власти, когда не было прямого вооруженного столкновения между возвышающейся державой и гегемоном. Наиболее близким является опыт перехода глобального лидерства от Великобритании к США после двух мировых войн, когда проигравшая сторона, потеряв глобальное влияние, сохраняла доступ к рынкам, сформированный в предыдущей системе¹¹⁰.

Неоднозначно среди теоретиков воспринимаются и возможные сценарии окончания периода властного транзита. Наиболее опасным для глобальной стабильности является сценарий G0, в котором США утратят свое лидерство, а Китай не сможет или не захочет стать лидером¹¹¹. Также о подобном говорят положения «ловушки Киндлбергера». Когда США сменили Великобританию в качестве глобального гегемона в начале XX в., мир столкнулся с кризисом, вызванным неспособностью первых обеспечить функционирование системы предоставления общественных благ. Подобная ситуация может повториться и вследствие американо-китайского

¹⁰⁹ Organski A.F.K., Kugler J. The war ledger. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

¹¹⁰ Lake D.A. Economic Openness and Great Power Competition: Lessons for China and the United States // The Chinese Journal of International Politics. 2018. № 11 (3). P. 237–270.

¹¹¹ Bergsten C.F. China and the United States: The contest for global economic leadership // China & World Economy. 2018. Vol. 26. № 5. P. 12–37.

противостояния¹¹².

Другой важной характеристикой конкуренции между США и КНР является комплексная взаимозависимость, сформировавшаяся как результат длительного периода глобализации и формирования существующей международной системы. Комплексная взаимозависимость сделала великодержавную конкуренцию более сдержанной, сохраняя возможность для сотрудничества и снижения негативных факторов¹¹³. Прямое столкновение в таких условиях будет означать существенный урон для обеих стран от потери сотрудничества, поэтому международная напряженность усиливается в других областях. В случае с США и КНР основным полем для конкуренции стали сфера глобального управления и конкуренции в международных институтах и между возглавляемыми двумя странами международными институтами, а также сферы торговли, экономики и технологий.

Положения взаимозависимости справедливы и по отношению к потенциальным сторонникам конкурирующих государств. Во времена «холодной войны» большая часть стран, принадлежавших к капиталистическому или социалистическому блоку, была сфокусирована на сотрудничестве только с ограниченным кругом государств. В настоящей системе международных отношений для большинства стран мира КНР является крупнейшим торговым партнером, а большая часть стран, формирующих «ядро» существующей мировой экономической системы, являются членами АБИИ и китаецентричных форматов¹¹⁴. Однако существует не только возможность вовлечения других стран в конфликт, но и спровоцировать его в случае, если речь идет о наиболее близких

¹¹² Nye J.S. The Kindleberger Trap // Project Syndicate. 09.01.2027. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-china-kindleberger-trap-by-joseph-s-nye-2017-01> (accessed: 20.10.2023).

¹¹³ Nye J.S. Power and Interdependence with China // The Washington Quarterly. 2020. № 43 (1). P. 7–21.

¹¹⁴ Конкуренция между США и КНР: возможности для России: монография / под ред. Д.А. Дегтерева. М.: Аспект Пресс, 2024. 300 с.

союзниках¹¹⁵. Наиболее близкими теоретическими подходами для анализа взаимодействия внутри и между коалициями являются подходы неореализма в категориях «балансирование» и «примыкание»¹¹⁶.

В это же время для современного баланса сил свойственны более сложные форматы сотрудничества между странами. Примером является концепция «хеджирования» в Японии. Данный подход применим преимущественно к странам, которые относятся к средним державам и стремятся сохранить устойчивое положение в условиях великодержавной конкуренции. Такой подход позволяет сочетать экономическое, военное и дипломатическое балансирование с экономическим, политическим и дипломатическим примыканием.

В этом контексте можно выделить 6 основных моделей хеджирования:

1) военное балансирование / экономическое примыкание (конвенциональное хеджирование);

2) дипломатическое балансирование / экономическое примыкание (мягкое хеджирование);

3) военное примыкание / экономическое балансирование (экономическое хеджирование);

4) военное примыкание / дипломатическое балансирование (хеджирование безопасности);

5) экономическое балансирование / дипломатическое примыкание (дипломатическое хеджирование);

6) военное балансирование / дипломатическое примыкание (военно-политическое хеджирование)¹¹⁷.

Такой подход позволяет странам региона избежать дилеммы

¹¹⁵ Tonnesson S. Deterrence, interdependence and Sino-US peace // *International Area Studies Review*. 2015. № 18 (3). P. 297–311.

¹¹⁶ Waltz K. *Theory of International Politics*. Long Grove, IL: Waveland Press, 1979.

¹¹⁷ Koga K. The Concept of «Hedging» Revisited: The Case of Japan's Foreign Policy Strategy in East Asia's Power Shift // *International Studies Review*. 2018. № 20. P. 633–660.

безопасности, которая может возникнуть в случае слишком тесного сотрудничества с одной из противоборствующих сторон. В то же время в условиях роста экономической зависимости от Китая сотрудничество в сфере безопасности с США позволяет сбалансировать влияние.

Другим важным теоретическим подходом, используемым для анализа американо-китайской конкуренции, выступает теория структурной силы С. Стрэндж. Структурная власть – это возможность создавать и поддерживать международные структуры, в рамках которых действуют другие государства и акторы¹¹⁸. Опорами (структурами первого уровня) для международной системы в данной теории выступают финансовые и производственные структуры, а также структуры безопасности и распространения знаний. На втором уровне выделяются транспортные, торговые, энергетические структуры и системы поддержания общего благосостояния¹¹⁹. Современная конкуренция США и КНР становится основным двигателем трансформации системы глобального управления, где изменяются и правила игры в рамках основополагающих структур. АТР не является не только исключением в процессе глобальных трансформаций, но и основной ареной для конкуренции американских и китайских подходов в сфере глобального управления.

Количественные подходы к оценке национальных потенциалов в конкуренции США и КНР. Важным элементом анализа глобальной и региональной конкуренции США и КНР является оценка материальных показателей, которая, в свою очередь, также нашла отражение в ранее упомянутых теоретических подходах.

В ключе неореалистских подходов большее внимание уделяется показателям, влияющим на силовой потенциал стран. В теории властного

¹¹⁸ Strange S. *State and Markets*. 2nd ed. London: Continuum, 1994.

¹¹⁹ Там же.

транзита основным показателем силы государства выступает ВНД, также активно используются оценки номинального ВВП и ВВП по ППС. По ВВП США до сих пор сохраняют лидерство с показателем 27,36 против 17,79 трлн долл. у КНР.¹²⁰ В то время как по ВВП по ППС КНР уже обогнала США с показателем 34,6 против 27,3 трлн долл., т.е. более чем на 26%.¹²¹ В это же время в вопросах затрат на военные расходы США до сих пор сохраняют лидерство с большим отрывом как по номинальным показателям (США – 916 млрд долл., КНР – 296 млрд долл.)¹²², так и по военным расходам по ППС (США – 854 млрд долл., КНР – 377 млрд долл.)¹²³ в 2023 г. В это же время существует точка зрения, что реальные расходы КНР на оборону уже сопоставимы с американскими и составляют более 700 млрд долл.¹²⁴ Однако международная динамика указывает на то, что рассмотрение только одного из показателей материальной мощи не позволяет дать объективную оценку текущему балансу сил.

Решить подобные задачи позволяет объединение ряда показателей в единый индекс, как было сделано проектом Корреляты войны в случае со Сводным индексом национальных потенциалов, который включает шесть показателей, таких как общая численность населения страны, численность городского населения, выплавка чугуна и стали, потребление первичной энергии, военные расходы и численность армии¹²⁵. КНР обошла США по данному показателю и в настоящий момент является лидером, что позволяет

¹²⁰ GDP (current US\$) // World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (accessed: 20.10.2024).

¹²¹ GDP, PPP (current international \$) // World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD> (accessed: 20.10.2024).

¹²² Countries with the highest military spending worldwide in 2023 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/262742/countries-with-the-highest-military-spending> (accessed: 20.10.2024).

¹²³ Military expenditure, defence sector PPP // Asia Power Index. Lowy Institute. URL: [Military expenditure, defence sector PPP](https://www.asiapowerindex.com/military-expenditure) (accessed: 20.10.2024).

¹²⁴ China's Real Military Budget Is Far Bigger Than It Looks // 19Fortyfive. URL: <https://www.19fortyfive.com/2023/06/chinas-real-military-budget-is-far-bigger-than-it-looks> (accessed: 21.08.2024).

¹²⁵ National Material Capabilities (v5.0). The Correlates of War Project. URL: <http://correlatesofwar.org/datasets/national-material-capabilities> (дата обращения 16.06.2024).

говорить о сопоставимых глобальных возможностях двух стран, но требует более детальной оценки в случае с отдельными регионами и отраслями¹²⁶.

К этому же типу показателей относятся индексы, оценивающие военную мощь государств. Одним из наиболее используемых является Глобальный индекс военной мощи, рассматривающий потенциалы 145 стран мира для ведения боевых действий на суше, море и в воздухе, включая более 60 факторов, которые позволяют детально изучить возможности отдельных стран. США и Китай занимают первое и третье место в данном рейтинге, в то время как второе место занимает Россия, однако разница в потенциалах между тремя ведущими державами не такая большая, как у остальных стран мира¹²⁷. Учитывая потенциал глобального развертывания и наличие военных баз во всех регионах мира, США до сих пор сохраняют глобальное доминирование в военной сфере. Однако в случае с АТР необходим более глубокий подход, который учитывает соотношение военной мощи в регионе. Более того, Китай, который обладает крупнейшими по численности армией, флотом и ракетными войсками, находится в своем регионе и может проецировать всю мощь в рамках региональной системы безопасности.

Вклад в решение проблемы создания комплексных количественных систем анализа внесли эксперты Университета Лоуи в Австралии, которые в 2018 г. разработали Азиатский индекс силы (Asia Power Index), включающий анализ 27 стран Азиатско-Тихоокеанского региона по 131 индикатору, разделенному на 8 тематических групп¹²⁸. В последней редакции индекса США сохранили свой статус самой влиятельной страны в АТР, на втором месте – КНР, далее идут Индия и Япония. США поддерживают свое лидерство за счет обширных оборонных сетей и влияния, в то время как

¹²⁶ Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ / под ред. Д.А. Дегтерева, М.А. Никулина, М.С. Рамича. М.: РУДН, 2021.

¹²⁷ 2024 Military Strength Ranking // GFI. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (accessed: 21.09.2024).

¹²⁸ About the Lowy Institute Asia Power Index // Lowy Institute. URL: <https://power.lowyinstitute.org/about> (accessed: 21.09.2024).

Китай наращивает военную мощь, дипломатическое и экономическое влияние¹²⁹.

С точки зрения формирования глобальных коалиций вокруг США и КНР, комплексную методологию исследования представили авторы из РУДН в рамках G2 Research Project. В данном проекте были использованы показатели торговой и долговой зависимости, совпадения голосов в ООН, доля в импорте высокотехнологичных товаров и институциональные факторы, включающие членство в международных организациях и соглашениях¹³⁰.

Методология анализа американо-китайской конкуренции в АТР требует использования различных теоретических и прикладных подходов. В условиях «транзита власти» наиболее общую теоретическую рамку исследования составляют теоретические наработки школы неореализма, в том числе теория «властного транзита». Однако, учитывая комплексный характер изучаемой проблематики, данные подходы дополняют теория «структурной власти» С. Стрэндж и теория комплексной взаимозависимости.

Для исследования конкуренции в региональном разрезе требуется принимать во внимание, прежде всего, сложившиеся подходы к регионализму, формирующие ландшафт для великодержавной конкуренции. Для анализа системных факторов используется теория комплексов региональной безопасности, которая позволяет рассматривать АТР в качестве суперкомплекса безопасности, и теория комплексов международных режимов, которая позволяет рассматривать международные институты и форматы в контексте великодержавной конкуренции в регионе.

Отдельно используются количественные инструменты анализа национальных потенциалов США, КНР, а также их основных партнеров. В данном случае учитывается комплекс показателей, связанный с

¹²⁹ Asia Power Index, 2023 Edition. Lowy Institute, 2024. URL: <https://power.lowyinstitute.org> (дата обращения 18.06.2024).

¹³⁰ Конкуренция между США и КНР: возможности для России: монография / под ред. Д.А. Дегтерева. М.: Аспект Пресс, 2024. 300 с.

материальными возможностями стран в экономической и военной сферах, а также институциональное, дипломатическое и системное влияние. В анализе используются как отдельные показатели, так и составные индексы и рейтинги, такие как CINC, GFI, Asia Power Index и др.

1.2. Формирование Сан-Францисской системы международных отношений после Второй мировой войны

Система международной безопасности, выстроенная в АТР, была сформирована под действием различных факторов, но до настоящего времени основывается на соглашениях, заключенных после Второй мировой войны. Первопричиной создания Сан-Францисской системы в АТР стало нарастающее противостояние между двумя блоками – капиталистическим и социалистическим, которое из европейского региона постепенно распространялось по всему миру.

На Ялтинской и Потсдамской конференциях 1945 г. в основном решались вопросы послевоенного устройства в Европе, а Азия рассматривалась в контексте принуждения Японии к капитуляции и присоединения СССР к войне на Тихом океане. США и Великобритания изначально стремились уменьшить влияние СССР в АТР. Первым проявлением такой политики было заключение Потсдамской декларации, определяющей условия капитуляции Японии совместно с Китайской Республикой без участия СССР. Декларацию, которая содержала основные требования к капитуляции Японии, подписали Президент США, Президент Китайской Республики и премьер-министр Великобритании.¹³¹

А.Д. Богатуров отмечает, что в Ялте союзники обсуждали послевоенное

¹³¹ Potsdam Declaration Proclamation Defining Terms for Japanese Surrender issued at Potsdam // The official website of National Diet Library. 26.07.1945. URL: <https://www.ndl.go.jp/constitution/e/etc/c06.html> (accessed: 10.07.2023).

устройство в контексте идеи «сильного Китая», а Сан-Францисская система, в итоге, была построена против экономически развитой и подконтрольной в военно-политическом плане Японии.¹³² Планы США интегрировать Китайскую республику в свою систему безопасности разрушились после образования КНР в 1949 г., поэтому к началу конференции в Сан-Франциско акцент переместился на Японию.

Особенностью АТР также было и то, что в регионе было представлено значительное число стран, тяготеющих к политике неприсоединения. В отличие от Европы, где нейтралитет таких стран, как Швеция, Швейцария, Финляндия, Ирландия и Австрия, проявлялся в неприсоединении к НАТО при полной идеологической поддержке Запада, в АТР было большое число сторонников Движения неприсоединения, которых нельзя было отнести ни к Западному, ни к Восточному блоку.¹³³

Сан-Францисский мирный договор и система безопасности в АТР.

В условиях идеологической неопределенности части стран региона, образования коммунистического Китая и нарастающей глобальной напряженности с СССР США изначально ставили целью конференции в Сан-Франциско создание комплекса международных договоров, формирующих систему региональной безопасности, основанную на сотрудничестве с США. Итоговый документ конференции заложил основу для американской политики сдерживания в регионе.

Договор лишь частично решил вопросы территориального урегулирования после Второй мировой войны, поэтому сохранился комплекс неурегулированных территориальных споров, которые в дальнейшем стали одними из определяющих элементов Азиатско-Тихоокеанской системы безопасности.

¹³² Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Сьюита, 1997. 349 с.

¹³³ Hara K. Rethinking the 'Cold War' in the Asia-Pacific // *The Pacific Review*. 1999. Vol. 12. № 4. P. 515–536.

Во-первых, не был урегулирован вопрос принадлежности Курильских островов, что стало камнем преткновения в вопросе заключения мирного договора между СССР и Японией. США и их западные союзники были заинтересованы в том, чтобы создать нестабильность на границе СССР, поэтому поддерживали стремление Японии. В итоговом документе Сан-Францисской конференции было указано, что «Япония отказывается от всех прав, титулов и притязаний на Курильские острова, а также на ту часть Сахалина и прилегающие к нему острова, над которыми Япония приобрела суверенитет в результате Портсмутского договора от 5 сентября 1905 г.»¹³⁴. Это создало правовую неопределенность, вызванную тем, что острова Южных Курил были переданы Японии по Санкт-Петербургскому договору 1875 г. Из-за сложившихся обстоятельств вопрос принадлежности Курильских островов стал одним из традиционных источников напряженности в азиатско-тихоокеанской системе безопасности.

Во-вторых, аналогичным образом сформировалась проблема принадлежности островов Сенкаку, или Дяюйдао, на которые претендуют Китай и Япония. Если принадлежность островов Пэнху была определена мирным договором, то острова Сенкаку должны были находиться под управлением со стороны ООН и США¹³⁵. В дальнейшем и Гоминьдан на Тайване, и КНР будут претендовать на эту территорию.

В-третьих, сформировался спор вокруг островов Лианкур, или Такэсима, на которые претендуют Япония и Корея. В предварительных версиях мирного договора с Японией было указано, что данные острова должны перейти Корее, однако сложность состояла в том, что после завершения военных действий на тихоокеанском театре военных действий

¹³⁴ Treaty of Peace with Japan (with two declarations). Signed at San Francisco, on 8 September 1951. Chapter II Territory. Article 2 // United Nations – Treaty Series. 8.09.1951. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20136/volume-136-i-1832-english.pdf> (accessed: 18.09.2023).

¹³⁵ The San Francisco Peace Treaty of 1951 // The official website of the United Nations Treaty Collection. 8.09.1951. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20136/volume-136-i-1832-english.pdf> (accessed: 09.06.2023).

Корея оказалась разделена между США и СССР. Опасаясь утратить контроль над Кореей в свете победы коммунистов в гражданской войне в Китае, США убрали из финальной версии договора упоминания островов, оставив этот вопрос вне правового регулирования¹³⁶.

Япония стала связующим звеном в американской тихоокеанской политике. Территориальные споры, которые стали наследием мирного договора, подписанного в Сан-Франциско, в дальнейшем будут использоваться как обоснование для увеличения американского военного присутствия и для создания напряженности на границах СССР/РФ и КНР в контексте американской политики сдерживания в регионе.

Первый этап развития архитектуры безопасности в АТР (1951–1960 гг.). В основе американской политики в АТР лежало желание исключить страны региона из орбиты влияния СССР и Китая, параллельно ведя борьбу с распространением коммунистической идеологии. За счет неоднородной структуры стран региона был выбран подход, подразумевающий создание двусторонних и в ограниченной степени многосторонних военно-политических союзов. Как уже говорилось ранее, первым и ключевым элементом этой системы после того, как не удалось получить союзника в лице Китая, стала Япония. В 1951 г. был подписан договор об обороне с Японией и договор с Австралией и Новой Зеландией (ANZUS), выступившие фундаментом для расширения системы. Япония и Австралия в дальнейшем станут наиболее устойчивыми элементами системы альянсов США в регионе. К 1954 г. США подписывают аналогичные соглашения с Тайванем, Филиппинами, Южной Кореей и Таиландом. Стремясь пойти по пути европейской системы безопасности, США создают СЕАТО (Организация договора Юго-Восточной Азии), представляя ее в качестве «азиатского» НАТО.

¹³⁶Hara K. 50 Years from San Francisco: Re-Examining the Peace Treaty and Japan's Territorial Problems // Pacific Affairs. 2001. Vol. 74. № 3. P. 361–382.

СЕАТО была примечательна тем, что, помимо региональных партнеров США (Австралии, Новой Зеландии, Таиланда, Филиппин и Пакистана), включала глобальных партнеров США, которые также были представителями колониальных держав, обладающих высоким уровнем влияния в АТР, – Францию и Великобританию. В частности, договоренности о создании СЕАТО в большей степени шли при тесной координации с Великобританией, на которую оглядывались Австралия и Новая Зеландия, желая получить больше преимуществ от нового союза¹³⁷.

Включение Великобритании и Франции было важно с точки зрения увеличения военно-политического потенциала новой организации, так как обе колониальные державы обладали большим опытом колониальных войн и были знакомы с особенностями региона. Также с политической точки зрения Великобритания и Франция, входя в список наиболее влиятельных государств мира, обеспечивали легитимность объединения за счет своего авторитета. Однако ставка на колониальные интересы двух стран, имеющих зависимые территории в Азии, оказалась не очень удачной, так как различия в стратегических приоритетах и коренных интересах между членами СЕАТО негативно влияли на эффективность организации. Также организация столкнулась с противодействием со стороны других региональных акторов, в частности, Индии. Д. Неру призывал страны региона избегать членства в СЕАТО, рассматривая его как наследие колониализма, что делало страны, которые недавно обрели независимость и придерживались антиколониальной повестки, противниками подобных союзов¹³⁸. Об этом также размышлял Амит Ачарья, говоря об институализации региональной системы в Азии и проводя параллели с европейской системой¹³⁹.

¹³⁷ Brands H.W. From ANZUS to SEATO: United States Strategic Policy towards Australia and New Zealand, 1952–1954 // *The International History Review*. 1987. Vol. 9. № 2. P. 250–270.

¹³⁸ Roy N. Assuaging Cold War Anxieties: India and the Failure of SEATO // *Diplomacy & Statecraft*. 2015. Vol. 26. № 2. P. 322–340.

¹³⁹ Acharya A. Whose ideas matter? Agency and power in Asian regionalism: *Cornell studies in political economy*.

Соглашения о взаимной обороне, которые заключались на двустороннем уровне, и Организация договора о Юго-Восточной Азии были важными компонентами американской системы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе в этот период времени. Однако их эффективность в достижении намеченных целей была ограниченной, и этому способствовало несколько факторов.

США оказывали военную помощь и содействие своим союзникам в регионе, но они часто были не в состоянии устранить коренные причины конфликтов и споров. Это привело к тому, что США воспринимались как внешняя сила, навязывающая свою волю региону, а не как равноправный партнер стран региона.

Помимо этого, США делали большой акцент на сдерживании коммунизма, вынуждая страны региона выбрать свою сторону и становиться участниками «холодной войны».

США не удалось сформировать полноценную многостороннюю структуру по аналогии с НАТО в Европе, поэтому, в итоге, основными столпами американской гегемонии в АТР были двусторонние союзы, которые в редких случаях расширялись до 3–4 участников для решения конкретных задач в сфере региональной безопасности. К 1960-м гг., осознавая необходимость повышения эффективности регионального взаимодействия в условиях нарастающей межблоковой напряженности, США предприняли попытку реформировать систему региональных союзов.

Второй этап развития архитектуры безопасности в АТР (1960–1979 гг.). В 1960-е гг. в США было принято решение усилить свое присутствие в АТР. Вновь в качестве отправной точки была выбрана Япония. В 1960 г. был подписан Договор безопасности между США и Японией, который заменил Договор от 1951 г. Данный Договор определил ключевую

роль США в обеспечении безопасности Японии и закрепил за США право на использование японской территории для размещения военных объектов и поддержки американских военных операций в регионе.¹⁴⁰

Причины изменения политики и соглашения с Японией были схожими.

Во-первых, Корейская война продемонстрировала необходимость усиления потенциала США в Азии для более эффективного сдерживания коммунизма.

Во-вторых, Япония восстанавливалась после войны и демонстрировала экономический рост. В 1950–1954 гг. темпы экономического роста Японии составляли 7,5%, к 1960 г. они достигли 10% и продолжали расти, сопровождаясь взрывным ростом контрактов на импорт новых иностранных технологий в таких сферах, как металлургия, нефтехимия, электроника, автомобилестроение и химическая промышленность, которые были отраслями с чрезвычайно высокими темпами роста. В 1950-х гг. число таких контрактов было менее 1000, к 1960 г. это число составляло около 2000, а к 1965 г. – уже 4000.¹⁴¹

В-третьих, начался конфликт в Индокитае, в который были вовлечены СССР и США, поэтому повысилась роль стран Юго-Восточной Азии в азиатской архитектуре безопасности, заставляя США форсировать создание новых союзов для балансирования СССР и растущих интересов Китая.

В-четвертых, США были озабочены развитием ядерных технологий в Китае, где на рубеже 1950–1960 гг. шла разработка ядерного оружия при поддержке СССР. И даже после разрыва советско-китайского сотрудничества в этой плоскости Китай смог завершить проект и к 1964 г. успешно провести испытания ядерной бомбы¹⁴². Учитывая глобальный контекст, в том числе и

¹⁴⁰ Japan-US Security Treaty // The official website of Ministry of foreign affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/q&a/ref/1.html> (accessed: 28.07.2023).

¹⁴¹ The Japanese Economic Miracle // Berkeley Economic Review. 26.01.2023. URL: <https://econreview.berkeley.edu/the-japanese-economic-miracle> (accessed: 21.03.2023).

¹⁴² История ядерной программы Китая // РИА Новости. 2015. URL: <https://ria.ru/>

Карибский кризис, появление ядерного оружия у Китая стало серьезной угрозой для США и их интересов в регионе.

Из-за указанных выше причин были обновлены соглашения и с другими основными союзниками США в регионе, включая Южную Корею (1966 г.)¹⁴³, Филиппины (1960 г.)¹⁴⁴ и Таиланд (1962 г.)¹⁴⁵. Соглашения должны были гарантировать безопасность указанных государств в случае агрессии третьих стран.

Период активных трансформаций пришелся на период президентства Ричарда Никсона, который еще во времена нахождения на посту вице-президента уделял особое внимание АТР¹⁴⁶. В 1969 г., выступая в Гуаме, Р. Никсон озвучил тезисы новой внешнеполитической доктрины США в регионе. В числе основных положений говорилось о сохранении американского военного присутствия в АТР, решении вопроса военно-политического вакуума в бассейне Индийского океана после сокращения Великобританией своего присутствия к востоку от Суэца, сдерживании КНР. Также он выступал за установление диалога и развитие экономических связей со странами региона¹⁴⁷. Фактически новая доктрина повысила уровень прагматизма в региональной политике США и сместила фокус на выстраивание благоприятного баланса сил в регионе, что требовало установления диалога с Китаем¹⁴⁸.

В 1972 г. было опубликовано Шанхайское коммюнике, в котором США признавали Тайвань частью Китая, а также обозначали стремление к

20150115/1042543537.html (дата обращения 21.03.2023).

¹⁴³ Mutual Defense Treaty Between the United States and the Republic of Korea 1953 // The official website of US Forces Korea. 1.10.1953. URL: https://www.usfk.mil/Portals/105/Documents/SOFA/H_Mutual%20Defense%20Treaty_1953.pdf (accessed: 10.06.2023).

¹⁴⁴ US Security Cooperation with the Philippines // The official website of the US Department of State. 7.10.2022. URL: <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-the-philippines> (accessed: 10.08.2023).

¹⁴⁵ US Relations with Thailand // The official website of the US Department of State. 4.05.2021. URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-thailand> (accessed: 10.08.2023).

¹⁴⁶ Watson E.L. South Asia and the Cold War: Vice President Nixon's forgotten trip to Ceylon // South Asian History and Culture. 2010. Vol. 2. № 1. P. 37–54.

¹⁴⁷ Miyoshi O. The Nixon doctrine in Asia // The Adelphi Papers. 1972. Vol. 12. № 91. P. 13–20.

¹⁴⁸ Там же.

нормализации отношений¹⁴⁹. С этого момента США и КНР начинают совместно выступать против «советского гегемонизма» в АТР, таким образом кардинально меняя баланс сил в условиях биполярного противостояния¹⁵⁰.

Вьетнамская война сформировала сильную антивоенную повестку в США, что увеличивало издержки на содержание в АТР военного контингента. Достижение договоренностей с КНР позволяло снизить градус военного сдерживания коммунизма в регионе. Однако США необходимо было сохранить необходимый для быстрого реагирования на угрозы контингент. Показательным стало соглашение США и Японии о базировании в Японии на постоянной основе американского авианосца Мидуэй (USS Midway), что позволило решить две задачи: во-первых, сохранить военное присутствие в АТР, где Мидуэй стал символом продолжающегося американского военного превосходства в регионе; во-вторых, решить экономические проблемы за счет сокращения затрат, возникающих при обслуживании авианосцев в американских портах в Калифорнии¹⁵¹.

Второй этап формирования архитектуры безопасности завершился примерно к 1979 г., когда произошло несколько ключевых событий на периферии АТР, оказавших значительное влияние на баланс сил в регионе.

Во-первых, СССР ввел свои войска в Афганистан. С этого момента начался новый виток биполярного противостояния двух сверхдержав. Война в Афганистане повысила приоритетность азиатского направления в «холодной войне» и, несмотря на то что Афганистан по классификации не

¹⁴⁹ Joint Communiqué between the United States and China, 1972 // The official website of the Wilson Center. 1972. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/joint-communicue-between-united-states-and-china> (accessed: 10.07.2023).

¹⁵⁰ 陈兼.对«冷战»在战略层面的再界定. 1960. 年代末, 1970. 年代初美国对华及东亚政策的 转变及其涵义 [Chen J. Redefining the «Cold War» at the Strategic Level: The Shift in US Policy Towards China and East Asia in the Late 1960s and Early 1970s and Its Meaning] // 国际政治研究 [International political studies]. 2008. № 3. P. 76–95.

¹⁵¹ Klare M.T. The Nixon/Kissinger Doctrine and America's pacific basin strategy // Bulletin of Concerned Asian Scholars. 1975. Vol. 7. № 2. P. 3–14.

относится к АТР, этот конфликт стал причиной комплекса угроз, в том числе увеличение наркотрафика, трансграничной преступности и неконтролируемой миграции.

Во-вторых, в этом же году произошла Исламская революция в Иране, которая стала причиной еще одного комплекса угроз американским интересам в бассейне Индийского океана, оказав также влияние на АТР за счет распространения идей политического ислама.

В-третьих, визит Дэн Сяопина в США, что ознаменовало новую веху в отношениях КНР и США. Китай пошел на сближение с США и западными странами, сделав приоритетом экономическое развитие и снизив значение идеологического фактора во внешней политике.

Третий этап развития архитектуры безопасности в АТР (1979–2003 гг.). На рубеже XX и XXI вв. баланс сил в АТР начал приобретать очертания современной региональной системы. Это было обусловлено в том числе повышением роли Китая как регионального лидера, который в тот момент выступал в качестве партнера США. Однако этому предшествовало появление и развитие региональных интеграционных структур, которые также начали выступать в качестве движущих сил процесса трансформации региональной системы безопасности.

Важное место в Азиатско-Тихоокеанской региональной системе занимает АСЕАН, которая объединила страны Юго-Восточной Азии. АСЕАН, созданная в 1967 г., изначально предполагалась как формат консолидации стран региона для повышения их устойчивости в условиях распространения социалистических идей. К 1980-м гг. в АСЕАН было налажено политическое, дипломатическое и торгово-экономическое сотрудничество, но вопросы региональной безопасности все еще оставались общей угрозой, подход нейтрализации которой к этому моменту найден не

был¹⁵².

Роль АСЕАН увеличивалась пропорционально расширению экономической интеграции организации. В начале 1980-х гг. появился концепт зоны свободной торговли АСЕАН, создание которой будет идти до 1992 г. После достижения успехов в экономической сфере в 1994 г. был создан Региональный форум АСЕАН, который стал важной платформой в сфере обеспечения региональной безопасности и остается таковым по настоящее время.

А. Ачарья описал подход АСЕАН во время «холодной войны» как новую форму многосторонности – кооперативную безопасность. Благодаря этому организации удалось создать единственный на тот момент диалоговый формат, направленный на решение вопросов в сфере безопасности – Региональный форум¹⁵³. Несмотря на это, в большинстве случаев деятельность АСЕАН отвечала региональным интересам США, которые использовали Ассоциацию в качестве «инструмента» в управлении безопасностью региона. В это же время США частично переоценили возможности многостороннего подхода в работе с Ассоциацией, и часть военно-политических задач все еще решалась в рамках двустороннего сотрудничества США и региональных партнеров, которые в это же время были и членами АСЕАН¹⁵⁴.

После нормализации отношений КНР и США в начале 1970-х гг. Китай поступательно перешел к нормализации отношений с другими странами региона, которые выступали в качестве основных союзников США. В 1978 г. после долгих лет дипломатической работы был подписан китайско-японский договор о мире и дружбе. Ранее в 1972 г. Япония признала суверенитет КНР

¹⁵² Clementson J. «No More Dominoes»: ASEAN and regional security // The RUSI Journal. 1984. Vol. 129. № 4. P. 33–39.

¹⁵³ Asia-Pacific security cooperation: national interests and regional order. Asia-Pacific security cooperation / ed. by S.S. Tan, A. Acharya. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 2004. 264 p.

¹⁵⁴ Acharya A. Betwixt balance and community: America, ASEAN and the security of Southeast Asia // International Relations of the Asia-Pacific. 2005. Vol. 6. № 1. P. 37–59.

над Тайванем и официально обозначила, что не стремится к гегемонии в АТР. Помимо этого, стороны договорились не затрагивать отношения Японии и Китая с другими странами¹⁵⁵. Последний пункт подразумевал отношения с США и американо-японским военно-политическим альянсом.

В 1980-е гг. Китай и Япония в целом начали выстраивать миролюбивые отношения, направленные на развитие сотрудничества. Градус нестабильности был увеличен после того, как США после нормализации отношений с КНР в январе 1979 г. в апреле этого же года приняли Закон об отношениях с Тайванем. Данный документ стал одним из системообразующих документов для региональной архитектуры безопасности наравне с договором о взаимной обороне между Японией и США. Закон обозначил, что, несмотря на отсутствие дипломатических отношений, США продолжат взаимодействие с Тайванем, в том числе будут действовать соглашения, заключенные между США и Китайской Республикой, а также США обозначили право поставлять на Тайвань оружие¹⁵⁶. Последний пункт вызвал наибольшую обеспокоенность со стороны КНР, поэтому начался новый раунд консультаций между двумя странами, чтобы не допустить нового витка эскалации. В 1982 г. было опубликовано Коммюнике США и Китая о продаже оружия Тайваню, в котором стороны пошли на компромисс, обозначив отказ от стремления к гегемонии в регионе. США обтекаемо заявляли об ограничении поставок вооружения в обмен на китайские обещания проводить более мягкую политику в отношении Тайваня и не применять жесткую силу¹⁵⁷.

Еще одним важным фактором, оказавшим влияние на американо-

¹⁵⁵ Sino-Japanese Treaty of Peace and Friendship // The official website of Ministry of Foreign Affairs of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/ziliao_665539/3602_665543/3604_665547/200011/t20001117_697803.html (accessed: 19.06.2023).

¹⁵⁶ H.R.2479 – Taiwan Relations Act – 96th Congress (1979–1980) // The official website of US Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/96th-congress/house-bill/2479> (accessed: 19.06.2023).

¹⁵⁷ US-China Communiqué on Arms Sales to Taiwan // The official website of the Office of the Historian. 17.08.1982. URL: <https://history.state.gov/milestones/1981-1988/china-communicue> (accessed: 19.07.2023).

китайские отношения, было вьетнамское вторжение в Камбоджу в 1978 г. Режим «красных кхмеров» проявлял агрессию по отношению к Вьетнаму и вьетнамскому населению. Ответом на это стало полномасштабное вторжение со стороны Вьетнама. Вьетнам поддерживался СССР, в то время как Китай и США оказывали поддержку «красным кхмерам». Более того, Китай был не заинтересован в усилении Вьетнама и начал военные действия против СРВ, которые, в итоге, не завершились успехом.

Важными с точки зрения региональной системы безопасности были два факта.

Во-первых, США, несмотря на поддержку позиции Китая относительно вьетнамского вторжения в Камбоджу, выступили «единым фронтом» с КНР для противодействия СССР, который поддерживал Вьетнам¹⁵⁸. Стоит отметить, что в США все же осудили применение Китаем вооруженных сил против Вьетнама, но к практическим шагам это не привело.

Во-вторых, впервые была совершена попытка использовать инструментарий АСЕАН для урегулирования конфликта. США были заинтересованы в том, чтобы страны Юго-Восточной Азии оказывали давление на просоветский Вьетнам.

Данный конфликт углубил советско-китайские и советско-американские противоречия, логичным результатом чего стало сотрудничество между США и КНР. 1980-е гг. стали периодом стабильного развития в регионе. Азиатско-тихоокеанская архитектура безопасности кардинальным образом не менялась, так как основным приоритетом для региональных полюсов силы было экономическое развитие.

В 1989 г. советские войска были выведены из Афганистана. Снизилась активность советской внешней политики на пространстве АТР. Эти процессы

¹⁵⁸ Mauzy D.K., Job B.L. US Policy in Southeast Asia: Limited Re-engagement after Years of Benign Neglect // Asian Survey. 2007. Vol. 47. № 4. P. 622–641.

были логичным продолжением политики советского руководства, направленной на нормализацию отношений с США и интеграцию СССР в западноцентричную систему международных отношений.

В 1990-е гг. США начали использовать новый подход для сохранения статус-кво – «сдерживание и вовлечение». Политика сдерживания, направленная против СССР и распространения коммунизма, действовала почти пол века после Второй мировой войны, однако после распада СССР она начала терять свою актуальность. Распространение коммунизма больше не было угрозой, и ни одна другая страна не могла конкурировать с США в военной сфере, после того как с политической карты мира исчез СССР. Таким образом, были начаты преобразования, направленные на «вовлечение» страны в мировую торговлю, образование глобальных институтов через продвижение универсальных ценностей, о которых написал в своей шумевшей статье «Конец истории?» Ф. Фукуяма¹⁵⁹. Таким образом, в 1990-е гг. сформировалась модель, в рамках которой США начали использовать несиловые методы воздействия на страны при сохранении достаточного военного потенциала, который позволил бы эффективно реагировать на военно-политические кризисы¹⁶⁰.

Осознавая потенциал развития Китая, сдерживание было необходимо, однако ни США, ни Китай не были настроены на конфликт, подобный «холодной войне». Понимая, что США не могут признать Китай демократией, уважающей права человека, а Китай не может пойти на уступки, связанные с Тайванем и вмешательством во внутренние дела со стороны других государств, обе страны оказались настроены на экономическое развитие¹⁶¹. Именно стремление к созданию благоприятных внешних условий для экономического развития позволило Китаю успешно

¹⁵⁹ Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. 1989. № 16. P. 3–18.

¹⁶⁰ Smith J. Engagement: A national strategy for the 1990s // Comparative Strategy. 1992. Vol. 11. № 4. P. 463–474.

¹⁶¹ Wang E. Engagement or Containment? Americans' views on China and Sino-US relations // Journal of Contemporary China. 2002. Vol. 11. № 31. P. 381–392.

интегрировать в глобальную экономику, где решающий вес сохраняли США в качестве единственной сверхдержавы.

В тот период исследователи видели политику «сдерживания и вовлечения» следующим образом.

Во-первых, США должны были снизить градус напряженности вокруг тайваньского вопроса вплоть до интеграции Тайваня в КНР в статусе специального административного района, подобного Гонконгу. Это положение оказалось несостоятельным.

Во-вторых, США должны были оказывать содействие КНР в процессе вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО) для полноценной интеграции Китая в мировую экономику, а, значит, и получения определенных рычагов влияния. В итоге, именно по такому сценарию и развивались американо-китайские отношения в сфере глобальной торговли.

В-третьих, необходимо было пересмотреть отношение к социальным реформам в Китае и признать, что для полноценного встраивания Китая в глобальную систему может потребоваться время. Данное положение также не оказалось состоятельным, так как Китай сохранил свой цивилизационный путь и не принял «универсальные» западные ценности.

В-четвертых, США должны были сохранить достаточное военное присутствие в АТР, чтобы иметь возможность предотвратить китайскую агрессию и эффективно реагировать на угрозы. США сохранили свои военные базы в регионе, а также АУГ, которые контролировали регион, что не позволило КНР свободно действовать, однако и не помешало проводить модернизацию НОАК и развивать своей военный потенциал¹⁶².

Такой была стратегия США до 11 сентября 2001 г., когда произошли атаки террористов, изменившие внешнеполитический курс США и

¹⁶² Howle R.C. An Evitable War: Engaged Containment and the US-China Balance // The US Army War College Quarterly: Parameters. 2001. Vol. 31. № 3. P. 92–104.

положившие начало глобальным изменениям системы международных отношений.

После начала «глобальной войны против терроризма» США смогли получить поддержку от многих стран, в том числе и от тех, которые не считались дружественными или относились к числу колеблющихся. Это утверждение было особенно актуально для АТР, который находился в непосредственной близости от Афганистана. Эти события стали в том числе причиной перестройки стратегических приоритетов Пакистана, который был давним партнером КНР, что позволило США укрепить взаимодействие с этой страной в сфере безопасности¹⁶³. В 2004 г. США присвоят Пакистану статус основного партнера вне НАТО (Major non-NATO ally), что продемонстрирует высокую глубину их взаимодействия.

После событий 11 сентября 2001 г. для стран региона стал актуальным вопрос создания региональных структур, отвечающих за обеспечение безопасности за счет внутренних усилий стран АТР¹⁶⁴. Это обеспечило расширение взаимодействия в рамках созданного в 1994 г. Регионального форума АСЕАН (АРФ). Новый формат был важен для региона в условиях международных кризисов и трансформаций. Вакуум, образованный вследствие снижения американского влияния, не были способны заполнить крупнейшие страны региона – Индия и Китай, поэтому центром формирования региональных интеграционных структур стала АСЕАН¹⁶⁵. С этого момента важным фактором формирования системы безопасности в АТР стали внутренние региональные импульсы.

В 2002 г. на пост Генерального секретаря ЦК КПК был избран Ху Цзиньтао, в 2003 г. он был избран на пост Председателя КНР. К 2003 г.

¹⁶³ Wah C.K. Major-Power Relations in Post 9–11 Asia Pacific / ed. by Han Sung-Joo // 9–11: Asian Perspectives on Global and Regional Order. Tokyo: Japan Center for International Exchange, 2003. P. 6–25.

¹⁶⁴ Asia's New Institutional Architecture: The Political Economy of the Asia Pacific / ed. by V.K. Aggarwal, M.G. Koo. Berlin: Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2008. 321 p.

¹⁶⁵ Acharya A. Whose ideas matter? Agency and power in Asian regionalism: Cornell studies in political economy. Whose ideas matter? Ithaca: Cornell University Press, 2009. 189 p.

Китай смог обеспечить себе сильную экономическую базу, которая позволила начать модернизацию НОАК, расширить деятельность КНР по обеспечению своих интересов в региональном и глобальном масштабе, а также предлагать свое видение мироустройства и глобального управления. Именно в этот период были предложены концепции мирного возвышения Китая, гармоничного мира и гармоничной Азии¹⁶⁶.

По мнению А.В. Ломанова, концепция «мирного возвышения» Китая – это попытка адаптироваться к новым международным условиям и отойти от идей Дэн Сяопина о сдержанной внешней политике, призванной создать условия для внутреннего развития страны, а также предложить ответ на западные рассуждения о «китайской угрозе»¹⁶⁷.

Данный исторический контекст создал условия для начала «транзита власти» и перехода к активной фазе американо-китайского противостояния. Он также определил основные конфликтные точки напряженности в регионе, которые до настоящего момента оказывают значительное влияние на региональную систему безопасности и баланс сил.

¹⁶⁶ 江文沛. 胡锦涛的和谐亚太战略探析 [Jiang Wenpei. Exploring Hu Jintao's Harmonious Asia-Pacific Strategy] // 暨南大学 [Guangzhou: Jinan University in Guangdong Province], 2009.

¹⁶⁷ Ломанов А.В. Чжунго хэпин цзюэци (Мирное возвышение Китая) // Россия в глобальной политике. 2005. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/chzhungo-hepin-czyyueczi-mirnoe-vozvyshenie-kitaya> (дата обращения: 23.06.2023).

1.3. Актуальные проблемы безопасности в АТР

К началу XXI в. в регионе АТР сформировался комплекс проблем безопасности, которые оказывали значительное влияние на международные отношения в регионе. В АТР начали формироваться новые центры силы, в регион стали смешаться мировые экономические и финансовые потоки, морские грузоперевозки сделали его одним из важнейших логистических узлов мировой торговли. Вместе с этим выросло значение угроз безопасности, так как потенциальные последствия могли оказать значительно больший эффект на региональную и глобальную системы международных отношений. Особенно актуально это было в свете того, что наиболее значимые региональные акторы, такие как Китай, Индия, Япония, Южная Корея и страны АСЕАН, имели незавершенные территориальные споры, значение которые было вознесено в ранг основных государственных интересов этих стран.

Китай до образования КНР в 1949 г. и Индия до получения независимости в 1947 г. не занимались политическим урегулированием вопроса границ, так как исторически в этих странах было специфическое восприятие того, какие территории подпадают под суверенитет государства. После становления полноценными участниками системы международных отношений вопрос определения государственных границ занял приоритетное место во внешней политике этих стран.

Территориальные споры Индии. Индия имеет сухопутные границы с

7 странами региона. Часть споров уже была урегулирована, однако нерешенными остались наиболее принципиальные вопросы. Прежде всего, это касается Пакистана, Китая и Непала.

Граница Индии и Китая поделена на 3 сектора: восточный, центральный и западный. Территориальные споры на западном участке границы сконцентрированы вокруг области Аксай-Чин, их причиной является то, что в колониальное время Британская империя не давала четкого определения границы Индии и Китая на этом участке, предлагая два подхода – Линию Джонсона и Линию Мак Доналда. На линии Джонсона, которая была предложена в 1865 г., Аксай-Чин отнесен к Джамму и Кашмир, а, согласно линии Мак-Дональда, предложенной в 1893 г., регион находится на территории Китая. Соответственно, современная Индия считает регион частью Кашмира, а КНР – частью Синьцзяна. В настоящий момент линия фактического контроля отделяет индийские районы Ладакха от Аксай-Чина в соответствии с китайским видением границы¹⁶⁸. Этот участок регулярно становится местом столкновения пограничных сил Индии и Китая, вызывая опасения начала конфликта между двумя ядерными державами.

В восточном секторе также есть неурегулированный территориальный спор, он касается линии Мак-Магона. В 1914 г. была подписана Симлская конвенция, которая была призвана урегулировать статус Тибета в отношениях Великобритании и Китая, однако, несмотря на то что документ был подписан представителями Великобритании и Тибета, китайское правительство его не подписало и не признало¹⁶⁹. После основания КНР и присоединения Тибета к КНР китайское правительство стало претендовать на территории, которые, по его мнению, относились к китайскому Тибету. Этот участок границы также является причиной столкновений между силами

¹⁶⁸ Disputed Territories of India // Drishtiiias. URL: <https://www.drishtiiias.com/printpdf/disputed-territories-of-india> (accessed: 26.04.2023).

¹⁶⁹ Sinha N.C. The Simla Convention 1914: A Chinese Puzzle // Digital Himalaya. URL: https://himalaya.socanth.cam.ac.uk/collections/journals/bot/pdf/bot_1987_02_01.pdf (accessed: 12.04.2023).

КНР и Индии и было причиной начала китайско-индийской войны 1962 г.¹⁷⁰ Конфликт между Индией и Китаем характеризуется пограничными столкновениями низкой интенсивности с применением нелетального оружия.

Территориальный спор между Индией и Пакистаном уходит корнями к решениям британской колониальной администрации, решившей разделить эти два государства по религиозному принципу, что создало сложности относительно регионов со смешанным населением. Пакистан занимает около 78 тыс. кв. км территории, которую Индия считает своей в Джамму и Кашмире, а также в 1963 г. Пакистан передал 5180 кв. км. Китаю, претендующему на часть Кашмира¹⁷¹. Спорной является территория вокруг ледника Сиачен, который служит естественным разделителем на границе Пакистана и Индии. В 1984 г. Индия провела операцию Мегхдут и заняла стратегически важный регион, позволяющий контролировать близлежащие территории Пакистана и Китая. Несмотря на попытки Пакистана занять Сиачен, до настоящего момента территорию контролирует Индия¹⁷². Похожая ситуация сложилась вокруг Хребта Салторо, который также с 1984 г. контролируется вооруженными силами Индии, несмотря на то что Пакистан рассматривает его как часть Гилгит-Балтистана. Не урегулирован конфликт и вокруг Сир-Крик – водной полосы, по которой проходит граница двух стран. Причина спора заключается в неоднозначной трактовке Бомбейской правительственной резолюции 2014 г. До настоящего момента демаркация границы на данном участке не была проведена¹⁷³.

¹⁷⁰ 1962: The Sino-Indian War: Reflections of the Past // Indian defence review. 18.11.2021. URL: <http://www.indiandefencereview.com/news/1962-the-sino-indian-war-reflections-of-the-past> (accessed: 26.08.2023).

¹⁷¹ Sino-Pakistan Boundary Agreement of 1963 // The official website of International Journal of Kashmir Studies. URL: <http://prfjk.org/wp-content/uploads/books/historical-doc/China-Pakistan%20frontier%20agreement%201963.pdf> (accessed: 26.06.2023).

¹⁷² Siachen: All you should know about the world's costliest battlefield // The Economic Times. 20.11.2019. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/siachen-all-you-should-know-about-the-worlds-costliest-battlefield/articleshow/72142137.cms> (accessed: 26.04.2023).

¹⁷³ Disputed Territories of India // Drishtias. URL: <https://www.drishtias.com/printpdf/disputed-territories-of-india> (accessed: 26.04.2023).

У Индии и Непала также есть неурегулированные территориальные споры. Они касаются территорий Калапани и Липулех. Индия рассматривает Калапани частью штата Уттаракханд, а Непал – частью Дарчулинского уезда. Непал ссылается на Сугаульский договор от 1816 г., где р. Кали была отмечена в качестве государственной границы. Однако Индия и Непал по-разному трактуют принадлежность истоков р. Кали¹⁷⁴. Также спор касается территории Липулех, которая была передана во временное пользование Индии после китайско-индийской войны 1962 г., однако после демонтажа всех военных постов в 1969 г. Индия так и не покинула Липулех.

Таким образом, территориальные споры Индии оказывают влияние на общую динамику международного взаимодействия в регионе, так как в конфликтах участвуют еще 2 ядерные державы, а постоянные вооруженные столкновения на границе создают угрозу более крупных конфликтов. В это же время все пограничные конфликты характеризуются низким уровнем напряженности и, если брать во внимание пограничный спор с КНР, не подразумевают использование летальных видов вооружений. В случае Пакистана летальное вооружение применяется, последнее крупное столкновение произошло в феврале — марте 2019 г., когда была задействована военная авиация и погибли несколько сотен человек с обеих сторон.

Территориальные споры Китайской Народной Республики. После образования КНР в 1949 г. одним из наиболее важных вопросов стало установление государственной границы, учитывающей исторические интересы страны. В последние годы существования Китайской империи страна находилась под сильнейшим давлением со стороны западных государств, в эти годы был утрачен контроль над рядом территорий. Другие

¹⁷⁴ Interpreting the India-Nepal border dispute // Brookings. 11.06.2020. URL: <https://www.brookings.edu/articles/interpreting-the-india-nepal-border-dispute> (accessed: 26.04.2023).

же территории, которые, с точки зрения китайских историков, относились к Китаю, до этого момента не были предметом спора с другими странами.

У Китая есть неурегулированные территориальные споры с 17 странами региона как в отношении сухопутных, так и в отношении морских границ. У Китая есть споры с Филиппинами, Индонезией, Вьетнамом, Японией, Южной Кореей, Брунеем, Бутаном.

Вопрос Тайваня заключается в том, что, согласно Конституции КНР, весь остров и прилегающие острова являются частью Китая. После образования КНР на остров сбежали остатки сторонников Чай Кайши, которые при поддержке США стремились сохранить Китайскую Республику. Вопрос Тайваня будет рассмотрен в отдельном подразделе диссертации, так как он носит комплексный характер и не ограничивается только территориальным спором.

Китай и Филиппины конфликтуют из-за принадлежности рифа Скарборо и островов Спратли. Учитывая, что Филиппины являются одним из основных союзников США в регионе, в конфликте с КНР США и их региональные партнеры занимают антикитайскую позицию.¹⁷⁵

Китай и Индонезия претендуют на острова Натуна, которые представляют особый интерес для рыболовной промышленности. Для этого региона характерны стычки между береговой охраной и рыболовецкими судами¹⁷⁶.

Острова Спратли и Парасельские острова также являются причиной спора между КНР и Вьетнамом. Этот регион ценится из-за богатых рыболовецких угодий и разведанных запасов углеводородов на морском

¹⁷⁵ Panda A. South China Sea: Philippine Coast Guard Spots PLAN Warship Off Scarborough Shoal // The Diplomat. 10.06.2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/06/south-china-sea-philippine-coast-guard-spots-plan-warship-off-scarborough-shoal> (accessed: 30.04.2023).

¹⁷⁶ Chinese fishing vessels in spat with Indonesia leave Natunas. Friends again? // South China Morning Post. 9.01.2020. URL: https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3045388/friends-again-chinese-fishing-vessels-spat-indonesia-leave?module=perpetual_scroll_0&pgtype=article&campaign=3045388 (accessed: 30.04.2023).

шельфе. Китай использует острова для размещения своей военной инфраструктуры, искусственно увеличивая размер островов (на островах с 2013 г. размещено около 20 аванпостов).¹⁷⁷.

Аналогичная ситуация сложилась и в отношении Малайзии, с которой КНР также имеет неурегулированный спор в отношении островов Спратли. Позиция Малайзии поддерживается США и их региональными союзниками, которые направляют свои военные суда для сдерживания активности КНР в регионе.¹⁷⁸.

В отношении сухопутной границы у Китая также есть территориальные споры с соседями, которые оказывают влияние на региональную систему безопасности.

Непал обвиняет КНР в том, что Китай незаконно оккупировал приграничные территории страны. В 2009 г. силы НОАК вошли на приграничную территорию и построили ветеринарный центр, в 2017 г. Министерство сельского хозяйства Непала заявило, что КНР занимает 36 гектаров земли, в 2020 г. речь уже шла о 150 гектарах земли.¹⁷⁹.

Также Китай претендует на территории в северо-центральной, западной и восточной частях Бутана. КНР использует тактику размещения на спорных территориях своих инфраструктурных объектов, что подтверждается спутниковыми снимками. Ситуация осложняется тем, что ряд спорных районов имеет стратегическое значение для Индии, она также является одной из сторон спора.¹⁸⁰.

¹⁷⁷ China Island Tracker // CSIS. URL: <https://amti.csis.org/island-tracker/china> (accessed: 30.06.2023).

¹⁷⁸ US Warships Enter Disputed Waters of South China Sea as Tensions With China Escalate // The New York Times. 21.04.2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/21/world/asia/coronavirus-south-china-sea-warships.html> (accessed: 05.04.2023).

¹⁷⁹ China Encroaches On 36 Hectares of Nepal's Land at 10 places: Report // NDTV. 24.11.2022. URL: <https://www.ndtv.com/world-news/china-encroaches-on-36-hectares-of-nepals-land-at-10-places-report-3548168> (accessed: 30.04.2023).

¹⁸⁰ Ramachandran S. Medha Bisht on Understanding the China-Bhutan Boundary Dispute // The Diplomat. 1.05.2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/05/medha-bisht-on-understanding-the-china-bhutan-boundary-dispute/#:~:text=The%20Sino%2DBhutanese%20border%20dispute,Wildlife%20Sanctuary%20in%20eastern%20Bhutan> (accessed: 21.05.2023).

Территориальные споры в Южно-Китайском море в контексте региональной системы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Как уже отмечалось ранее, большая часть территориальных споров с участием КНР сконцентрирована в Южно-Китайском море, которое представляет стратегически важное значение для мировой торговли, поэтому нестабильность в этом регионе вызывает особое внимание со стороны международных организации и ведущих стран мира.

Помимо вопроса о принадлежности спорных островов, также важное место занимает вопрос юридической трактовки Конвенции ООН по морскому праву¹⁸¹, которая дает возможность ограничивать судоходство и экономическую деятельность в прибрежных водах вокруг спорных островов.

Во-первых, спорные территории богаты углеводородами, что повышает их значимость для экономик стран, претендующих на эти территории (особенно это касается КНР, чье энергетическое потребление растет с каждым годом). По оценкам Агентства энергетической информации США, в Южно-Китайском море находится около 190 трлн куб. футов природного газа и 11 млрд баррелей нефти в доказанных и вероятных запасах, большая часть которых лежит вдоль окраин Южно-Китайского моря.

Геологическая служба США в 2012 г. подсчитала, что в Южно-Китайском море могут находиться еще 160 трлн куб. футов природного газа и 12 млрд баррелей нефти¹⁸². Эта проблема актуальна, прежде всего, для стран региона, которые являются участниками споров и претендуют на эти ресурсы, расположенные в 200-мильной исключительной экономической зоне¹⁸³.

¹⁸¹ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.) // United Nations: официальный сайт. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 12.06.2023).

¹⁸² South China Sea Energy Exploration and Development // CSIS. URL: <https://amti.csis.org/south-china-sea-energy-exploration-and-development> (accessed: 12.04.2023).

¹⁸³ Rosenberg D., Chung C. Maritime Security in the South China Sea: Coordinating Coastal and User State Priorities // Ocean Development & International Law. 2008. Vol. 39. № 1. P. 51–68.

Во-вторых, регион представляет важность для глобальных транспортных потоков. По оценкам ЮНКТАД, через ЮКМ проходит около трети мирового судоходства, тогда как на весь Азиатский регион приходится около 60%.¹⁸⁴ На начало 2000-х гг. объем товаров, проходящих через ЮКМ, оценивался в 5,3 трлн долл., из которых 1,2 трлн долл. приходилось только на товары, импортируемые или экспортируемые США.¹⁸⁵ Понимая важность этого субрегиона для Китая, в ноябре 2003 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао заявил, что «некоторые крупные державы» стремятся контролировать пролив и призвал к принятию новых стратегий для уменьшения предполагаемой уязвимости.¹⁸⁶

В-третьих, напряженности способствует то, что регион находится в фокусе нескольких глобальных региональных инициатив США, которые определяют «блоковое» разделение стран региона.

Среди этих инициатив основными являются:

– Инициатива по обеспечению безопасности контейнеров (Container Security Initiative, CSI) – инициатива, предложенная США после атак 11 сентября 2001 г. и направленная на устранение угроз, связанных с безопасностью мировой морской торговли и предотвращением использования морских грузоперевозок для создания террористических угроз США. Инициатива подразумевает повышение уровня безопасности в портах, задействованных в логистических цепочках, связанных с США.¹⁸⁷ Так как ЮКМ является важной транспортной артерией, США фокусируют свое внимание на работе с региональными партнерами для контроля портов, расположенных в регионе, что повышает их осведомленность и возможности

¹⁸⁴ How Much Trade Transits the South China Sea? // CSIS. URL: <https://chinapower.csis.org/much-trade-transits-south-china-sea/#easy-footnote-bottom-1-3073> (accessed: 12.06.2023).

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Storey I. China's «Malacca Dilemma» // China Brief. 12.04.2006. Vol. 6. Iss. 8. URL: <https://jamestown.org/program/chinas-malacca-dilemma> (accessed on 12.04.2023).

¹⁸⁷ CSI: Container Security Initiative // The official website of the US Customs and Border Protection. URL: <https://www.cbp.gov/border-security/ports-entry/cargo-security/csi/csi-brief> (accessed: 12.06.2023).

для ограничения нежелательных транспортных потоков;

– Инициатива по воспреещению распространения оружия массового уничтожения (Proliferation Security Initiative, PSI). Данная инициатива была запущена в 2003 г. и направлена на прекращение незаконного оборота оружия массового уничтожения, систем его доставки и соответствующих материалов между государствами и негосударственными субъектами, вызывающими озабоченность в области распространения¹⁸⁸. Австралия, Япония, Новая Зеландия, Южная Корея, Бруней, Малайзия Сингапур и Таиланд – единственные страны Азиатско-Тихоокеанского региона, которые публично заявили о своей поддержке этой Инициативы. В остальных странах Азии поддержка ИБОР слабая. Несмотря на значительное давление со стороны Вашингтона, требующего полного и публичного участия в Инициативе, ключевые морские страны, такие как Китай, Индия и Индонезия, до сих пор не присоединились к нему¹⁸⁹;

– Региональная инициатива по обеспечению безопасности на море (Regional Maritime Security Initiative, RMSI). Инициатива была предложена в 2004 г. Т. Фарго, который на тот момент являлся командующим Тихоокеанским командованием США. Она представляет собой рамочный документ для обеспечения безопасности судоходства в регионе АТР и особенно в Малаккском проливе. Ее целью было объединение усилий заинтересованных стран, работающих совместно в рамках международного и внутреннего права, для выявления, мониторинга и пресечения транснациональных морских угроз¹⁹⁰. Изначально инициатива была создана для преодоления глобальной террористической угрозы, однако позднее она

¹⁸⁸ Proliferation Security Initiative // The official website of the US Department of State. URL: <https://www.state.gov/proliferation-security-initiative/#:~:text=Launched%20on%20May%2031%2C%202003,state%20actors%20of%20proliferation%20concern> (accessed: 12.07.2023).

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Song Y. Security in the Strait of Malacca and the Regional Maritime Security Initiative: Responses to the US Proposal // Digital-commons. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1163&context=ils> (accessed: 13.07.2023).

была переориентирована на сдерживание КНР. Наиболее отличительным компонентом RMSI по сравнению с другими подобными Инициативами по наращиванию потенциала является ее направленность на повышение осведомленности о региональной морской сфере и продвижение к созданию общей операционной картины. США работают с государствами Юго-Восточной Азии над улучшением их способности обнаруживать, понимать, реагировать и обмениваться информацией о воздушной и морской активности в Южно-Китайском море, что приводит, в конечном итоге, к общему и регулярно обновляемому ситуационному анализу оперативной обстановки¹⁹¹.

Данные инициативы обеспечивают защиту морских интересов США и не принимают во внимание интересы других государств, таких как Индия и КНР. Региональные союзники США, связанные с ними двусторонними соглашениями, были основой реализации инициатив в регионе, однако некоторые из них не были готовы передавать часть своего суверенитета США, поэтому не стали полноценными их участниками. Так, Малайзия и Индонезия, являясь влиятельными акторами в регионе ЮВА, выступали против усиления военного присутствия США в регионе и отклонили предложение участвовать в инициативах и военных учениях¹⁹².

Инициативы по обеспечению морской безопасности США представлены в табл. 1.1.

¹⁹¹ Parameswaran P. America's New Maritime Security Initiative for Southeast Asia // The diplomat. 2.04.2016. URL: <https://thediplomat.com/2016/04/americas-new-maritime-security-initiative-for-southeast-asia> (accessed: 25.09.2023).

¹⁹² Rosenberg D., Chung C. Maritime Security in the South China Sea: Coordinating Coastal and User State Priorities // Ocean Development & International Law. 2008. Vol. 39. № 1. P. 51–68.

Инициативы по обеспечению морской безопасности США

Название инициативы	PSI (Proliferation Security Initiative)	MDA (Maritime Domain Awareness)	CSI (Container Security Initiative)	RMSI (Regional Maritime Security Initiative)	ISPS (International Ship & Port Facility Security Code)
	Инициатива по безопасности распространения	Осведомленность о морской сфере	Инициатива по безопасности контейнеров	Региональная инициатива морской безопасности	Международный кодекс по охране судов и портовых средств
Уполномоченные органы США и международные организации	Совет национальной безопасности Государственный департамент США Министерство обороны США	Береговая охрана США ВМС США	Министерство внутренней безопасности США – погранично-таможенная служба США	Государственный департамент США Единое командование в составе Вооружённых сил США, отвечающее за планирование операций и управление американскими войсками в случае военных действий в Индо-Тихоокеанском регионе	Объединенные Нации Международная морская организация
Географические рамки	Весь мир	США и объекты за рубежом	Весь мир	Азиатско-Тихоокеанский регион	Весь мир
Приоритет	Сдерживать и препятствовать распространению оружия массового уничтожения (и связанных с ним материалов/систем доставки), транспортируемого по морю, воздуху и земле Сократить распространение, сдерживая поставщиков и потребителей, делая распространение более дорогостоящим и трудным	Информирование о состоянии глобальной морской среды и факторах, которые могут повлиять на безопасность экономики или окружающей среды Соединенных Штатов	Безопасность грузовых контейнеров, следующих в США Программа обмена сотрудниками погранично-таможенной службы США, дислоцированными в иностранных портах	Международный формат для расширения возможностей и потенциала посредством объединения усилий по выявлению, мониторингу и перехвату транснациональных морских угроз в соответствии с существующим и международными и локальными правовыми актами	Обеспечение стандартизированной основы для оценки рисков и разработке мер для противодействия угрозам и уязвимостям судов и портовой инфраструктуры

Источник: Song Y. Security in the Strait of Malacca and the Regional Maritime Security Initiative: Responses to the US Proposal // International Law Studies. 2007. Vol. 83. P. 97 –156.

Япония, являясь основным союзником США в регионе, оставалась влиятельным региональным игроком, который был напрямую заинтересован в создании безопасной среды для морской торговли в Азии. Помимо того, что Япония активно торговала со странами АСЕАН, через Южно-Китайское море она получала до 70% углеводов, импортируемых из стран Ближнего Востока. Поэтому Япония стала инициатором ряда региональных инициатив, таких как Азиатская инициатива по морской безопасности и Соглашение о региональном сотрудничестве по борьбе с пиратством в Азии¹⁹³. Практическое сотрудничество Японии и стран региона в сфере безопасности было сконцентрировано на взаимодействии подразделений береговой охраны для согласования борьбы с пиратством и другими угрозами транспортной безопасности на море.

Для Индии вопрос региональной безопасности в Юго-Восточной Азии к началу XXI в. также стал одним из приоритетов внешней политики и одним из элементов индийской политики «Смотри на Восток». Задачей индийского руководства было повышение значимости страны на мировой арене. Рост ее экономики и активная региональная политика сделали ее привлекательным партнером для стран ЮВА¹⁹⁴. В сфере безопасности Индия также обращала внимание на обеспечение безопасности судоходства в Малаккском проливе и стремилась балансировать рост влияния КНР без попыток вступить в открытую конфронтацию, чтобы не повышать уровень напряженности.

¹⁹³ About ReCAAP Information Sharing Centre Combating maritime robbery, sea piracy Vision // The official website of the Regional Cooperation Agreement on Combating Piracy and Armed Robbery against Ships in Asia. URL: https://www.recaap.org/about_ReCAAP-ISC (accessed: 21.07.2023).

¹⁹⁴ Лебедева Н.Б. Индийский океан: вызовы XXI в. и Индия (очерки международных отношений). М.: ИВ РАН, 2018. 576 с.

Корейский полуостров в региональной системе безопасности.

Корейская проблема ставит вызов перед всеми странами региона и является угрозой для общего баланса сил в регионе.¹⁹⁵ Конфликт на Корейском полуострове является наследием «холодной войны». Для США, которые оказывают поддержку Южной Корее, присутствие значительных сил в регионе позволяет более эффективно проводить политику сдерживания КНДР. В то же время КНДР поддерживает Китай, которому также важно иметь буферную зону между проамериканской Южной Кореей и своими территориями. Также Северная Корея выступает сдерживающим фактором, не позволяющим активизировать деятельность США и их региональных партнеров в Восточной Азии, так как любое военное усиление может стать катализатором обострения напряженности, которая, в свою очередь, будет стимулировать развитие ядерной программы КНДР и новых технологий в военной сфере.

Для КНДР и Южной Кореи решение данной проблемы является вопросом выживания, поэтому они обращаются к более влиятельным игрокам для гарантирования собственной безопасности. Для Южной Кореи таким гарантом являются США, а КНДР нуждается в поддержке КНР.¹⁹⁶ Основным препятствием для силовой операции против КНДР является договор между КНДР и КНР от 1961 г., так как военная операция со стороны США и их региональных партнеров может привести к вооруженному столкновению с Китаем.¹⁹⁷

Корейская Народно-Демократическая Республика провела 6 ядерных испытаний в 2006, 2009, 2013, 2016 и 2017 гг., нарушив мораторий, который был де-факто установлен ДВЗЯИ. Затем были произведены еще 5 ядерных

¹⁹⁵ Пак С.Х. Нераспространение ядерного оружия и ядерная программа КНДР // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2012. № 3. С. 5–13.

¹⁹⁶ Bower E., Glaser B., Cha V. Asia-Pacific Rebalance 2025. Capabilities, Presence and Partnerships. Washington: Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2016. P. 17–20.

¹⁹⁷ Wu A. What china whispers to North Korea // The Washington Quarterly. 2005. Vol. 28. № 2. P. 35-48.

испытаний в 2009, 2013 гг. и в январе и сентябре 2016 и 2017 гг.¹⁹⁸. В 2013 г. КНДР провела ядерные испытания, которые прошли успешно благодаря тесту ракетносителя в 2012 г. во время запуска спутника. Данная акция стала поводом для развертывания новых установок ПРО в регионе. США установили новые системы как в Японии и на Корейском полуострове, так и на Гуаме для защиты своих собственных военных объектов¹⁹⁹. Избежать начала нового вооруженного противостояния во многом помогло вмешательство КНР, которая смогла оказать давление на Северную Корею. Причиной стало то, что США стали слишком активно использовать этот повод для оправдания своего военного присутствия в регионе, что угрожает национальным интересам КНР.

Своего пика напряженности Корейская проблема достигла в 2017 г. Во многом это было обусловлено тем, что в этот период у власти в США и КНДР оказались амбициозные политики, не желающие идти на уступки. Дональд Трамп проводил информационную кампанию против КНДР, заявляя о возможности нанесения ядерного удара по этой стране и публикуя в социальных сетях антикорейские посты. КНДР, в свою очередь, тоже не оставалась в стороне, демонстрируя свои силы через запуск ракет. Завершив создание ракет, способных поразить территорию США, лидер КНДР заявил о готовности к диалогу с США и Южной Кореей. Это решение было связано с тем, что КНДР получила в свои руки реальный инструмент ядерного сдерживания²⁰⁰.

В 2019 г. произошла историческая встреча Президента США и лидера КНДР Дональд Трамп и Ким Чен Ын встретились в демилитаризованной

¹⁹⁸ Прекращение ядерных испытаний // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/observances/end-nuclear-tests-day/history> (дата обращения: 03.08.2023).

¹⁹⁹ Кирьянов О. Сеул согласился разместить американскую ПРО // Российская газета: официальный сайт. 27.06.2014. URL: <http://www.rg.ru/2014/06/27/pro-site.html> (дата обращения 25.03.2023).

²⁰⁰ Ланьков А. Убедительная неадекватность. Как Трампу удалось остановить корейский ядерный кризис // Московский центр Карнеги. 12.03.2013. URL: <https://carnegie.ru/commentary/75760> (дата обращения 30.09.2021).

зоне, что стало подтверждением деэскалации. Этой встрече предшествовала короткая встреча в Сингапуре²⁰¹. После встречи в Сингапуре Северная Корея остановила реактор в Йонбене²⁰². В ответ на это США должны были перейти к процессу снятия санкций и нормализации отношений. После того как во время очередного раунда в Ханое стороны не смогли прийти к каким-либо значимым результатам²⁰³, отношения между США и КНДР снова пошли на спад. Не видя перспектив нормализации отношений с США, руководство КНДР приняло решение снова запустить реактор в Йонбене и продолжить разработки ядерного оружия²⁰⁴.

Для КНР ядерная программа КНДР также представляет угрозу, но другого характера. Региональные партнеры США в регионе – Япония, Южная Корея и Тайвань – могут последовать примеру Северной Кореи, заполучить ядерное оружие и использовать его для сдерживания Китая.

Для США нестабильность на полуострове выгодна, потому что она позволяет легитимизировать их присутствие в регионе, но, с другой стороны, напрямую угрожает их национальной безопасности и стратегическим интересам. Сам факт того, что КНДР может потенциально нанести ядерный удар по территории США, Японии или Южной Кореи, подрывает международный авторитет США как гаранта безопасности в регионе.

В современных условиях основной акцент на формировании региональной системы безопасности на Корейском полуострове смещен в сторону взаимодействия США и КНР как определяющих внешних акторов. Это касается, в том числе, и денуклеаризации полуострова, так как она

²⁰¹ Key North Korean nuclear reactor has been shut down for months: IAEA // Reuters. 4.03.2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-northkorea-nuclear-iaea/key-north-korean-nuclear-reactor-has-been-shut-down-for-months-iaea-idUSKCN1QL12I> (accessed: 25.05. 2023).

²⁰² Там же.

²⁰³ ‘Sometimes you have to walk’: Trump leaves Hanoi with no deal // CNN. 28.02.2019. URL: <https://edition.cnn.com/2019/02/27/politics/donald-trump-kim-jong-un-vietnam-summit/index.html> (accessed: 25.07.2023).

²⁰⁴ Panda A. What the Restarting of North Korea’s Yongbyon Reactor Means // Carnegie Endowment for International Peace. 2.09.2021. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/09/02/what-restarting-of-north-korea-s-yongbyon-reactor-means-pub-85260> (accessed: 20.05.2023).

должна быть двусторонней²⁰⁵.

Тайваньский вопрос в системе региональной безопасности.

Тайваньский вопрос в последние десятилетия перестал ограничиваться вопросом принадлежности острова. Благодаря поддержке США и притоку иностранных инвестиций экономика Тайваня получила стремительное развитие, что стало причиной становления государства одним из крупнейших производителей полупроводников и другой высокотехнологичной продукции, занимая важное место в мировой системе распределения труда.

Современная ситуация была сформирована фактом того, что Цай Инвэнь не признает «Консенсус 1992 г.», беря курс на идею полноценной независимости Тайваня и провоцируя КНР на более решительные меры в политической, военной и экономической сферах²⁰⁶. Также Тайвань стал одним из ключевых элементов Индо-Тихоокеанской стратегии США, основной задачей которой является сдерживание КНР. США беспокоят, прежде всего, возможные действия КНР против Тайваня: в первую очередь – вторжение, во вторую – блокада, в третью – возможность проведения более активной кампании в «серой зоне» с целью дестабилизации Тайваня²⁰⁷. Основной проблемой для США является выработка ответных мер, которые будут способны оказать реальное давление на руководство КНР. Большое значение тут приобретает поддержка Тайваня со стороны союзников США в ИТР, в частности, Японии, Южной Кореи и Австралии.

По мнению исследователей из Института Лоуи, можно провести параллель между Вьетнамом времен «холодной войны» и Тайванем. США, понимая амбиции своего глобального и регионального соперника, должны

²⁰⁵ Kim S. North Korea's Foreign Policy Behaviors toward the United States: Constructive Entanglements in Historical Factors Since the 1970s // *Journal of International and Area Studies*. 2023. Vol. 30. № 1. P. 1–21.

²⁰⁶ Gyu L.D. Prospects for the Taiwan Issue in the Era of US-China Strategic Competition // *The Asian Institute for Policy Studies*. 13.12.2021. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep38731> (accessed: 25.05.2023).

²⁰⁷ Schaus J. Stability in the Indo-Pacific // *CSIS*. 2023, April. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/2023-04/230412_Schaus_Triateral_Dialogue.pdf?VersionId=KywMsF4_yV6EkuLjXhUU0mReGonRre9g (accessed: 09.08.2023).

быть готовы вести войну, как это было во Вьетнаме. Тогда это закончилось для США не очень хорошо, но в этот раз ставки гораздо выше. В нынешней ситуации США, пытаясь предотвратить вооруженную операцию КНР на Тайване, могут спровоцировать масштабную войну с Китаем, которая может привести к краху не только в военном плане, но и фатальному ослаблению влияния США как в Азии, так и в глобальном разрезе, не говоря уже о потенциально возможном обмене ядерными ударами. Такие риски требуют от США пересмотра политики сдерживания и выработки нового мышления, которое позволит избежать прямых столкновений, пока не стало слишком поздно²⁰⁸.

²⁰⁸ Porter P., Mazarr M. Countering China's Adventurism over Taiwan. Sydney: Lowy Institute, 2023.

1.4. Основные форматы регионального сотрудничества в АТР

К моменту окончания «холодной войны» страны АТР уже играли большую роль в мировых политических и экономических процессах. Экономический подъем Японии, Южной Кореи, Сингапура, Гонконга и Тайваня позволил им занять устойчивое место в мировой системе распределения труда, заняв сегмент высокотехнологичных товаров и компонентов. В это же время экономические реформы в КНР позволили использовать иностранные инвестиции и доходы для экспорта реализации качественного перехода в промышленном производстве. Индия в этот период провозгласила новые реформы, которые были ориентированы на переход к экспортоориентированной экономике. Также страны АСЕАН стремились к эффективной региональной интеграции и взаимодействию в рамках мировой экономики.

Индия и Китай не обладали достаточными ресурсами для того, чтобы стать центрами регионального сотрудничества. В то же время страны региона желали уйти от зависимости от США и Европы, стремясь сохранить свою идентичность²⁰⁹. Наибольшие надежды страны региона возлагали на АТЭС и АСЕАН, которые были двигателями экономического сотрудничества в регионе.

За счет большого многообразия государств в АТР было сложно

²⁰⁹ Acharya A. Whose ideas matter? Agency and power in Asian regionalism: Cornell studies in political economy. Whose ideas matter? Ithaca: Cornell University Press, 2009. 189 p.

навязать универсальные ценности и нормы поведения, что требовало определения общих интересов для всех стран, которые уважали идентичность всех участников. За счет этого консенсус стал одним из основополагающих принципов развития сотрудничества в регионе. Также важно было укрепить доверие между странами, так как многие страны имели неурегулированные вопросы, оставшиеся после времен колониальной эпохи и Второй мировой войны. Подобные противоречия не позволяли создать в Азии «систему коллективной безопасности». И, наконец, для эффективного регионального сотрудничества требовалось отказаться от мышления «холодной войны», где АТР рассматривался в контексте конфликта Севера и Юга и идеологической борьбы²¹⁰.

Также в конце 1990-х гг. начали размышлять о потенциальном влиянии КНР на региональное мироустройство, в том числе экономическое развитие Китая. Потенциальный рост амбиций в регионе мог бы угрожать стратегическим интересам США и развитых стран в АТР. С другой точки зрения, для Китая важно было обеспечить благоприятные внешние условия для реализации политики «реформ и открытости». В этот период Китай был готов решать споры путем переговоров и участвовать в международных форматах, которые не были направлены на сдерживание его развития²¹¹.

Политика переориентации на Восток в Индии стала краеугольным камнем индийской внешней политики после окончания «холодной войны». Подобная амбициозная программа не могла не подразумевать конфликта интересов с Китаем. Индия стремилась выступить в качестве балансира, предложив странам региона альтернативу и защиту от растущего влияния КНР. Этим обуславливалось стремительное развитие сотрудничества Индии и стран АСЕАН как в экономической сфере, так и в сфере безопасности через

²¹⁰ Zhang Y. Non-hostility: The Road to Cooperation in Asia-Pacific // China Report. 1995. Vol. 31. № 4. P. 501–505.

²¹¹ Zhang Y. Non-hostility: The Road to Cooperation in Asia-Pacific // China Report. 1995. Vol. 31. № 4. P. 501–505.

АРФ. Для Индии это было возможностью обеспечить себе решающую роль в диалоге по безопасности в Индийском океане, значение которого для мировой экономики становилось все более весомым²¹².

В данном параграфе будут более подробно рассмотрены международные организации, которые получили толчок к развитию в конце 1990-х и в начале 2000-х гг. играли важную роль в формировании регионального миропорядка в АТР. Большая часть организаций имеет под собой экономическую основу, в то время как вопросы безопасности остаются за рамками или не могут быть решены с использованием существующего инструментария.

Роль АСЕАН в развитии регионального сотрудничества в АТР.

К началу 2000-х гг. АСЕАН обрела свой современный вид, к ней присоединились 10 стран Юго-Восточной Азии, которых еще больше сплотил Азиатский экономический кризис. Финансовый кризис также интенсифицировал работу в рамках АСЕАН+3, где в 2000 г. была принята Чиангмайская инициатива, подразумевающая валютные свопы между участниками для поддержки ликвидности на сумму 120 млрд долл. США²¹³. После этого в 2004 г. была принята «Вьентьянская программа действий», согласно которой за счет более глубокой интеграции планировалось к 2020 г. создать Сообщество политики и безопасности, Экономическое сообщество и Социокультурное сообщество. Эти три сообщества определяли дальнейшие направления развития организации и вектор сотрудничества с внешними партнерами²¹⁴. Через 4 года после запуска программы срок реализации был передвинут на 2015 г.²¹⁵.

²¹² Batabyal A. Balancing China in Asia: A Realist Assessment of India's Look East Strategy // China Report. 2006. Vol. 42. № 2. P. 179–197.

²¹³ AMRO and the CMIM // AMRO. URL: <https://www.amro-asia.org/about-amro/amro-and-the-cmim> (accessed: 26.07.2023).

²¹⁴ Ассоциация государств Юго-Восточной Азии // Центр АСЕАН МГИМО МИД РФ. URL: <https://asean.mgimo.ru/asean/ASEAN> (дата обращения: 07.07.2023).

²¹⁵ Канаев Е.А. Экономическое сообщество АСЕАН – новое пространство деловой активности // ЮВА:

На практическом уровне АСЕАН подписала торговые соглашения со странами АСЕАН+3, которые были ближайшими региональными партнерами организации. Таким образом, были подписаны 3 двусторонние соглашения с Китаем, Японией и Южной Кореей. В дальнейшем список стран, подписавших соглашение о свободной торговле с Ассоциацией, будет расти.

АСЕАН стала центральным элементом регионализации в АТР, совместив несколько важных функций, которые в глобальном масштабе реализовывали ООН и структуры Всемирного банка, среди которых:

– платформы для диалога: саммиты АСЕАН, саммиты АСЕАН+, Восточноазиатский саммит, Региональный форум АСЕАН, многочисленные международные рабочие группы для развития секторального сотрудничества и взаимодействия на всех уровнях между странами региона;

– информационно-аналитическая поддержка: Статистическая система сообщества АСЕАН (ASEAN Community Statistical System), статистический портал АСЕАН (ASEANstats), Институт экономических исследований АСЕАН и Восточной Азии (Economic Research Institute for ASEAN and East Asia), статистические ежегодники АСЕАН и другие статистические доклады;

– институализация кризисного управления и согласование подходов в глобальном управлении в регионе: формирование общих направлений развития норм и правил поведения в регионе, разработка общих дорожных карт для регионализации и развития²¹⁶.

Важную роль АСЕАН сыграла в создании общей региональной диалоговой платформы по вопросам безопасности. Региональный форум АСЕАН стал структурой, которая позволяла объединить усилия

актуальные проблемы развития. 2017. № 37. С. 14–27.

²¹⁶Parks T., Maramis L., Wongwatanakul W. ASEAN as the Architect for Regional Development Cooperation // The Asia Foundation. 2018, September. URL: <https://asiafoundation.org/wp-content/uploads/2018/09/ASEAN-as-the-Architect-for-Regional-Development-Cooperation.pdf> (accessed: 09.08.2023).

региональных и внерегиональных акторов для решения общих проблем безопасности. Особенностью АРФ стало объединение двух структур – формальный диалоговый процесс ведется через саммиты министров иностранных дел в рамках основного дипломатического трека; в то же время параллельно идет работа в рамках гражданской дипломатии (Track II diplomacy), где представлены ведущие мозговые центры стран-участниц, которые решают следующие задачи:

– предварительное обсуждение позиций по чувствительным вопросам, которые не могут быть напрямую освещены на министерских встречах, на неофициальном уровне, что позволяет выработать стратегию без репутационных потерь;

– интеграция новых идей через неформальные каналы для более тесного взаимодействия в рамках АРФ для всех участников диалога;

– подготовка вопросов для повестки дня для министерских встреч. Предварительное обсуждение может нивелировать спорные моменты, которые не позволяли обсудить вопрос напрямую на уровне официальной дипломатии²¹⁷.

Уникальный подход АРФ заключается в том, что он не имеет инструментов принуждения, позволяющих урегулировать конфликт, поэтому делает акцент на превентивной дипломатии. В основе деятельности Форума лежит продвижение норм и правил АСЕАН, среди которых – невмешательство во внутренние дела, отказ от использования силы в международных отношениях, отношения доброй воли и консенсусная дипломатия. Участников Форума призывают к открытой демонстрации своих намерений через публикации Белых книг по национальной обороне и документов относительно позиции государства в АТР (position papers),

²¹⁷ Heller D. The Relevance of the ASEAN Regional Forum (ARF) for Regional Security in the Asia-Pacific // Contemporary Southeast Asia. 2005. Vol. 27. № 1. P. 123–145.

участие в Регистре обычных вооружений ООН (UNODA) и распространении отчетов через Форум, предварительное уведомление о военных учениях и участие в механизмах контроля над вооружениями в регионе для повышения открытости и прозрачности позиций стран – членов Форума²¹⁸. Проблемы безопасности в регионе обсуждаются во время министерских встреч и специальных консультаций. Отсутствие инструментов принуждения в определенной степени снижает эффективность деятельности АРФ в сфере урегулирования конфликтов, но, с другой стороны, делает Форум площадкой, где ни одна из стран, включая наиболее влиятельных авторов, таких как КНР, США и Россия, не могут насильственными методами продвигать свою позицию.

В то же время система продвижения региональных норм и ценностей выглядит привлекательной для региональных акторов, которые стремятся к обеспечению региональной безопасности, но не готовы жертвовать частью суверенитета для институтов коллективной безопасности.

Определяющей нормой для АСЕАН является невмешательство во внутренние дела, это зафиксировано и в Договоре о дружбе и сотрудничестве, и в Уставе АСЕАН. Таким образом, страны развивают идею мирного диалога, консультаций и переговоров при уважении суверенитета друг друга. По мнению А. Ачарьи, такой подход требует культивирования определенных привычек, в частности, сдержанного и неформального стиля дипломатии, достижения консенсуса и неконфронтационного торга. В этом АСЕАН отличается от более формальных и зачастую «навязчивых» институтов европейского сотрудничества²¹⁹. АСЕАН не стремится к формализации процесса принятия решений, сохраняя гибкую модель, где существует возможность избежать открытых разногласий. Как уже

²¹⁸ Heller D. The Relevance of the ASEAN Regional Forum (ARF) for Regional Security in the Asia-Pacific // *Contemporary Southeast Asia*. 2005. Vol. 27. № 1. P. 123–145.

²¹⁹ Comparing regional institutions: an introduction / ed. by A. Acharya, A.I. Johnston. Cambridge: Crafting Cooperation Cambridge University Press, 2001. P. 1–31.

говорилось ранее, особенно чувствительные вопросы рассматриваются в рамках неформальных встреч. Такой подход был назван «мягким», или «гибким», регионализмом и является характерной чертой регионализма, продвигаемого малыми государствами²²⁰.

С практической стороны эффективность и проблемы диалога по вопросам безопасности АСЕАН были продемонстрированы во время региональных конфликтов.

Приграничный конфликт между Таиландом и Камбоджей стал проверкой на прочность для институтов Ассоциации, так как в конфликте были задействованы два члена организации. Конфликт разгорелся после того, как власти Камбоджи внесли храм Преа Вихеар, находящийся на спорной территории, в список Всемирного наследия в 2006 г. во время политического кризиса в Таиланде. В 2011 г. конфликт перерос в самое серьезное столкновение между членами Ассоциации. Совет Безопасности ООН после начала боевых действий передал вопрос на рассмотрение в АСЕАН²²¹. Таиланд рассматривал вопрос как внутреннее дело и не желал участия третьих стран, в том числе и АСЕАН, поэтому, несмотря на то что Камбоджа согласилась принять наблюдателей из Индонезии, Таиланд несколько раз отклонял это предложение. Камбоджа обратилась в Международный Суд для разрешения спора. По решению Международного суда необходимо было вывести солдат из демилитаризованной зоны и сотрудничать с АСЕАН и ее наблюдателями. В 2013 г. Международный суд вынес решение, постановившее, что спорная территория принадлежит Камбодже. Данный пример, с одной стороны, показал значимость АСЕАН, так как Совет Безопасности ООН и Международный суд призывали стороны

²²⁰ Jones D.M., Jenne N. Weak states' regionalism: ASEAN and the limits of security cooperation in Pacific Asia // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2016. Vol. 16. № 2. P. 209–240.

²²¹ *Waging Peace: ASEAN and the Thai-Cambodian Border Conflict* // International Crisis Group. 6.12.2011. URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-east-asia/thailand/waging-peace-asean-and-thai-cambodian-border-conflict> (accessed: 16.07.2023).

разрешить свой спор при посредничестве Ассоциации, но, с другой стороны, нужно обратить внимание на то, что Камбоджа изначально обратилась в СБ ООН и Международный суд ООН, а не в АСЕАН и начала сотрудничать с Ассоциацией только после решения указанных выше институтов. В это же время, несмотря на усилия Индонезии, у АСЕАН не было реальных инструментов воздействия на стороны конфликта, и дело снова вернулось в Международный суд²²².

Таким образом, АСЕАН сыграла несомненно важную роль в политической и экономической интеграции в регионе, сформировав на своей основе платформы для регионального сотрудничества, снижения тарифных пошлин, привлечения инвестиций, разрешения политических конфликтов в гибкой форме, позволяющей объединить неоднородных региональных и нерегionalных участников. В то же время основными вызовами для Ассоциации стало то, что регион оказался в фокусе американо-китайской конкуренции, которая начала набирать обороты в начале XX в. Гибкое регулирование, с одной стороны, является достоинством Ассоциации, но, с другой стороны, не позволяет урегулировать политические конфликты между членами АСЕАН, сохраняя необходимость выхода на уровень структур ООН.

Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество в реальной системе международных отношений. Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС, АПЕС) – это международный форум, задачей которого является развитие сотрудничества в торгово-экономической и финансовой сфере в АТР. С момента создания АТЭС в 1989 г. до 2021 г. вырос с 11 499 до 59 591 млрд долл., что составляло 56,9 и 61,74% от мирового ВВП. Средние тарифы упали с 17% в 1989 г. до 5,3% в 2018 г. За

²²² Jones D.M., Jenne N. Weak states' regionalism: ASEAN and the limits of security cooperation in Pacific Asia // International Relations of the Asia-Pacific. 2016. Vol. 16. № 2. P. 209–240.

тот же период общий объем торговли региона АТЭС увеличился более чем в 7 раз, опередив остальные страны мира: две трети этой торговли приходится на страны-члены²²³ (рис. 1.1).

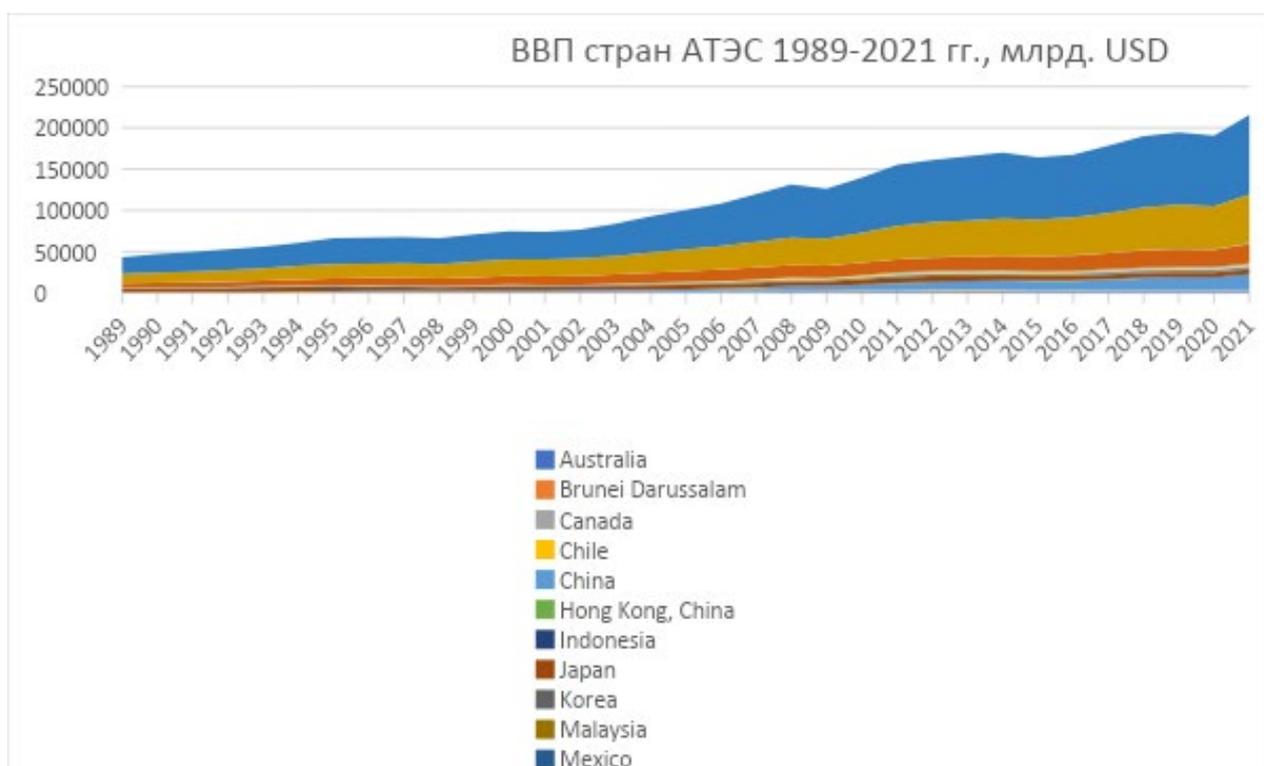

Рис. 1.3. ВВП стран АТЭС 1989–2021 гг., млрд долл. США

Источник: составлено автором на основе статистики АТЭС. URL: https://statistics.apec.org/index.php/key_indicator/kid_result/1 (дата обращения: 14.07.2023).

В 1994 г. были приняты Богорские цели, которые подразумевали развитие свободной и открытой торговли и инвестиционного сотрудничества в регионе к 2020 г.

Однако полноценно подвести итоги программы не удалось – в 2020 г. во всем мире бушевала пандемия коронавируса COVID-19, и усилия стран АТЭС были направлены на то, чтобы с наименьшими потерями встретить

²²³ Achievements and Benefits // APEC. 2023, October. URL: <https://www.apec.org/about-us/about-apec/achievements-and-benefits> (accessed: 14.07.2023).

ЭТОТ ВЫЗОВ²²⁴.

На основе отчета, сделанного в 2018 г., можно сделать вывод, что страны добились значительных результатов в снижении тарифов, экономических реформах и создании благоприятных условий для региональной торговли. Однако все еще сохранялись элементы протекционизма и нетарифных мер ограничения торговли²²⁵.

Выступая на саммите АТЭС в США в 2011 г., первый исполнительный директор Секретариата АТЭС Мухамад Нур, говоря о перспективах развития форума, обратил внимание на то, что АТЭС имеет наибольшую долю внутрирегиональной торговли, чем ЕС, НАФТА и АСЕАН, несмотря на то что между большей частью членов АТЭС нет соглашений о свободной торговле или формальных торговых договоров²²⁶. Это позволило АТЭС играть роль координирующей платформы для экономической интеграции в регионе, объединяя усилия менее масштабных торгово-экономических объединений.

Важность формата была подтверждена наиболее крупными и влиятельными акторами, такими как КНР и США. Усилия, сделанные в начале XX в., создали условия для появления в конце 2010-х гг. таких форматов, как ВРЭП и ТТП (позднее ВПТТП), основными бенефициарами которых были экспортеры, получающие преференции при снижении тарифов для внутрирегиональной торговли.

Выступая на 27-м Саммите АТЭС в онлайн режиме, Председатель КНР Си Цзиньпин выделил 4 приоритетных направления развития АТЭС:

1) построение открытого и инклюзивного торгово-экономического

²²⁴ Charting a new journey for Asia-Pacific cooperation // New Straits Times. 19.11.2020. URL: <https://www.nst.com.my/opinion/columnists/2020/11/642668/charting-new-journey-asia-pacific-cooperation> (accessed: 12.05.2023).

²²⁵ What are the Bogor Goals? // APEC. 2021, September. URL: <https://www.apec.org/about-us/about-apec/fact-sheets/bogor-goals> (accessed: 14.08.2023).

²²⁶ APEC's Role in Regional Development Challenges and Prospects for Regional Cooperation // APEC. 13.01.2011. URL: https://www.apec.org/press/blogs/2011/0113_rsis (accessed: 26.07.2023).

сообщества. В рамках этого направления усиливалась работа по созданию общерегиональной зоны свободной торговли и практическому воплощению идей ВРЭП и ВПТП, участие в которых КНР приветствовала и поддерживала;

2) инновационный рост. В рамках этого направления Китай подтверждал необходимость развития цифровой экономики как основного драйвера экономического роста. Это направление также подразумевало улучшение уровня жизни и борьбу с бедностью за счет имплементации цифровых сервисов;

3) развитие инфраструктуры. Основной для региональной интеграции является свободное движение товаров и людей, безопасность цепочек поставок и бесперебойная работа производственных цепочек. В условиях пандемии это направление также требовало своевременного обмена данными о санитарно-эпидемиологической обстановке и согласованию стандартов;

4) взаимовыгодное сотрудничество. Достичь успехов в региональной интеграции можно только за счет справедливого равноправного сотрудничества, которое будет полезным для всех и позволит объединить усилия для построения общего будущего. Это направление также подтверждает приверженность к урегулированию споров мирным путем и важность достижения консенсуса²²⁷.

С точки зрения вклада в регионализацию, форум АТЭС смог предложить альтернативный путь торгово-экономической интеграции. В отличие от модели европейской интеграции в рамках ЕС, которая шла по закрытому пути жесткого регулирования, АТЭС предложил открытую интеграцию. В случае с ЕС либерализация торговли шла по пути принятия общих норм и правил для всех членов организации; регулировали как

²²⁷ Working Together for an Asia-Pacific Community with A Shared Future // The official website of the Ministry of Foreign Affairs, Republic of China. 20.11.2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjdt_665385/zyjh_665391/202011/t20201120_678940.html (accessed: 25.07.2023).

отношения внутри ЕС, так и со всеми внешними партнерами за исключением отдельных стран, которые не вошли в еврозону и не отчитывались относительно условий торговли с внешними партнерами. В АТЭС либерализация шла согласованно, но каждый из членов форума был свободен выбирать инструменты и принципы работы с внутренними и внешними торговыми партнерами²²⁸.

Среди основных различий можно выделить следующие:

– синхронизированный регионализм против односторонней поддержки и либерализации торговли. В то время как ЕС устанавливает единые требования к работе с членами и нечленами организации в области тарифных барьеров, АТЭС создает «зонтичные программы», которые устанавливают направления работы, такие как Богорские цели, а политическая имплементация остается в ведении национальных правительств;

– всесторонняя либерализация против секторальной выборочной либерализации. Европейский союз принимал единые для всех правила либерализации и снижения тарифов, в то время как в АТЭС выбирались приоритетные сферы, учитывая существующий уровень регулирования, чтобы снизить потенциальные потери для участников соглашений;

– верховенство закона против давления окружения. В то время как в ЕС создана система правового принуждения и функционирует Европейский суд, который рассматривает случаи нарушения странами положений договоров ЕС и принимает правовые меры, в АТЭС идут по пути морального воздействия, создавая условия для принятия единых решений во время саммитов, не используя институт санкций;

– содействие торговле против демонтажа торговых барьеров. На саммите 1996 г. в АТЭС были приняты индивидуальные планы действий

²²⁸ Langhammer R.J. Regional Integration APEC Style: Lessons from Regional Integration EU Style // Asean Economic Bulletin. 1999. Vol. 16. № 1. P. 1–17.

(Individual Plan of Actions) и коллективные планы действий (Collective Action Plans), содержащие общие руководства по организации отдельных процедур.²²⁹ Содержание данных планов было приближено к европейской модели, включая снятие барьеров в сфере услуг, инвестиций, стандартов, таможенных процедур, интеллектуальной собственности, человеческой мобильности, однако, в отличие от ЕС, не все члены организации могли принять равноценное участие в данных программах из-за неоднородности экономического и социального развития государств – членов организации;

– ограниченное передвижение лиц против свободного передвижения. Одной из основ рыночной интеграции является мобильность людей как носителей товаров, деловых и потребительских услуг. Подход АТЭС строго ограничен повышением краткосрочной мобильности деловых кругов, совершающих торговые и инвестиционные поездки в рамках АТЭС. Само собой разумеется, что эта задача исключает, например, миграцию строительных рабочих. Учитывая огромные различия в обеспеченности неквалифицированной рабочей силой в рамках АТЭС, можно утверждать, что трудовая мобильность будет последней областью, подлежащей либерализации, и что микро- и макроэкономические издержки мобильности гораздо ниже, если капитал перемещается к труду, чем если труд перемещается к капиталу. Однако даже в рамках более однородных региональных подгрупп, таких как АСЕАН, свободное перемещение неквалифицированных работников стоит на последнем месте в интеграционной повестке дня, учитывая тот факт, что степень миграционной инерции для неквалифицированных работников в Азии традиционно ниже, чем за ее пределами. Это означает, что любые политические меры, направленные на более свободное перемещение людей, могут

²²⁹ 1996 APEC Ministerial Meeting // APEC. 22.11.1996. URL: https://www.apec.org/meeting-papers/annual-ministerial-meetings/1996/1996_amm (accessed: 20.08.2023).

спровоцировать большие миграционные потоки, которые будут неприемлемы по политическим причинам. В то же время ЕС предлагает полную свободу передвижения для граждан организации, предоставляя равные условия для всех стран Шенгенской зоны;

– согласованное невмешательство во внутреннюю политику против перехода к единой внешней политике и политики в сфере безопасности. Исходя из целей и названия, сотрудничество в рамках АТЭС осуществляется исключительно в экономической сфере, поэтому принцип невмешательства во внутренние дела является жизненно важным для устойчивого сотрудничества. В то же время в ЕС политическое сотрудничество изначально было первоочередной целью, путь к которой лежал через экономическую интеграцию. В АТЭС привлекательность интеграции обеспечивается за счет выгод, которые получают стран АТЭС за счет действия коллективных мер поддержки. Это касается, прежде всего, «отстающих стран», которые не получают значительных преимуществ от глобальной экономической системы.²³⁰

Таким образом, значительная роль АТЭС заключается в том, что в рамках одного формата объединились основные экономики региона и смогли в отрыве от политических вопросов определить направления экономической интеграции. В сравнении с АСЕАН АТЭС представляет еще менее формализованный подход к решению региональных вопросов, не имея возможности вмешательства и санкционного давления на тех, кто не следует в русле коллективных решений. Это обеспечивается устойчивостью форума, именно за счет этого он не теряет своей значимости в условиях глубоких геополитических противоречий между странами региона.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – субрегиональный

²³⁰ Langhammer R.J. Regional Integration APEC Style: Lessons from Regional Integration EU Style // Asean Economic Bulletin. 1999. Vol. 16. № 1. P. 1–17.

формат сотрудничества в сфере безопасности в АТР. В 2001 г. была создана Шанхайская организация сотрудничества на основе Шанхайской пятерки, основной задачей которой было урегулирование вопросов регионального мироустройства в Центральной Азии после того, как СССР перестал существовать. Членами ШОС стали Россия, Китай, Казахстан, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан. Урегулировав вопросы, связанные с демаркацией границ, использованием трансграничных рек и трансграничными народами, страны, осознавая реалии новой системы международных отношений, консолидировали усилия для противодействия новым вызовам и угрозам безопасности сначала в регионе, а затем и в Евразии.

Для России и Китая основное значение имел потенциал ШОС в структурировании регионального пространства, а не интеграция в западном понимании этого термина²³¹. Стратегическое значение организации заключалось том, что она способна была объединить государства с разными моделями политического устройства, учитывая внерегиональных наблюдателей, чтобы координировать действия по конкретным вопросам повестки дня ШОС²³².

В отличие от рассмотренных ранее форматов, ШОС была построена на базе политического сотрудничества и сотрудничества в сфере региональной безопасности, которое сопрягалось с экономическим сотрудничеством. Так, уже в 2003 г. была принята Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества, определившая направления экономических проектов до 2020 г. Сложность реализации этих направлений, заключается в отличиях между приоритетами стран – участниц ШОС.

Для России важно сохранить политическое влияние и доступ к рынкам

²³¹ Колдунова Е.В. Роль Шанхайской организации сотрудничества в регионе Центральной Азии: сравнительный анализ исследовательских дискурсов // Сравнительная политика. 2013. № 2 (12). С. 60–69.

²³² Там же.

стран Центральной Азии, в то время как Китай стремится к реализации новых экономических проектов и доступу к природным ресурсам стран региона²³³. В результате возникали разногласия относительно приоритетов организации: китайская сторона говорила о том, что Россия искусственно тормозит экономические проекты в ШОС, в то время как Россия считала, что Китай уклоняется от придания Организации более четких функций в сфере безопасности²³⁴. Это стало причиной того, что в экономической и инвестиционной сферах стал доминировать двусторонний формат, в основном представленный участием стран ШОС в инициированных Китаем региональных проектах, что не несет угрозы жизнеспособности Организации²³⁵. По этой же причине нерешенным остается вопрос создания финансового института Организации, так как на политическом уровне сохраняются противоречия относительно его формы²³⁶. В 2010 г. КНР предложила создать банк развития ШОС, а в 2013 г. идею создания фонда развития ШОС предложила Россия²³⁷. Однако дальше обсуждений данные инициативы не зашли.

Несмотря эти сложности, с момента создания ШОС деятельность Организации была направлена на расширение сотрудничества во всех сферах с другими региональными организациями, в том числе и АСЕАН, с которой в 2005 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании. В документе в качестве приоритетных были определены такие области сотрудничества, как борьба с терроризмом, контрабандой наркотиков и оружия, отмыванием денег, незаконной миграцией. Прописаны и другие возможные сферы взаимодействия: экономика и финансы, энергетика, включая вопросы

²³³ Алиев М.А. Экономические институты ШОС // РПТЭ. 2014. Т. 40. № 2. С. 19–24.

²³⁴ Россия и Китай: взгляд на ШОС // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 7. № 4. С. 186–189.

²³⁵ Лузянин С.Г., Фроленков В.С. «Возвышение» ШОС: успехи и препятствия // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 404. С. 105–111.

²³⁶ Муратшина К.Г. К вопросу о создании Банка ШОС // Управленческое консультирование. 2017. № 7 (103). С. 44–54.

²³⁷ Участники ШОС вспомнили про создание банка и фонда развития // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/07/2023/64a3fe999a794705e4f8e89d> (дата обращения: 30.07. 2023).

гидроэнергетики и биотоплива, туризм, окружающая среда и использование природных ресурсов, социальное развитие²³⁸. Но в основном сотрудничество между организациями сводится к вопросам безопасности, в том числе борьбе с терроризмом²³⁹.

Также ведется работа и с международными организациями на постсоветском пространстве. В 2005 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ШОС и Исполнительным Комитетом СНГ, а в 2007 г. – Меморандум о взаимопонимании между секретариатами ШОС и ОДКБ. Помимо этого, были подписаны аналогичные документы с ОЭС и СВМДА в 2007 и 2014 гг.²⁴⁰

Говоря об основном приоритете организации – вопросах безопасности и борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, работа институтов ШОС видится более эффективной. Основные функции по координации деятельности ШОС в этой сфере выполняет Региональная антитеррористическая структура, созданная в 2002 г.²⁴¹ В рамках структуры происходит координация деятельности военных и правоохранительных органов членов ШОС, проводятся совместные трансграничные операции и регулярные учения (самыми крупными считаются учения «Мирная миссия», которые проводятся каждый год). Высокая оценка роли и значения ШОС в системе региональной безопасности нашла отражение в принятой в 2009 г. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Сотрудничество ООН и ШОС», где отмечается, что «Шанхайская организация сотрудничества стала исключительно важным форумом для рассмотрения вопроса о безопасности

²³⁸ Шанхайская организация сотрудничества // ШОС. URL: <http://rus.sectsco.org/cooperation/20151208/16875.html>. (дата обращения: 09.07.2023).

²³⁹ Ким Е.В., Конопьянова Л.О. ШОС и АСЕАН: перспективы сотрудничества // Вестник ЗабГУ. 2017. № 11. С. 51–55.

²⁴⁰ Шанхайская организация сотрудничества // ШОС. URL: <http://rus.sectsco.org/cooperation/20151208/16875.html>. (дата обращения: 09.07.2023).

²⁴¹ Соглашение между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре от 6 июня 2002 г. // Президент России: официальный сайт. 6.06.2002. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3864> (дата обращения: 14.06.2023).

в регионе во всех его аспектах». В принятой в 2019 г. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН также подчеркивается «конструктивная роль ШОС в деле обеспечения мира и устойчивого развития» и специализированным учреждениям, организациям, программам и фондам системы ООН предлагается сотрудничать с ШОС в интересах совместного осуществления программ²⁴².

ШОС смогла предложить уникальный формат взаимовыгодного взаимодействия, который является привлекательным для большого числа государств. Это подтверждается увеличивающимся вниманием со стороны стран Азии и Ближнего Востока, особенно в свете расширения состава Организации, к числу постоянных членов которой к 2023 г. добавились Индия, Пакистан и Иран. Среди тех, кто подал заявку, – Сирия, Египет, Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ²⁴³. Такое внимание обусловлено тем, что в ШОС первостепенным является уважение суверенитета и национальных интересов государств-членов, что в совокупности с невмешательством во внутренние дела делает этот формат реальной альтернативой западным институтам. В условиях глобальных трансформаций и формирования «новой биполярности», где центрами силы выступают США и КНР, это позволяет странам не относить себя к одному из блоков и, сохраняя гибкую позицию, координировать позиции по вопросам безопасности и глобального управления.

Другие форматы регионального взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Помимо указанных выше форматов, в регионе присутствуют и другие менее многочисленные объединения стран. О форматах, которые были созданы после 2013 г., когда начался активный период «властного транзита» и американо-китайской конкуренции, более

²⁴² Эксклюзив: Основная задача ПАТС ШОС – борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Russian.news.cn. URL: http://russian.news.cn/2020-11/11/c_139508124.htm (дата обращения: 24.07.2023).

²⁴³ «Известия» опубликовали список стран, желающих вступить в ШОС // РБК. 4.08.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/08/2022/62eafad79a794777bc95ea50> (дата обращения: 16.06.2023).

детально будет рассказано в гл. 2 и 3 настоящей диссертации. Однако стоит выделить те, которые существовали уже на начало 2000-х гг., и упомянуть их основные характеристики.

Одним из таких форматов стало Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). СВМДА – это форум, участниками которого являются 28 государств, не считая наблюдателей, созданный в 2002 г. по идее Первого Президента Казахстана Н. Назарбаева, выдвинутой на заседании ГА ООН в 1992 г. Так как этот формат был предложен Казахстаном, который не стремится к региональному лидерству в Азии и в большей степени ориентирован на развитие благоприятных условий для развития страны, которая недавно получила независимость, нельзя было сказать, что он создан для удовлетворения интересов крупных региональных и глобальных игроков. Более того, форум выступает против проявления гегемонии, односторонности и протекционизма, ставя своей целью формирование нового типа отношений на основе многосторонности²⁴⁴. Этот форум предлагает еще одну диалоговую площадку, однако не имеет инструментов для решения конфликтов или создания эффективных институтов для обеспечения региональной безопасности.

В 2007 г. появился Четырехсторонний диалог по вопросам безопасности (QUAD, КВАД), который объединил Индию, США, Японию и Австралию по инициативе премьер-министра Японии Синдзо Абэ. В сентябре 2007 г. военно-морские силы Индии, США, Японии, Австралии и Сингапура совместно провели военно-морские учения под названием «Малабар» в Индийском океане, и, как следствие, Китай направил дипломатические протесты членам КВАД. После смены правительств в Японии и Австралии формат утратил свою актуальность и находился в

²⁴⁴ China highlights CICA's role in regional security, development // Xinhuanet. 25.08.2018. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-09/25/c_137490394.htm (accessed: 12.08.2023).

замороженном состоянии до 2017 г., когда в Японии Синдзо Абэ вернулся на пост премьер-министра, а в США Президентом стал Дональд Трамп²⁴⁵. Данный формат является закрытым, его основная задача – сдерживание КНР и объединение ведущих демократий Азии для обеспечения региональной безопасности. Более детально деятельность КВАД будет рассмотрена в следующих главах.

²⁴⁵ Quadrilateral (QUAD) Security Dialogue // Sp's Naval Forces. 2.03.2020. URL: <https://www.spsnavalforces.com/story/?id=670&h=Quadrilateral-QUAD-Security-Dialogue> (accessed: 30.08.2023).

Выводы по главе 1

К началу 2000-х гг. в АТР сформировалась уникальная региональная система безопасности, которая во многом была построена на основе, заложенной Сан-Францисским мирным договором после Второй мировой войны. Основную координирующую роль в сфере обеспечения безопасности взяли на себя США, которые выстроили сеть альянсов с региональными партнерами, получивших название «Hub and Spokes» («Ось и спицы»). СССР и КНР в рамках этой системы воспринимались в качестве основных угроз безопасности и стабильного развития в регионе.

Для Китая США также были основной угрозой безопасности, особенно в контексте отношений с Тайванем и стабильности на Корейском полуострове. Такое положение дел сохранялось вплоть до окончания «холодной войны» и начала экономического подъема КНР.

С точки зрения системы региональной безопасности основными точками напряженности стали конфликты, не урегулированные в период «холодной войны» и биполярного противостояния (к ним относятся Тайваньский вопрос, Корейский вопрос и территориальные споры с Японией). Другой комплекс проблем безопасности связан с территориальными спорами в Южно-Китайском море, которое является одной из важнейших мировых транспортных артерий. Причиной неурегулированных споров являются растущие интересы Китая, которые до образования КНР не уделял значительного внимания вопросам границ. Сложность решения этих

вопросов связана с тем, что они являются составной частью конкуренции США и КНР на современном этапе, а региональные акторы вынуждены выбирать свою сторону.

Важной особенностью региона АТР с точки зрения системы международных отношений стало отсутствие региональных организаций, имеющих жесткое правовое регулирование и механизмы принуждения, аналогичные тем, которые были созданы в Европе. Региональная интеграция в АТР выстраивалась на основе внутренних импульсов, ее драйверами были малые государства. Так, наиболее эффективные диалоговые форматы были созданы вокруг АСЕАН. Гибкое регулирование позволило обеспечить открытый доступ к диалоговым форматам и работать в ключе превентивной дипломатии, решая споры до перехода в острую фазу. Однако в случае, когда участниками военно-политических споров были члены организации, эффективность была низкой и решающая роль переходила к структурам ООН. Также процесс регионализации характеризовался отсутствием государства, которое могло бы возглавить этот процесс.

В конечном итоге, к началу XXI в. в условиях снижения глобального влияния США и увеличения потенциала КНР регион стал ареной для стратегической конкуренции этих двух стран. На системном уровне в регионе существовали организации, которые способствовали развитию торгово-экономического сотрудничества, в то время как комплекс вопросов безопасности был охвачен только в рамках системы американоцентричных альянсов. Для КНР важным форматом стала ШОС, предложившая новый подход к обеспечению региональной безопасности, основанный на взаимном уважении национальных интересов.

ГЛАВА 2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗВЫШЕНИЕ КИТАЯ И СИСТЕМА БЕЗОПАСНОСТИ В АТР

2.1. Большая стратегия Китая и изменение места КНР в региональной системе международных отношений

К 2003 г., когда должность Председателя КНР занял Ху Цзиньтао, экономика Китая переживала подъем, политика «реформ и открытости» принесла свои плоды и позволила стране привлечь иностранные инвестиции, перестроить промышленность и выйти на мировой рынок. В таких условиях страны региона и глобальные игроки стали задумываться о вызовах, которые несет рост влияния КНР как для региона, так и для системы международных отношений. На тот момент о решительном влиянии Китая на трансформацию системы международных отношений в глобальном масштабе говорить еще нельзя. Несмотря на события сентября 2001 г., США все еще сохраняли тотальное доминирование и проводили серию военных операций по всему миру. Но для китайских политиков в тот момент времени необходимо было предложить идейную основу, которая объяснила бы партнерам про региональные намерения Китая и снизила напряженность, укрепив доверие.

Особенности стратегической культуры КНР. Стратегическая культура КНР начала активно исследоваться после окончания «холодной

войны», когда в США развитие получили работы третьего поколения школы стратегической культуры, возглавляемой наиболее выдающимся теоретиком Алистером Джонстоном²⁴⁶. Главным достоинством трудов А. Джонстона стала концепция культурного реализма, доступная для понимания в контексте западных теорий международных отношений. Для западного подхода стратегическая культура представляет собой синергию конфуцианской модели управления и *Realpolitik*, которая определяет политику активной обороны в качестве главного базиса китайской внешнеполитической стратегии. В 2005 г. другой представитель школы стратегической культуры Эндрю Скобелл, исследовавший феномен «великого похода», или долгого марша и «великой стены», в стратегической культуре Китая²⁴⁷ предположил, что опасность китайской стратегической культуры заключается в том, что ее базовые категории сложны для понимания и доступны только для специалистов, погруженных в социокультурную специфику Китая²⁴⁸.

В действительности подходы обоих авторов к анализу и результаты их работ отличались от исследований китайских ученых, которые пытались выявить основные характеристики, определяющие внешнюю политику Китая. Пик публикационной активности китайских исследователей пришелся на момент выдвижения концепции «мирного подъема» Китая и продолжил расти в контексте усиления американо-китайской конкуренции.

В 2002 г. относительно стратегической культуры автор реляционной теории мировой политики Цинь Яцин писал следующее: «Стратегическая культура Китая находится в процессе трансформации от конфликтной модели к кооперативной. Внешним проявлением этой трансформации

²⁴⁶ Johnston A.I. *Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1995; Johnston A.I. *Social states: China in international institutions, 1980–2000*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2008.

²⁴⁷ Scobell A. *China's Use of Military Force: Beyond the Great Wall and the Long March*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; Scobell A. *China's Real Strategic Culture: A Great Wall of the Imagination* // *Contemporary Security Policy*. 2014. № 35 (2). P. 211–226.

²⁴⁸ Scobell A. *Strategic Culture and China: IR Theory Versus the Fortune Cookie?* // *Strategic Insights*. 2005. Vol. 6. № 10.

является избегание конфликтов, готовность к сотрудничеству между противниками и снижение эффективности насилия»²⁴⁹.

Интенсивность публикации статей, по ключевым словам, «стратегическая культура Китая» в CNKI представлена на рис. 2.1.

Компоненты китайской стратегической культуры представлены в табл. 2.1.

Рис. 2.1. Интенсивность публикации статей, по ключевым словам, «Стратегическая культура Китая» в CNKI

Источник: составлено автором.

²⁴⁹ Qin Y. Power-Institution-Culture-Three System Theories in International Political Science // World Economy and Politics. 2002. № 6. P. 5–10.

Компоненты китайской стратегической культуры

	Государственное управление	Отношение к войне	Национальная безопасность	Представление о порядке
Географический фактор		1) Сложность и многообразие стратегических целей в определенном пространстве 2) Гибкие и разнообразные стратегические средства 3) Возможность избежать войны	1) Единообразие природных условий 2) Консервативная сельскохозяйственная экономика 3) Сдержанная реакция на внешние раздражители 4) Отношения с ненулевой суммой	1) Единообразие природных условий 2) Самодостаточность экономики 3) Отсутствие амбиций по преобразованию мира 4) Сохранение существующего порядка
Социокультурный фактор		1) Идея «золотой середины» 2) Сдержанность в применении силы 3) Возможность избежать войны	1) В нерелигиозных обществах характерно отсутствие абсолютной «Божьей воли», существует возможность многокультурного сосуществования 2) Высокая степень инклюзивности 3) Отношения с ненулевой суммой	1) Вера в единство природы и человека (даосизм) 2) Противодействие принудительным изменениям международной системы
Политический фактор	1) Сложная внутренняя структура государства 2) Единство конфуцианства и права 3) Параллельное накопление материальных и нематериальных ресурсов 4) Сосуществование «пути царя» и «пути гегемона»	1) Высокие операционные расходы 2) Гибкость и разнообразие стратегических средств, склонность к использованию несиловых инструментов 3) Возможность избежать войны	1) Система Тянься 2) Данническая система 3) Отношения с ненулевой суммой	1) Высокие операционные расходы 2) Тенденция к поддержанию стабильного миропорядка

Источник: составлено автором.

В сводном анализе публикаций CNKI по теме стратегической культуры КНР, проведенным автором, можно выявить ряд основных характеристик, которые в основном связаны с отказом от проведения силовой политики ввиду больших операционных расходов на военное сопровождение политики в условиях большой территории и населения. Такие положения легли в основу внешнеполитических теорий КНР, которые с 2003 г. стали определять характер взаимодействия КНР с другими странами и с международной системой в вопросах глобального управления. Таким образом сформировался подход, активно использующий несиловые инструменты для достижения внешнеполитических задач КНР, среди которых преобладали экономические и дискурсивные компоненты.

За счет высокого уровня консолидации общества и обеспеченности

ресурсами экономика была сильной стороной Китая, позволяя накапливать материальные ресурсы для внутреннего развития и создания благоприятных внешних условий для существования в международной системе. Традиционно для китайского подхода в государственном управлении был актуален фактор даннической торговли, который позволял эффективно переводить экономическое влияние в политическую плоскость. Инициатива «Один пояс, один путь» стала одним из современных воплощений даннической торговли, несмотря на то что на уровне официального дискурса это положение отвергается²⁵⁰. Однако такая формулировка активно используется для критики инициативы как внутри Китая, так и в других странах²⁵¹. Такие инструменты также хорошо ложатся в русло теории комплексной взаимозависимости Р. Кохейна и Дж. Ная.

В вопросах безопасности использование экономических инструментов сопровождается расширением числа стратегических партнеров, которые, с одной стороны, зависят от Китая в сфере инвестиций и торговли, а с другой – обладают выгодным геополитическим положением и правительством, разделяющим китайские взгляды на будущее мироустройство. Основой для китайской политики в этой сфере можно считать теорию комплексной безопасности Чжан Юйлиня, одним из компонентов которой являются «стратегические точки опоры». Данная стратегия принимает во внимание тот факт, что современная стратегическая матрица АТР построена вокруг США и находится в процессе перестройки, вызванной началом новой «холодной войны», одним из полюсов которой выступает Китай²⁵².

²⁵⁰ 李国强: 古代丝绸之路的历史价值及对共建“一带一路”的启示 [Li Guoqiang. The Historical Value of the Ancient Silk Road and Its Implications for the Construction of the Belt and Road Initiative] // Belt and Road Portal. 6.01.2019. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/76521.html> (accessed: 26.08.2023).

²⁵¹ 王冲 我对一带一路的七点疑虑 [Wang Chong. My Seven Doubts about Belt and Road] // CFI. 27.03.2015. URL: <http://comment.cfisnet.com/2015/0327/1301017.html> (accessed: 26.08.2023).

²⁵² 王多月. 战略支撑点与«21 世纪海上丝绸之路»的建设 [Wang Duoyue. Strategic Support Points and the Construction of the 21st century Maritime Silk Road]. 中南财经政法大学 [Wuhan: Central South University of Economics and Law], 2017. 42 p.

По мнению Ван Дуоюэ, стратегия включает в себя несколько характеристик.

Во-первых, по мере роста военных и политических интересов увеличивается роль морского пространства, что повышает роль союзников и квазисоюзников в стратегических морских районах.

Во-вторых, для защиты своих интересов становится необходимо проецировать свою силу и влияние в стратегически важные регионы через размещение вооруженных сил в близлежащих странах или развитие отношений с ними, создавая вспомогательную структуру для поддержания безопасных транспортных маршрутов к ключевым регионам мира.

В-третьих, китайская теория отличается от агрессивного «оккупационного характера», который лежит в основе западного подхода, автором которого выступает А. Мэхан. Китайский подход делает акцент на обеспечении стабильности и устойчивости в ключевых странах с опорой на развитие внутренних ресурсов, поддержание инфраструктуры и т.д.

В-четвертых, либерализация торговли с ключевыми странами выступает в качестве одного из основных инструментов в процессе строительства «стратегических точек опоры». Расширяя экономическое сотрудничество со странами, расположенными вдоль «Морского Шелкового пути XXI в.», Китай решает несколько задач, повышая позитивное восприятие инициатив в регионе и проецируя свое влияние через усилия стран партнеров в процессе региональной интеграции.

В-пятых, развитие инфраструктуры в рамках экономических проектов, преимущественно портов, аэропортов и железных дорог, повышает инфраструктурную связанность между партнерами, что выступает гарантией реализации национальных стратегий. Проекты развития инфраструктурных объектов включают в себя не только постройку, но и обеспечение открытого доступа к ним в дальнейшем.

В итоге отношения со «стратегическими точками опоры» выстраиваются на основе принципов координации политики, доступа к объектам инфраструктуры, торгово-экономического сотрудничества, финансового развития и гуманитарных обменов²⁵³.

Исходя из этого, для анализа китайского подхода к формированию региональной системы безопасности необходимо, прежде всего, рассматривать экономический фактор в качестве основного инструмента расширения китайского влияния, который позволяет КНР конкурировать с силовыми подходами, доминировавшими в региональной архитектуре безопасности после Второй мировой войны.

Встраивание в глобальную систему международных отношений и «мирный подъем» Китая. Распространившиеся в тот момент в медиа и научном пространстве темы «китайской угрозы» и «коллапса Китая» демонстрировали антикитайскую настроенность в западном обществе. Цянь Цичэнь, который на тот момент занимал должность вице-премьера Госсовета, говорил, что теории «китайской угрозы» и «развала Китая» кажутся противоречащими друг другу, но «на самом деле они являются двумя сторонами одной медали. Обе они отражают взгляды антикитайских элементов в мире... В любом случае опровергать их не стоит»²⁵⁴.

Ответом на вызовы новой эпохи стала концепция «мирного подъема». 10 декабря 2003 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао выступил в Гарвардском университете с речью под названием «Обратите свой взор на Китай» («把目光投向中国»). Впервые от имени китайского правительства он всесторонне изложил позицию КНР по вопросу мирного подъема Китая, в которой говорилось о том, что современный Китай – это великая держава,

²⁵³ 王多月. 战略支撑点与»21 世纪海上丝绸之路«的建设 [Wang Duoyue. Strategic Support Points and the Construction of the 21st Century Maritime Silk Road]. 中南财经政法大学 [Wuhan: Central South University of Economics and Law], 2017. 42 p.

²⁵⁴ Jisi W. China's Changing Role in Asia // The Rise of China and a Changing East Asian Order. 2004. Tokyo: Japan Center for International Exchange, 2004. P. 3–21.

которая проводит политику реформ и открытости, открываясь миру, и придерживается идеи «мирного подъема»²⁵⁵. Позднее в этом же году Председатель КНР Ху Цзиньтао еще раз подчеркнул необходимость придерживаться мирного подъема Китая.

Пути развития и самостоятельной мирной внешней политики Китая. С этого момента теория «мирного подъема» стала основой китайской внешней политики, продвигая концепцию, что рост военной и экономической мощи Китая не будет представлять угрозу миру и стабильности, а для других стран будет иметь положительный эффект²⁵⁶.

Концепция была подкреплена глубоким культурным фундаментом, который уходил к трактовке базовых пониманий морали в китайском обществе²⁵⁷.

С точки зрения взаимодействия с другими странами мира необходимость выдвижения концепции была обусловлена несколькими факторами, среди которых:

– отношения КНР и США затрагивали коренные интересы двух стран, поэтому необходимо было проявлять решимость в решении вопросов, затрагивающих национальные интересы. В то же время Китай и Россия способствовали развитию многополярности и противостояли гегемонизму США, содействуя безопасности и стабильности и развивая общий потенциал сотрудничества в экономической, военной и культурной областях. ЕС был важен для Китая с точки зрения расширения международного присутствия;

– создание благоприятной внешней среды, выстраивая хорошие отношения с сопредельными странами. В основе «мирного подъема» лежала

²⁵⁵ 把目光投向中国 [Setting Sights on China] // 中华人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. 12.12.2003. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/200312/t20031210_280087.shtml (accessed: 08.05.2023).

²⁵⁶ Ballegeer A. The United States of America's China Policy under the Bush and Obama administration: A Taiwanese case study: Thesis. Louvain-la-Neuve, 2020. 91 p.

²⁵⁷ 曾哲. 中国和平崛起正义论 [Zeng Zhe. A Theory of Justice for China's Peaceful Rise] // 时代法学 [Periodical jurisprudence]. 2007. № 4. P. 12–17.

идея «соседа как партнера» (与邻为善, 以邻为伴), формируя сообщество с общим развитием и процветанием, укрепляя доверие в регионе;

– развитие отношений с развивающимися странами. Прежде всего, это касается стран, которые в условиях глобализации оказались в неблагоприятном положении. Для Китая приоритетом становится оказание помощи таким странам и их поддержка на международном уровне²⁵⁸.

В США китайская концепция мирного подъема не была воспринята как причина для отказа от политики сдерживания КНР и риторики «китайской угрозы».

Во время президентства Дж. Буша (младшего) США перестали воспринимать Китай как стратегического партнера, признав необходимость усиления работы со своими региональными союзниками – Японией, Южной Кореей и Тайванем²⁵⁹. США воспринимали идею многополярности как угрозу существующему статус-кво, где они были единственной сверхдержавой, однако²⁶⁰ Китай не делал резких движений, вставая в оппозицию с США, но не начиная открытый конфликт²⁶¹. С другой точки зрения, именно западно-ориентированная система международных отношений позволила Китаю развиваться и к началу 2000-х гг. начать подобные преобразования. Капиталистическая система и рыночная экономика открыли новые возможности для развития Китая, в то время как в 1990-е гг. прекратил существовать СССР, а бывшие страны соцблока находились в кризисе²⁶². В 2004 г. ОЭСР выпустила доклад «Китайское чудо: какой вклад внесла политика стран ОЭСР?», в котором утверждается, что

²⁵⁸ 高永滋, 朱少芸. 中国的和平崛起与国际战略分析 [Gao Yongzi, Zhu Shao Yun. China's Peaceful Rise and International Strategic Analysis] // 山东省农业管理干部学院学报 [Journal of Shandong Province Agricultural Management Cadre College]. 2006. № 4. P. 104–105.

²⁵⁹ Ballegeer A. The United States of America's China Policy under the Bush and Obama administration: A Taiwanese case study: Thesis. Louvain-la-Neuve, 2020. 91 p.

²⁶⁰ Zhou J. Does China's Rise Threaten the United States? // Asian Perspective. 2008. Vol. 32. № 3. P. 171–180.

²⁶¹ Mohan R.C. Debating China's 'Peaceful Rise': The Rhyme of the Ancient Mariner // Economic and Political Weekly. 2004. Vol. 39. № 33. P. 3699–3702.

²⁶² Zhou J. Does China's Rise Threaten the United States? // Asian Perspective. 2008. Vol. 32. № 3. P. 171–180.

наибольшее влияние на экономический рост Китая оказали западные ПИИ и вступление в ВТО²⁶³. Наличие направлений для развития и экономических выгод в существующей системе сдерживали Китай от более активных действий, к которым он окажется готов только к середине 2010-х гг.

Период «мирного подъема» сопровождался взрывным ростом внешней торговли КНР, стимулируя приток валюты и инвестиций в китайскую экономику. Это также позволило начать модернизацию Вооруженных сил КНР. С 1998 г. каждые 2 года начали выходить Белые книги КНР по национальной обороне. Особое внимание стоит уделить Белой книге 2002 г., где была показана позиция КНР относительно системы безопасности в АТР и выдвинуты 5 основополагающих национальных интересов Китая.

Согласно Белой книге, «в целом в Азиатско-Тихоокеанском регионе сохраняется мир и стабильность, он остается самым динамичным в экономическом отношении регионом с наибольшим потенциалом развития в мире. Укрепление диалога и сотрудничества, поддержание региональной стабильности и содействие общему развитию стали основными направлениями политики азиатских стран. Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) берет курс на более тесное взаимодействие. Сотрудничество в Восточной Азии с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Китая, Японии и Республики Корея (10+3) в качестве основного механизма стало более эффективным. Китай и АСЕАН достигли консенсуса по вопросу создания зоны свободной торговли в течение 10 лет, инициировали полномасштабное сотрудничество в области нетрадиционных вопросов безопасности. Разворачивается сотрудничество по развитию долины р. Меконг.

Региональный форум АСЕАН добился существенных успехов в переходе от укрепления мер доверия к превентивной дипломатии.

²⁶³ Lin J.Y. The China Miracle: How OECD Country Policies Contributed? // OECD. 2004. P. 32.

Шанхайская организация сотрудничества добилась выдающихся успехов в укреплении взаимного доверия и развитии межгосударственных отношений, основанных на партнерстве, а не на заключении военных союзов, а также укрепила антитеррористическое взаимодействие. Идет восстановление Афганистана. Ситуация в районе Южно-Китайского моря в основном стабильна, поскольку заинтересованные страны подписали Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море»²⁶⁴.

Внешняя торговля КНР в 2003–2013 гг. представлена на рис. 2.2.

Базовыми целями для национальной обороны были объявлены:

– укрепление национальной обороны, предотвращение и противодействие агрессии. Сохранение неприкосновенности территории Китая, внутренних вод, воздушного пространства и т.д.;

– борьба с сепаратизмом и завершение воссоединения страны. Китай выступает за мирное решение тайваньского вопроса и остается привержен идее «Одна страна – две системы». При этом КНР выступает против продажи оружия Тайваню и сохраняет за собой право на применение силы;

– пресечение вооруженной подрывной деятельности и обеспечение социальной стабильности. Китай выступает против всех форм терроризма, сепаратизма и экстремизма;

²⁶⁴ 2002 年中国的国防 [China's defence in 2006] // The official website of Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2002. URL: https://www.gov.cn/govweb/zwggk/2005-05/26/content_1384.htm (accessed: 27.07.2023).

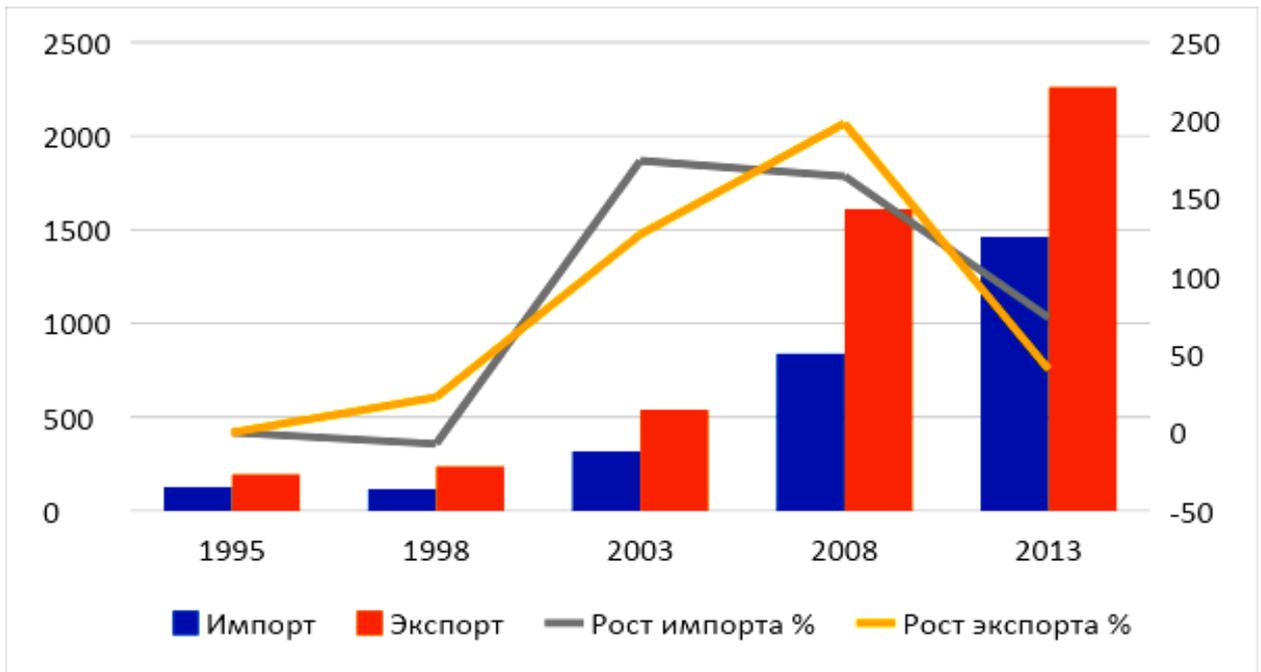

Рис. 2.2. Внешняя торговля КНР в 2003–2013 гг.

Источник: составлено автором на основе данных ОЕС.world.

– ускорение развития национальной обороны и модернизация Вооруженных сил. Китай придерживается подхода, при котором развитие национальной обороны координируется с экономическим ростом. Экономическое развитие обеспечивает базис для эффективной модернизации Вооруженных сил, эффективных в новую эпоху;

– сохранение мира во всем мире и противодействие агрессии и экспансионизму. Китай подчеркивает, что никогда не будет стремиться к гегемонии, не будет вступать в военные блоки и не будет стремиться к разделу сфер влияния. Страна выступает против войны, агрессии, экспансии и гонки вооружения, поддерживая принцип мирного урегулирования конфликтов и участие международного сообщества в разрешении межгосударственных споров. КНР придерживается принципа активной обороны, предусматривающего ведение оборонительных операций только в

случае нападения и угрозы стране²⁶⁵.

В 2004 г. Белая книга по национальной обороне была посвящена теории революции в военном деле (Revolution in military affairs). Более важной для региональной системы безопасности стала Белая книга 2006 г., которая вышла в переходный период, когда концепция «мирного развития» начала оформляться в теорию гармоничного мира. Первый раздел Белой книги 2006 г. «Положение дел в области безопасности» показывает взгляд КНР на международную и региональную безопасность. Здесь делается акцент на глобальных трансформациях, которые ведут к многополярности. В условиях глобализации растут традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности. В сфере глобального управления Китай подчеркивает определяющую роль ООН и отмечает, что гегемонизм – это ключевая угроза международной безопасности. Также серьезным вызовом является увеличивающийся экономический разрыв между Севером и Югом. Относительно АТР отмечается роль ШОС, которая теперь упоминается в тексте первой, и АСЕАН+²⁶⁶.

В 2005 г. Ху Цзиньтао официально выдвигает концепцию гармоничного мира, которая предлагает альтернативный взгляд на межгосударственные отношения. Сохраняя идею «мирного развития», Китай предлагает миру совместное развитие и взаимовыгодное сотрудничество. Концепция гармоничного мира стала первой полноценной стратегической идеологемой в китайской истории, направленной на определение будущего всего мира. Речь председателя Ху Цзиньтао, представленная на саммите, посвященном 60-летнему юбилею ООН, стала первым шагом в продвижении Китаем новой геополитической концепции. По замыслу Ху Цзиньтао, задача

²⁶⁵ 2002 年中国的国防 [China's defence in 2006] // The official website of Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2002. URL: https://www.gov.cn/govweb/zwjk/2005-05/26/content_1384.htm (accessed: 27.07.2023).

²⁶⁶ 2002 年中国的国防 [China's defence in 2006] // The official website of Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2002. URL: https://www.gov.cn/govweb/zwjk/2005-05/26/content_1384.htm (accessed: 27.07.2023).

построения гармоничного мира должна происходить во всех областях человеческой деятельности: в политике, экономике, культуре, безопасности и т.д.²⁶⁷. Это важно с той точки зрения, что Китай впервые вышел на глобальный уровень, представив свой взгляд на универсальные ценности, которые могут лечь в основу системы международных отношений.

Выдвинув теорию гармоничного мира, которая хоть и была по своей сущности мирным, неконфликтным конструктом, КНР бросили вызов господствующим в условиях постбиполярной системы международных отношений западным либерально-демократическим ценностям, которые потеряли своего единственного идеологического соперника после распада социалистического блока. Культурный, или моральный, компонент, если рассматривать его в контексте теории морального реализма, стал основным компонентом для расширения глобальной стратегии КНР. Моральная гегемония, опираясь на глубокие исторические и культурные концепции, противопоставлялась западной гегемонии²⁶⁸. Это на ценностном уровне стало центральным компонентом китайской нормативной силы.

Была предложена альтернатива для тех, кто не являлся бенефициаром существующей системы международных отношений. К таким странам относилось большинство развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые постепенно впадали в неокOLONиальные отношения с США и европейскими странами, которые значительно опережали их по уровню технологического и экономического развития. Китай, позиционируя себя как крупнейшую развивающуюся страну, выглядел привлекательнее, так как не уделял особого внимания политическому строю или социальным проблемам в странах-партнерах. С другой стороны, развитие Китая было

²⁶⁷ Концепция гармоничного развития Китая в начале XXI века // Международные гуманитарные связи. URL: <https://mgs.org.ru/koncepciya-garmonichnogo-razvitiya-kit> (дата обращения: 13.08.2023).

²⁶⁸ China's Harmonious Culture and its Impact on Foreign Affairs // Carnegie Endowment for International Peace. 2011. URL: <https://carnegiemoscow.org/2011/09/29/china-s-harmonious-culture-and-its-impact-on-foreign-affairs-event-3792> (accessed: 12.12.2023).

слишком стремительным и сопровождалось подогреваемой западными СМИ идеей «китайской угрозы». Это сдерживало страны от разворота в сторону Китая, и заставляло китайское руководство искать новые инструменты создания позитивного международного имиджа страны.

Формирование теоретической базы китайской большой стратегии: теория гармоничного мира в контексте начала американо-китайской конкуренции в АТР. Осознавая новое положение КНР в мире, китайские исследователи и политики начали активнее работать над созданием теоретической основы для внешней политики страны. Также очевидным стало скорое начало великодержавной конкуренции за право устанавливать новые нормы в глобальном управлении. О развитии теоретических школ в КНР много писал российский исследователь Е.Н. Грачиков, который систематизировал этапы развития китайских теорий²⁶⁹.

Учитывая тот факт, что большая часть теорий международных отношений была сформирована американскими и европейскими исследователями на основе евроцентричной истории, китайским политическим деятелями было необходимо сформировать свою теоретическую школу. В то время как на западе пересматривали базовые теоретические концепции в постбиполярный период, китайские исследователи сделали первый шаг теоретизации национальных подходов к глобальному управлению и мироустройству.

В 2005 г. вышла книга Чжао Тиняна «Система Тянься: введение к философии мирового института», которая предложила взвешенный взгляд на китайский подход к мировому порядку через традиционные философские концепты²⁷⁰. Теория Чжао Тиняна рассматривает мировой порядок в трех доменах: мир – физический домен, в котором живут люди; мир –

²⁶⁹ Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений: право на методологическое самосознание // Мировая политика. 2017. № 1. С. 47–65.

²⁷⁰ Callahan W.A. Chinese Visions of World Order: Post-hegemonic or a New Hegemony? // International Studies Review. 2008. Vol. 10. Iss. 4– P. 749–761.

психологический домен, который сформирован социальными конструктами; мир – международная система институтов, которые определяют мировой порядок в политической сфере. Идея предлагает инклюзивный подход для формирования благоприятных условий для всех людей (глобального дома/семьи). В то же время сохраняется приверженность верховенства национальных интересов, а система характеризуется гармонией и сотрудничеством без гегемонии²⁷¹.

Таким образом, система Тянься представляет собой мировой институт, способный:

1) обеспечить высокий приоритет общих интересов всего общества над индивидуальными, в результате чего выгоды от вступления в систему всегда будут выше, чем от выхода из нее;

2) создать гармоничную систему, в которой индивидуальные интересы настолько взаимосвязаны и взаимодополняемы, что выигрыш каждого всегда приводит к выигрышу других, а проигрыш каждого приводит к проигрышу других;

3) сформировать общие ценности, учитывая все культуры в комплексе и не допуская доминирования ни одной из них, для того чтобы враги стали друзьями и наступил мир во всем мире²⁷².

Идеи теории хорошо коррелировали с продвигаемой на официальном уровне теорией гармоничного мира. Концептуально Китай предложил миру сформировать универсальные ценности, основой которых не станет культура и нормы гегемона, как это видится в контексте теории либерально-демократического мира. Для развивающихся стран, особенно для стран, которые ранее являлись колониями, идея Китая о том, что универсальные ценности могут быть сформированы на основе уважения к культурным

²⁷¹ Zhao T. Tianxia tixi: shijie zhidu zhexue daolun [Tianxia System: Philosophy Introduction to World Institute]. Nanjin: Jiansu jiaoyu chubanshe, 2005. 271 p.

²⁷² Zhang F. The Tianxia System: World Order in a Chinese Utopia // Global Asia. 2009, December. Vol. 4. № 4. P. 108–112. URL: <https://www.globalasia.org/v4no4/book/the-tianxia> (accessed: 05.06.2023).

особенностям всех стран, была более привлекательной. Но китайский подход еще не был детально изучен, что также могло вызывать опасения у развивающихся стран, которые не хотели впасть из одной зависимости в другую. Китай использовал специфические морально-этические основы для продвижения своего взгляда на глобальное управление, одновременно продвигая и китайские нормы и ценности²⁷³.

В отличие от популярных идеалистических теорий (космополитизм, идея справедливого общественного устройства и мировое сообщество), которые предлагали способы установления мира во всем мире за счет принятия всеми акторами единых норм и ценностей, что изначально было утопичным и идеалистичным, теория гармоничного мира опиралась на реалистичные представления о международных отношениях и предлагала «гармонизацию» национальных интересов.

Китайские ученые видели в гармоничном мире непрерывный исторический процесс, который построен на решении существующих противоречий и проблем, подразумевающий постоянное выявление столкновений интересов, создание многосторонних институтов для определения общих ориентиров и направлений деятельности и поиска механизмов их практического воплощения. Китайский подход подразумевает построение новой системы безопасности на базе взаимовыгодного сотрудничества, взаимного доверия и координации действий. Делается акцент на многосторонних форматах взаимодействия, которые позволяют выработать общие решения для модернизации региональной и глобальной систем безопасности. В отличие от жесткого нормативного западного подхода, китайская теория гармоничного мира предлагает согласовать нормы и ценности в этических, культурных, научных и правовых вопросах. Таким

²⁷³ Nyiri P. The yellow man's burden: Chinese migrants on a civilizing mission // The China Journal. 2006. № 56. P. 83–106.

образом, создаются условия для развития межкультурного взаимодействия без навязывая универсальных общечеловеческих ценностей²⁷⁴.

Гармоничный мир признает возможное существование конфликтов на почве политических и экономических разногласий, однако призывает к отказу от силовых методов решения этих конфликтов, ставя главной общей целью построение общего будущего для человечества²⁷⁵.

Также именно эту теорию называют отказом Китая от западной теории международных отношений на доктринальном уровне. По мнению китайских исследователей, западные теории международных отношений построены на двух основополагающих понятиях – «анархия» и «международный порядок». Анархия в международных отношениях была отправной точкой для зарождения теорий, в то время как международный порядок был общим источником ценностей, к которому стремились западные теории. Гармоничный мир признает анархию в международных отношениях, но воспринимает ее не как борьбу в контексте теории реализма или отсутствие правил, как в теории либерализма. Для китайской теории это основа для построения гармоничного миропорядка, построенного на позитивной ценностной ориентации внутри международного сообщества. В то же время для достижения такого миропорядка, в отличие от западных теорий, нет необходимости начала конфликта для смены существующих парадигм, трансформация должна быть естественной частью международной системы гармоничного мира²⁷⁶.

Некоторыми исследователями такой подход был воспринят как

²⁷⁴ 郑丹丹. «和谐世界» 同西方国际关系理论的比较研究 [Zheng Dandan. A Comparative Study of «Harmonious World» and Western Theories of International Relations] // 亚太教育 [Asia Pacific Education]. 2016. № 27. P. 274–275.

²⁷⁵ 刘美武. 和谐世界: 国际关系的核心价值 [Liu Meiwu. A Harmonious World: The Core Value of International Relations] // 福建论坛(社科教育版) [Fujian Forum (Social Sciences Education Edition)]. 2011. № 6. P. 16–17.

²⁷⁶ 朱伟超越西方国际关系理论的狭隘视阈 – «和谐世界» 思想的理论内涵探析 [Zhu Wei. Beyond the Narrow Threshold of Western International Relations Theory -- An Analysis of the Theoretical Connotation of the Idea of «Harmonious» World] // 河南广播电视大学学报 [Journal of Henan Radio and Television University]. 2009. № 22. P. 12–14.

открытая конкуренция с западными теоретическими подходами, а также универсальными ценностями. Они воспринимают Китай и США как пример двух блоков, созданных из радикально несопоставимых культурных составляющих. Поэтому перспектива их сосуществования маловероятна. Реальным представляется стремление к таким международным условиям, при которых представители обоих блоков согласятся существовать бок о бок ради взаимного самосохранения. Для достижения такого равновесия необходимо, чтобы КНР укрепляла свою жесткую и мягкую силу, в том числе возрождала «мускулистое» конфуцианство в противовес господствующему американскому гегемону²⁷⁷.

С точки зрения американо-китайской конкуренции, именно переориентация КНР на глобальный уровень стала причиной обострения системных противоречий. Руководствуясь рациональным подходом, Дэн Сяопина, Китай смог встроиться в глобальную политическую и экономическую систему, получая преимущества от нахождения в ней. Повысив свои материальные ресурсы и влияние, Китай смог к началу 2000-х гг. выдвинуть новые идеологические конструкты, которые базировались, прежде всего, на традиционных философских идеях, а не на социалистической идеологии, которая доминирует во внутренней политике. Так как АТР является регионом, где расположен Китай, первые шаги по «гармонизации международных отношений» были приняты именно в рамках регионального сотрудничества. Азия и Азиатско-Тихоокеанский регион представляют собой площадку, с которой Китай начинает свой путь в международное сообщество, а также территорию, на которой сосредоточены его политические и экономические интересы и интересы в области безопасности.

Гармоничный мир включает в себя четыре компонента: гармоничный

²⁷⁷ Chang P.T.C. Confucian pluralism and China's dream of a harmonious world // China Information. 2014. Vol. 28. № 3. P. 382–404.

мир, гармоничный Азиатско-Тихоокеанский регион, гармоничный региональный блок (Северо-Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, Центральная Азия, Южная Азия), а также гармоничные двусторонние отношения. При этом приоритетом стали региональные блоки, так как они представляли собой относительно небольшие региональные подсистемы. Основой для отношений с Юго-Восточной Азией выступали форматы АСЕАН. Южная Азия также является важным для Китая субрегионом, отношения с которым выстраиваются на фоне трехсторонних отношений – Китая, Индии и Пакистана. Центральная Азия также была важным регионом с точки зрения обеспечения безопасности приграничных регионов. В Центральной Азии существовал механизм ШОС и двусторонние договоренности между Китаем и странами региона для урегулирования вооруженных конфликтов, обеспечения энергетической безопасности и укрепления торгово-экономических связей²⁷⁸.

Китай предложил региональным партнерам новую модель сотрудничества – партнерство, основанное на взаимной выгоде, независимо от идеологии.

Другим компонентом стал подход к многосторонней безопасности, основанный на укреплении доверия. После 16-го съезда Коммунистической партии Китая в 2002 г. Китай стал активно представлять свою позицию на таких площадках, как АТЭС, АСЕАН+3, АСЕАН+1, АРФ, СВА, и возглавил региональные процессы в рамках ШОС и шестисторонних переговоров²⁷⁹.

Основными вызовами в этой области для Китая стали внешние условия и противодействие других влиятельных акторов, прежде всего, США и Японии.

Наиболее серьезное противодействие КНР в процессе реализации

²⁷⁸ Hwang J., Chen D. China's Harmonious Asia Strategy // International Area Review. 2010. Vol. 13. № 2. P. 105–124.

²⁷⁹ Там же.

проекта гармоничной Азии могли оказать США, которые также развивали свою азиатскую стратегию. В 2005 г. Президент США Дж. Буш (мл.) провел ряд визитов в страны Азии, в том числе в Японию, Южную Корею, Китай и Монголию. Во время визитов основной акцент был сделан на построении в Азии демократии и продолжении союзнических отношений с Японией и Южной Кореей. Выступая в Китае, Дж. Буш (мл.) заявил, что отношения между странами сложные, но Китай является важным торговым партнером²⁸⁰. Этот визит был символическим началом «возвращения» США в Азию после сложностей, связанных с событиями 11 сентября 2001 г. и последующей войны с терроризмом. В Азии США остались приверженцами своей изначальной стратегии сдерживания КНР через региональных партнеров, придерживаясь теоретической рамки, предложенной Кристофером Лайном в 1997 г. – «балансирование на шельфе»²⁸¹. Таким образом, США снижали собственные издержки на стратегию сдерживания, передавая часть ответственности другим странам. В Азии они поддерживали Японию, Южную Корею, Австралию, сохраняя сеть союзов, о которой было написано в гл. 1.

В то же время развивались отношения с Индией, которая рассматривалась как потенциальный противовес КНР и странами ЮВА, которые были настроены на реализацию нейтральной политики и не так активно развивали отношения с Китаем.

В 2007 г. под редакцией Р. Армитаж и Дж. Ная вышел доклад, где анализировался потенциал американской «умной силы». Он состоял из 5 разделов:

- 1) «Альянсы, партнерства и институты»;
- 2) «Глобальное развитие»;
- 3) «Публичная дипломатия»;

²⁸⁰ President's trip to Asia // The White House. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/asia/2005> (accessed: 27.07.2023).

²⁸¹ Layne C. From Preponderance to Offshore Balancing: America's Future Grand Strategy // International Security. 1997. № 22. P. 86–124.

- 4) «Экономическая интеграция»;
- 5) «Технологии и инновации».

Основой новой американской политики в Азии должно было стать продвижение привлекательности форматов сотрудничества с США, а не с Китаем, на основе несиловых методов воздействия – мягкой силы и публичной дипломатии²⁸². Фактически этот подход заложил основу для следующего Президента США Барака Обамы, который в 2012 г. начнет политику ребалансировки и возвращения США в АТР в более широком масштабе.

Региональным конкурентным проектом для КНР стала «дуга свободы и процветания», предложенная Синдзо Абэ. Основным партнером для Японии стала Индия. Именно там, выступая перед Парламентом Индии, японский премьер-министр огласил свою политическую программу.

Синдзо Абэ заявил, что «если Япония и Индия объединятся таким образом, эта “широкая Азия” превратится в огромную сеть, охватывающую весь Тихий океан, включающую Соединенные Штаты Америки и Австралию. Открытая и прозрачная, эта сеть позволит людям, товарам, капиталу и знаниям свободно перемещаться... Кроме того, как морские государства, и Индия, и Япония имеют жизненно важные интересы в обеспечении безопасности морских путей. Само собой разумеется, что морские пути... являются судоходными маршрутами, наиболее важными для мировой экономики»²⁸³. Таким образом, Япония предложила альтернативный путь региональной интеграции на основе либерально-демократических ценностей, тем самым формируя «закрытый» клуб государств, обладающий общими

²⁸² Cohen C., Nye Jr. J.S., Armitage R.L. A Smarter, More Secure America, Report of the CSIS Commission on Smart Power // CSIS. 6.11.2007. URL: <https://www.csis.org/analysis/smarter-more-secure-america> (accessed: 25.09.2023).

²⁸³ Confluence of the Two Seas» Speech by H.E.Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India // MOFA of Japan. 22.08.2007. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pm0708/speech-2.html> (accessed: 27.07.2023).

идеалами²⁸⁴.

Однако политический авторитет Синдзо Абэ внутри страны падал и в итоге привел к тому, что в 2007 г. премьер-министром стал Ясуо Фукуда, смягчивший градус политики в отношении Китая²⁸⁵. После этого в Японии начался затяжной политический кризис, продолжавшийся до 2012 г., когда на пост премьер-министра страны вновь был избран Синдзо Абэ. Из-за этого японская программа на тот момент провалилась и не смогла составить реальную конкуренцию китайской «гармоничной Азии».

Последним препятствием для Китая стали его собственные коренные интересы, которые лежали в основе территориальных споров со странами региона, а также вопросы о правах человека в СУАР и Тибете и статусе Тайваня²⁸⁶. Невозможность пойти на уступки в этих вопросах создает сложности в отношениях КНР со странами региона, которые понимают, что даже в случае принятия новых правил игры в контексте теории гармоничного мира спорные вопросы не будут решены в их пользу.

В итоге теория гармоничного мира и проект гармоничной Азии стали промежуточными этапами на пути становления современного Китая после избрания Си Цзиньпина на пост Председателя КНР и Генерального секретаря КПК. Именно в этот период внешнеполитические интересы КНР напрямую столкнулись с американскими, и Азиатско-Тихоокеанский регион стал ареной американо-китайской конкуренции.

Сообщество единой судьбы человечества и увеличение роли КНР в глобальном управлении. Под управлением Ху Цзиньтао Китай начал делать первые шаги к формированию нового миропорядка, но в большинстве своем

²⁸⁴ On the «Arc of Freedom and Prosperity» An Address by H.E. Mr. Taro Aso, Minister for Foreign Affairs on the Occasion of the 20th Anniversary of the Founding of the Japan Forum on International Relations, Inc // The official website of the Ministry of Foreign Affairs of Japan. 12.03.2017. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/pillar/address0703.html> (accessed: 27.07.2023).

²⁸⁵ Афонин Б.М. Синдзо Абэ, новый премьер-министр Японии // Россия и АТР. 2007. № 1. С. 117–120.

²⁸⁶ Jacob J.T. China in Southeast Asia: The Search for a Chinese Model of International Relations // China Report. 2012. Vol. 48. № 3. P. 317–326.

признавал существующие нормы и правила системы международных отношений. В то же время Китай последовательно увеличивал свою роль в международных процессах через усиление работы в международных организациях, продвижение собственных моделей межгосударственных отношений и выборочного противодействия навязываемым нормам и правилам.

В 2010 г. Китай стал второй по величине экономикой мира и получил третий по величине голосующий пакет во Всемирном банке и МВФ. При этом на 2005 г. ВВП Китая составлял 2,3 трлн долл., что было вдвое меньше показателей Японии. Однако ВНД КНР оставался на уровне экономически менее развитых стран и составлял 3600 долл. против 46 000 в США. Но, несмотря на это, Китай стал одним из драйверов глобального роста, заключая торговые контракты с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки для обеспечения обрабатывающей промышленности ресурсами. Помимо этого, в торговле КНР с США и ЕС образовался профицит, который был вызван низким курсом юаня²⁸⁷.

В военной и политической сферах влияние КНР также значительно возросло, что стало причиной пересмотра китайских приоритетов в сфере реформирования системы глобального управления²⁸⁸. В таких условиях в 2012 г. Си Цзиньпин после избрания на пост Генерального секретаря КПК выдвинул концепцию сообщества единой судьбы человечества, продолжив, таким образом, идеи своего предшественника. За год до этого, в 2011 г., была опубликована Белая книга КНР «Мирное развитие Китая», в которой появились такие термины, как «общие интересы» и «ценности человечества» (人类共同利益和共同价值)²⁸⁹. Именно такими идеями и будет оперировать

²⁸⁷ Barboza D. China Passes Japan as Second-Largest Economy: Business // The New York Times. 15.09.2010. URL: <https://www.nytimes.com/2010/08/16/business/global/16yuan.html> (accessed: 27.07.2023).

²⁸⁸ Trace China's Rise to Power // CFR. URL: <https://www.cfr.org/china-global-governance> (accessed: 27.07.2023).

²⁸⁹ «中国的和平发展» 白皮书 (全文) [White Paper on «China's Peaceful Development» (Full Text)] // 中华人民共和国

новая концепция реформирования мирового порядка.

После избрания на пост Председателя КНР во время визита в Москву в марте 2013 г. Си Цзиньпин выступил в МГИМО с речью «Идти в ногу со временем, содействовать миру и развитию на планете», которая вышла за рамки двусторонних отношений России и Китая и предложила китайское видение миропорядка²⁹⁰. Также в Танзании в 2013 г. и на Боаском азиатском форуме в 2015 г. Си Цзиньпин выступил с программными речами относительно сотрудничества КНР с Африкой и Азией через призму нового типа межгосударственных отношений²⁹¹. И, наконец, в сентябре 2015 г., выступая на 70-й сессии ГА ООН, Си Цзиньпин официально представил новую концепцию на глобальном уровне. Он заявил, что перед лицом глобальных вызовов ни одна страна не может стоять в стороне и добиваться успеха в одиночку, всем странам мира необходимо взаимодействовать и координировать свои действия²⁹². Таким образом, Китай предложил разделить преимущества и ответственность всех акторов международной системы, тем самым объявив о построении межгосударственных отношений нового типа. И снова китайская концепция не несла в себе конфликтного компонента, но сам факт ее существования бросал вызов существующему статус-кво, где доминировали развитые страны во главе с США.

和 国 外 交 部 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. 6.09.2011. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/2011nzt_675363/zgdhpfzbps_675409/201109/t20110906_9284881.shtml (accessed: 27.07.2023).

²⁹⁰ Си Цзиньпин в выступлении в МГИМО подчеркнул необходимость построить международные отношения нового типа на основе взаимовыгодного сотрудничества // Генеральное Консульство Китайской Народной Республики в Санкт-Петербурге: официальный сайт. 23.03.2013. URL: http://saintpetersburg.china-consulate.gov.cn/rus/zgxw/201304/t20130401_3828626.htm (дата обращения: 27.07.2023).

²⁹¹ 永远做可靠朋友和真诚伙伴 – 习近平在坦桑尼亚尼雷尔国际会议中心的演讲 (全文) [Always be reliable friends and sincere partners – Xi Jinping's speech at Tanzania's Nyerere International Conference Centre (full text)] // 理论 - 人民网 [Theory – People's Daily Online]. 25.03.2013. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2013/0326/c136457-20914243.html> (accessed: 25.07.2023); 习近平主席在博鳌亚洲论坛 2015 年年会上的主旨演讲 (全文) [President Xi Jinping's keynote speech at Boao Forum for Asia 2015 annual meeting (full text)] // 新华网 [Xinhua News Agency]. 29.03.2015. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-03/29/c_127632707.htm (accessed: 27.07.2023).

²⁹² 人类命运共同体 [Community of Human Destiny] // 理论-人民网 [Theory – People's Daily Online]. 6.09.2017. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/0906/c413700-29519646.html> (accessed: 18.07.2023).

Начиная с этого момента, Китай начал стремиться к реформированию мирового порядка, опираясь на верховенство национальных интересов и инклюзивный характер многосторонних форматов взаимодействия. Можно сказать, что эта стратегия стала истинным воплощением идеи возрождения китайской нации, к которой шли упорными шагами, после того как политика «реформ и открытости» начала приносить плоды²⁹³.

Во время президентского саммита США и Китая в июне 2013 г. в Калифорнии председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что отношения между Китаем и Соединенными Штатами находятся в «новой исторической отправной точке», и призвал к «новому типу отношений между великими державами» в качестве основы для будущих двусторонних отношений²⁹⁴. На встрече также обсуждались и американские идеи, подготовленные администрацией Б. Обамы и Х. Клинтона в начале 2010-х гг. Прежде всего, это был проект «большой двойки» G-2, теоретическую базу которого подготовили влиятельные американские политологи З. Бжезинский и Ф. Бергстен. Они предположили, что две крупнейшие экономики как члены Совета Безопасности ООН, а также как наиболее влиятельная восходящая держава и самая влиятельная держава в существующем статус-кво – США и КНР – должны работать вместе для решения глобальных проблем²⁹⁵. КНР фактически отвергли американское предложение о разделении мира при сохранении существующего миропорядка, где США оставались гегемоном и получали наибольшие привилегии от сохранения существующей системы. С другой стороны, осознавая опасения американской стороны, КНР предложила неконфликтную стратегию, чтобы не допустить обострения отношений по сценарию «холодной войны».

²⁹³ Goldstein A. China's grand strategy under Xi Jinping: Reassurance, reform and resistance // *International Security*. 2020. Vol. 45. № 1. P. 164–201.

²⁹⁴ A New Type of Major Power Relationship? // *Brookings*. 26.09.2014. URL: <https://www.brookings.edu/articles/a-new-type-of-major-power-relationship> (accessed: 17.06.2023).

²⁹⁵ Bush R.C. The United States and China: A G-2 in the Making? // *Brookings*. 11.10.2011. URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-united-states-and-china-a-g-2-in-the-making> (accessed: 23.04.2023).

Анализируя теоретические рамки китайского подхода к отношениям с США, стоит обратить внимание на речь Ван Ян, который в то время занимал пост вице-премьера Государственного совета КНР, а с 2018 г. стал Председателем Народного политического консультативного совета Китая. Выступая на форуме деловых отношений Китая и США в Чикаго в 2013 г. с программной речью, Ван Ян заявил, что у Китая нет ни желания, ни возможностей бросить вызов лидерству США, признавая правила существующей системы, где доминируют США²⁹⁶.

Китай признавал, что американо-китайские торговые отношения очень важны для него, и существующие успехи в сфере экономического развития были достигнуты благодаря интеграции в глобальную систему. Имея опыт такого сотрудничества в условиях разных политических систем, китайский подход предполагает, что не все страны, достигшие такого уровня, обречены на попадание в «ловушку Фукидида». Ван Ян заявил, что, во-первых, КНР будет придерживаться правил мировой торговой системы и расширять сотрудничество на всех уровнях; во-вторых, Китай будет решительно содействовать структурной перестройке экономики и способствовать более сбалансированному, скоординированному и устойчивому экономическому развитию; в-третьих, Китай ускорит совершенствование правовой системы социалистической рыночной экономики и создаст международную бизнес-среду, управляемую на основе верховенства закона²⁹⁷.

В то же время Китай активно работал над созданием институтов для продвижения собственных национальных интересов и формирования основы

²⁹⁶ 中美经济伙伴之路越走越宽广 – 汪洋副总理在中美商业关系论坛上的主旨演讲 [The Road of Economic Partnership between China and the United States Grows Wider and Wider -- Keynote Speech by Vice-Premier Wang Yang at the China-United States Business Relations Forum] // Ministry of Commerce of the People's Republic of China. 22.12.2014. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/ae/ai/201412/20141200840915.shtml> (accessed: 11.08.2023).

²⁹⁷ 中美经济伙伴之路越走越宽广 – 汪洋副总理在中美商业关系论坛上的主旨演讲 [The Road of Economic Partnership between China and the United States Grows Wider and Wider -- Keynote Speech by Vice-Premier Wang Yang at the China-United States Business Relations Forum] // Ministry of Commerce of the People's Republic of China. 22.12.2014. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/ae/ai/201412/20141200840915.shtml> (accessed: 11.08. 2023).

для реформирования миропорядка. Такими новыми институтами стали Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Новый банк развития БРИКС и институты, формируемые в рамках «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI в.»²⁹⁸. С другой стороны, Китай усиливал свое участие в региональных многосторонних форматах, таких как форум Китай–Африка, форматы АСЕАН для работы со странами ЮВА, ШОС, для обеспечения безопасности в сопредельных регионах. По мнению китайских исследователей, помимо создания самих институтов, обеспечивающих достижение внешнеполитических интересов КНР, этот процесс стал частью институциональной дискурсивной силы, продвигая китайские взгляды на миропорядок и повышая имидж страны за рубежом²⁹⁹.

Помимо этого, КНР расширяла свое участие в существующих международных организациях, уделяя особое внимание ООН. Так, увеличивалось финансирование миротворческих операций и участие военнослужащих в операциях, проводимых ООН. В 1990 г. в Китае было всего 5 военнослужащих, участвовавших в миротворческих операциях. К середине 2015 г. их число выросло до 3084 человек, а сейчас превышает 2500 человек, что является самым большим показателем среди всех постоянных членов СБ ООН³⁰⁰. Помимо этого, КНР создала Фонд мира и развития Китая и ООН с объемом финансирования 1 млрд долл. для проведения миротворческих операций³⁰¹. Также Китай заявил о предоставлении Африканскому союзу безвозмездной военной помощи в

²⁹⁸ Zeng J., Breslin S. China's 'new type of Great Power relations': a G2 with Chinese characteristics? // *International Affairs*. 20.11.2015. Vol. 92. Iss. 4. P. 773–794. URL: <https://www.psa.ac.uk/sites/default/files/conference/papers/2015/2015-11-20%20zeng%20and%20breslin%20great%20power%20final%20revised%20for%20submission%20to%20ia.pdf> (accessed: 04.06.2023).

²⁹⁹ 孙吉胜 中国国际话语权的塑造与提升路径 [Sun Jisheng. The Path of Shaping and Enhancing China's International Discourse Power] // *世界经济与政治* [World Economy and Politics]. 2019. № 8. P. 3–19.

³⁰⁰ UN Peacekeeping Mission Contributions // CSIS. URL: <https://chinapower.csis.org/data/un-peacekeeping-mission-contributions> (accessed: 27.07.2023).

³⁰¹ Is China Contributing to the United Nations' Mission? // CSIS. URL: <https://chinapower.csis.org/china-un-mission/#easy-footnote-bottom-5-479> (accessed: 27.07.2023).

течение 5 лет (2015–2020 гг.)³⁰². В период с 2008 по 2020 г. финансовый вклад КНР в операционный бюджет увеличился с 693 млн долл. США (9,4%) до 988 млн долл. США (15,21%) и превысил совокупный вклад Японии (8,56%) и Германии (6,09%)³⁰³.

С 2000 г. финансовые обязательства Китая перед ООН также увеличились. В 2000 г. Китай внес в регулярный бюджет ООН в общей сложности 12 млн долл., что составляет лишь 1% от общей суммы взносов. К 2019 г. эта цифра выросла до 367,9 млн долл. (12% от общей суммы), что сделало Китай вторым по величине вкладчиком после США (сумма и процент)³⁰⁴.

Особую активность Китай проявил в работе комитетов, связанных с установлением норм и правил в технологической сфере. Конкуренция с США в определенной степени сдерживала развитие Китая, поэтому КНР продвигает новые инклюзивные международные стандарты, которые снижают влияние развитых стран. Особенно это проявляется в работе таких организаций, как Международная организация по стандартизации (ИСО), Международная электротехническая комиссия (МЭК), Международный союз электросвязи (МСЭ) и Проект партнерства третьего поколения (3GPP). В 2010-х гг. представители КНР возглавляли 4 из 15 специализированных агентств ООН, включая ЮНИДО, МСЭ, ФАО и ИКАО, которые отвечают за установление стандартов в области телекоммуникаций, авиации и сельского хозяйства³⁰⁵. Наибольший объем отчислений КНР в систему ООН идет в ВОЗ, ЮНЕСКО и ФАО, МФСР, МОТ, ЮНИДО и МСЭ, однако это начисленные взносы. Крупнейшие добровольные взносы КНР были

³⁰² Лексютина Я.В. Вклад современного Китая в миротворческую деятельность ООН // Общество и государство в Китае. 2018. № 1. С. 305–3011.

³⁰³ Is China Contributing to the United Nations' Mission? // China Power. CSIS. URL: <https://chinapower.csis.org/china-un-mission/#easy-footnote-bottom-5-479> (accessed: 27.07.2023).

³⁰⁴ Is China Contributing to the United Nations' Mission? // China Power. CSIS. URL: <https://chinapower.csis.org/china-un-mission/#easy-footnote-bottom-5-479> (accessed: 27.07.2023).

³⁰⁵ Paszak P. China's Growing Influence in International Organizations // Warsaw institute. 14.10.2020. URL: <https://warsawinstitute.org/chinas-growing-influence-international-organizations> (accessed: 27.07.2023).

направлены в Международный фонд сельскохозяйственного развития, Мировую продовольственную программу и программу развития ООН³⁰⁶.

Комплексно с 2010 по 2019 г. Китай увеличил добровольные отчисления в структуры ООН, занимающиеся вопросами развития, на 250%.³⁰⁷ Это стало демонстрацией китайских намерений усилить работу в области обеспечения продовольствия и развития сельского хозяйства и параллельно повысить привлекательность Китая для развивающихся стран, получающих помощь в рамках финансируемых программ.

Важно отметить, что уже в этот период Китай и Россия стали более активно координировать свою позицию в ООН. Так, показательным стал «сирийский кейс», где Россия и Китай заняли консолидированную позицию в СБ ООН³⁰⁸. Также Китай координировал свои действия с развивающимися странами, связанными с ним партнерскими отношениями. Таким образом, ситуация стала напоминать период «холодной войны», когда СССР и США боролись за голоса развивающихся стран для усиления своей позиции.

Аналогичным образом Китай усилил свою работу по взносам в международные финансовые учреждения, в том числе в международные банки развития и региональные банки развития, что позволило ему выйти на второе место после США по количеству совокупных голосов. Для руководства КНР была поставлена задача укрепления роли Китая в институтах Всемирного банка в условиях противодействия развитых западных экономик, не желающих допускать Китай в круг государств, контролирующих глобальные финансовые институты³⁰⁹. Эта задача

³⁰⁶ Morris S., Rockafellow R., Rose S. New study shows China's stark influence in 70 global institutions in charts // The Print. 19.11.2021. URL: <https://theprint.in/opinion/new-study-shows-chinas-stark-influence-in-70-global-institutions-in-charts/7682> (accessed: 27.07. 2023).

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ Лузянин С.Г. КНР в ООН: путь к глобальному управлению // МГИМО. 24.01.2014. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/246838> (дата обращения: 09.11.2022).

³⁰⁹ Лексютин Я.В. Функциональные изменения участия Китая в многосторонних банках развития: от заемщика к кредитору // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. № 1. С. 80–98.

реализовывалась не только через увеличение финансирования, но и за счет увеличения контрактов, которые обеспечивали китайские компании, предоставляющие товары и услуги для проектов МБР. К 2019 г. объем обеспечения контрактов МБРР, МАР, АфБР, МАБР, АБР и ЕБРР достиг суммы 7,4 млрд долл. (14%). Такой результат стал возможным за счет высокого уровня участия китайских компаний в инфраструктурном секторе и возможности предложить более низкую цену по контрактам за закупку³¹⁰.

Таким образом, Китай стал использовать комплексный подход для реализации своей внешнеполитической стратегии. Обладая большими объемами экономических ресурсов, началась работа над усилением институционального влияния Китая через более глубокую интеграцию в международные политические и финансовые институты. На глобальном уровне Китай вошел в число крупнейших доноров для институтов ООН и структур Всемирного банка. В то же время параллельно шел процесс создания дублирующих организаций, где Китай играл более весомую роль и мог успешно продвигать новые нормы и ценности. Среди таких организаций следует выделить, прежде всего, Новый банк развития БРИКС и АБИИ. С практической точки зрения, развивая собственные инфраструктурные проекты в рамках инициативы «Один пояс, Один путь», китайские компании также участвовали в проектах структур Всемирного банка, получая контракты на оказание услуг и поставку товаров за счет программ международной помощи и кредитов. Модель оказания помощи, которую используют китайские институты, позволила сделать образ Китая более привлекательным за счет отсутствия каких-либо условий, высокой скорости и компетентного исполнения, что разительно отличается от большинства

³¹⁰ Morris S., Rockafellow R., Rose S. New study shows China's stark influence in 70 global institutions in charts // The Print. 19.11.2021. URL: <https://theprint.in/opinion/new-study-shows-chinas-stark-influence-in-70-global-institutions-in-charts/7682> (accessed: 27.07. 2023).

проектов ВБ и МВФ³¹¹.

Можно сказать, что таким образом Китай усиливал свою структурную силу в рамках теории С. Стрэндж, формируя и определяя структуры глобальной политической экономики, создавая условия для взаимодействия государств, политических, экономических, правовых и научных институтов. Это означает переход от роли государства, принимающего правила игры, к государству, определяющему эти правила³¹².

Через такую призму идея сообщества единой судьбы человечества видится более глубоким проектом. Если в теории «гармоничного мира» главенствует идея гармонизации и согласования национальных интересов для формирования универсальных норм и ценностей при уважении суверенитета, то в новой концепции Китай сам устанавливает нормы, занимая определяющие посты в международных организациях, определяя рамки ответственности. Таким образом, на этот раз был брошен вызов системе международных институтов, которая длительное время обеспечивала лидерство США и западных развитых экономик в международной системе и позволяла им устанавливать свои международные режимы и правила, получая наибольшие выгоды от существующего статус-кво. Такое положение дел требовало активных действий со стороны США для сохранения статуса гегемона, что привело к началу «торговой войны» и активной фазе американо-китайской конкуренции.

Трансформация приоритетов внешней политики в контексте американо-китайской конкуренции представлена в табл. 2.1.

Таблица 2.1

³¹¹ Olson S., Prestowitz C. The Evolving Role of China in International Institutions // The Economic Strategy Institute. 2011, January. URL: <https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/TheEvolvingRoleofChinainInternationalInstitutions.pdf> (accessed: 27.07.2023).

³¹² Strange S. States and Markets. Continnum, 1994. 266 p.

Трансформация приоритетов внешней политики в контексте американо-китайской конкуренции

Период	Основополагающая концепция	Приоритеты внешней политики	Региональный контекст в АТР	Отношения с США
2002–2012 гг.	«Мирное возвышение»	Формирование позитивного образа Китая	Рост опасений относительно развития КНР – «китайская угроза»	1) Ориентация на сотрудничество (КНР); 2) умеренное сдерживание (США)
	«Гармоничный мир»	Продвижение нового взгляда на мироустройство	Концепция гармоничной Азии и конкуренция региональных проектов в АТР	1) Противодействие гегемонизму – переход к многосторонности (КНР); 2) сохранение либерального мирового порядка (США)
2012–2017 гг.	«Китайская мечта (великое возрождение китайской нации)»	Усиление роли КНР в глобальном управлении, создание новых многосторонних институтов	Развитие интеграционных проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь», противодействие американской стратегии сдерживания	1) Отказ от G2 – отношения великих держав нового типа (КНР); 2) «ребалансировка» в АТР / Тихоокеанский век Америки (США)

Источник: составлено автором.

Вопросы американо-китайской конкуренции и ее влияние на систему безопасности в АТР будут отдельно рассмотрены в гл. 3.

В начале XXI в. роль КНР в глобальной и региональной системах международных отношений начала меняться. Накопив значительный ресурс для экономического роста, руководство Китая стало уделять больше внимания внешнеполитическим программам.

Когда в 2002–2003 гг. в Китае сменилось поколение руководителей и Председателем КНР стал Ху Цзиньтао, в первой пятилетке нахождения его у власти основной акцент был сделан на концепции «мирного подъема» Китая. Китай все еще не обладал ресурсами для того, чтобы бросить вызов существующему миропорядку, а его экономическое развитие во многом было

обеспечено именно встраиванием в глобальную экономическую систему. С другой стороны, высокие темпы развития вызывали обеспокоенность, прежде всего, у стран АТР, которые находились в непосредственной близости от Китая, поэтому необходимо было усиливать работу над публичным образом страны, укрепляя доверие и создавая благоприятные внешние условия для дальнейшего развития.

В 2005–2006 гг. внутри Китая усилилась работа над теоретическим оформлением внешнеполитической стратегии, а в публичном поле была выдвинута теория гармоничного мира, которая стала первой попыткой бросить вызов западным теоретическим подходам в сфере международных отношений. Опираясь на принципы инклюзивности и взаимовыгодного сотрудничества, Китай выбрал в качестве своего приоритета развивающиеся страны, которые не были удовлетворены существующей системой международных отношений и были заинтересованы в формировании многополярных институтов глобального управления.

К 2012–2013 гг., когда Председателем КНР стал Си Цзиньпин, Китай уже значительно укрепил свой экономический и военный потенциал, став второй экономикой мира и третьим по величине голосующим членом Всемирного Банка и МВФ. Новый Председатель КНР предложил концепцию «сообщества единой судьбы человечества», которая стала продолжением теории гармоничного мира и представляла собой более глубокий и проработанный проект трансформации системы глобального управления.

Данный период начался с того, что Китай отверг предложение США о формировании большой двойки – G2, предложив выстраивать отношения на основе «нового типа отношений между великими державами». Это означало отказ Китая разделить с США сферы влияния в существующей системе международных отношений при признании США единственным гегемоном. В то же время Китай не вступал в открытый конфликт с США, что было продемонстрировано в выступлениях официальных лиц Китая, которые

заявляли, что Китай не бросает вызов американской гегемонии и не желает того, чтобы отношения между двумя странами вступили в конфликтный период «ловушки Фукидида».

На практике Китай стал увеличивать свою структурную силу за счет увеличения роли в международных институтах. Прежде всего, это касалось структур ООН, Всемирного Банка и МВФ. В 2010-х гг. Китай стал крупнейшим донором для специализированных агентств ООН, занимающихся вопросами развития, продовольствия и сельского хозяйства и вторым глобальным донором ООН после США. Также Китай значительно увеличил свое финансирование миротворческих миссий ООН и стал крупнейшим постоянным членом СБ ООН по количеству миротворческого контингента. Доля голосующих акций КНР во Всемирном Банке и Международном валютном фонде также увеличилась, что в совокупности дало Китаю большие полномочия для продвижения собственных норм и ценностей. Помимо этого, Китай активно взаимодействовал с региональными банками развития не только за счет финансовых вливаний, но и за счет реализации инфраструктурных проектов китайскими компаниями.

С точки зрения создания альтернативной системы глобального управления Китай сделал акцент на взаимодействие в рамках БРИКС и создании Нового банка развития БРИКС, сотрудничестве в сфере безопасности в рамках ШОС, стратегической координации позиций в СБ ООН с Россией и создании институтов для реализации собственных проектов в рамках инициативы «Один пояс, Один путь», наиболее влиятельным из которых стал АБИИ.

Такая деятельность КНР значительно увеличила роль Китая в глобальном управлении и ознаменовала начало активной фазы «властного транзита», когда после прихода к власти в США Д. Трамп начал торговую войну с Китаем, чтобы ограничить его экономическое и технологическое развитие.

2.2. Роль и место АТР в контексте глобальной конкуренции США и КНР³¹³

Говоря о роли и месте АТР в контексте глобальной конкуренции в АТР, необходимо разграничить терминологию, так как к середине 2010-х гг. активно начал использоваться термин «Индо-Тихоокеанский регион». Тихоокеанское командование США – USPACOM – определяло в качестве своей зоны ответственности (area of responsibility) следующую территорию:

Тихий океан от Антарктиды в 92°з.д., с севера – до 8° с.ш., с запада – до 112° з.д., с северо-запада – до 50° с.ш. / 142° з.д., с запада – до 170° в.д., с севера – до 53° с.ш., с северо-востока – до 62°30'с.ш. / 175° з.д., с севера – до 64°45'с.ш. / 175° з.д., с юга – вдоль российских территориальных вод в Китайскую Народную Республику, Монголию, Корейскую Народно-Демократическую Республику, Республику Корея и Японию; страны Юго-Восточной Азии и суши Южной Азии к западной границе Индии; Индийский океан к востоку и югу от линии от береговой границы Индии и Пакистана к западу до 68° в.д., к югу – вдоль 68° в.д. до Антарктиды; Австралии; Новой Зеландии; Антарктиды и Гавайских островов³¹⁴. В 2018 г. это ведомство было

³¹³ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации автора в соавторстве, в которых, согласно «Положению о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова», отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Худайкулова А.В., Рамич М.С. «КВАД 2.0»: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 23–43; Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США–КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 210–231.

³¹⁴ United States Indo-Pacific Command // USINDOPACOM. URL: <https://www.pacom>.

переименовано в Индо-Тихоокеанское командование – USINDOPACOM.

После этого Индо-Тихоокеанский регион начинает ассоциироваться со стратегией сдерживания КНР, данную терминологию также начинают использовать в странах, которые поддерживают американскую политику. В глобальном разрезе АТР становится основной ареной для американо-китайской конкуренции.

Министр обороны США Джеймс Меттис, выступая на Гавайях в 2018 г., заявил, что Командование США в Индо-Тихоокеанском регионе стремится укрепить связи в регионе и является краеугольным камнем региона, открытого для инвестиций и свободной, справедливой и взаимной торговли, не связанного хищнической экономикой какой-либо страны или угрозой принуждения, поскольку Индо-Тихоокеанский регион включает много поясов и много дорог.³¹⁵ Тем самым США показали, что Индо-Тихоокеанский регион является геополитическим конструктом, новым суперкомплексом безопасности, но фактически совпадает с традиционными представлениями об АТР с акцентом на Индийский океан. Однако геополитическое конструирование ИТР началось раньше и отдельное место в этом процессе занимают инициативы стран АТР.

Однако теоретическое оформление ИТР началось до этого события и было связано исключительно с региональными процессами и участием в них Индии, Японии и Австралии. Прежде всего, стоит обратиться к Индии, которая, стремясь повторить успех Китая, начинает играть все большую роль в региональных и глобальных процессах.

В 2007 г. индийский исследователь Гурприт С. Хурана впервые ввел термин «Индо-Тихоокеанский регион» в научный дискурс. Ранее Индо-Тихоокеанский регион рассматривался в качестве единой системы только в

mil/About-USINDOPACOM/USPACOM-Area-of-Responsibility (accessed: 03.05.2023).

³¹⁵ Pacific Command Change Highlights Growing Importance of Indian Ocean Area // US Indo-Pacific Command. 31.05.2018. URL: <https://www.pacom.mil/Media/News/News-Article-View/Article/1537107/pacific-command-change-highlights-growing-importance-of-indian-ocean-area> (accessed: 03.07.2023).

рамках биологических наук, так как биологические процессы Тихого и Индийского океанов очень тесно связаны. После 2007 г. термин «ИТР» начал постепенно вытеснять традиционный «АТР» из научных статей и стратегических документов стран.

Оригинальная статья Г. Хураны называлась «Безопасность морских линий: перспективы индийско-японского сотрудничества» («Security of sea lines: prospects for India-Japan cooperation»). Как видно из названия, статья акцентировала внимание на вопросах индийско-японского сотрудничества в регионе. Выделение ИТР Г. Хурана объяснял возрастающей взаимозависимостью стран региона, которая, в основном, наблюдается в экономической сфере взаимодействия. Важность региональных процессов в ИТР определяет роль региона в рамках международной торговли и поставок энергоресурсов. В качестве основных точек напряженности Г. Хурана выделил Аденский залив, Персидский залив, побережье Шри-Ланки, проливы Юго-Восточной Азии и западную часть Тихого океана³¹⁶. В изначальной работе индийского автора были выражены определенные опасения относительно возрастающего влияния Китая в регионе, однако этот фактор не был определяющим, как это будет в последующих его работах.

В XX в. основные политические процессы решались в рамках Атлантического и Тихого океанов. В XXI в. глобальная повестка дня будет определяться процессами, происходящими в Индийском и Тихом океанах. Р. Каплан доступным для простого читателя языком описал региональные процессы и обратил внимание большого числа людей на формирование нового геополитического региона. В 2015 г. книга Каплана была переведена на русский язык и также завоевала популярность у сторонников геополитического мышления.

³¹⁶ Khurana G.S. Security of Sea Lines: Prospects for India-Japan Cooperation // Strategic Analysis. 2007. Vol. 31. № 1. P. 139–153.

В 2012 г. в преддверии выборов Синдзо Абэ опубликовал комментарий на веб-портале проекта «Синдикат», в котором предложил создать в ИТР новый конструкт безопасности, где решающие роли будут играть США, Япония, Австралия и Индия. Это стало продолжением его идеи о «слиянии двух океанов». С. Абэ предложил назвать этот формат «азиатским демократическим бриллиантом безопасности». Очевидно, что данный формат изначально был направлен против недемократических режимов, его основной целью было сдерживание КНР.

Были также основаны профильные исследовательские институты и журналы, работающие над исследованиями в данной области. Показательным примером является журнал «The Journal of Indo-Pacific Affairs», который подготавливается несколькими профильными военными вузами Австралии.

В середине 2010-х гг. число публикаций, в которых исследовался ИТР, начало стремительно расти. В то же время в Китае и России исследователи в большинстве своем сохранили приверженность старому концепту – ИТР. В статьях китайских авторов ИТР указывается исключительно как американский проект. В итоге новые правила игры приняли те страны, которые поддерживали антикитайскую геополитическую направленность концепта Индо-Тихоокеанского региона. Среди стран, которые опубликовали свои Индо-Тихоокеанские стратегии, – США, Австралия, Великобритания, Франция, Индия, Индонезия, Япония, Филиппины, Монголия и Южная Корея³¹⁷.

Таким образом, оформление АТР в качестве нового центра мировой политики и экономики невозможно без принятия во внимание концепта Индо-Тихоокеанского региона, который оказывает значительное влияние на

³¹⁷ Reinventing the Indo-Pacific // The Economist. 4.01.2023. URL: <https://www.economist.com/asia/2023/01/04/reinventing-the-indo-pacific> (accessed: 08.08.2023).

формирование региональной и глобальной системы безопасности.

Место Азиатско-Тихоокеанского региона в современных экономических процессах. Изначально толчком для трансформаций глобального экономического ландшафта стало появление «азиатских тигров», которые стремительно развивались во второй половине XX в., смещая в сторону Азии высокотехнологичное производство. После начала экономического подъема Китая и следующей за ним по пути реформ Индии Азия с начала 1990-х гг. обошла Европу и Америку по темпам экономического роста и стала ключевым элементом глобальных цепочек добавленной стоимости.³¹⁸

В настоящий момент на АТР приходится 65% мирового ВВП и более 50% мировой торговли. Большую часть этих показателей обеспечивают США, Китай, Япония и Индия. После 2014 г. КНР обогнала США по ВВП по ППС с показателем 17,63 трлн долл. против 17,42³¹⁹ трлн долл., а в 2018 г. этот показатель был 21,8 трлн долл., в то время как у США – 18,7 трлн долл. В то же время показатель Индии, ближайшего регионального конкурента, составлял 8,7 трлн долл. К 2022 г. эти показатели составляли уже 30,6 трлн долл. у Китая, 25 трлн долл. у США и 10,8 трлн долл. у Индии; за ними следовали Япония и Россия с показателями 5,8 и 4,6 трлн долл..³²⁰

Из 8 резервных валют 4 представлены странами АТР: доллар США (59%), японская йена (5,47%), китайский юань (2,58%) и австралийский доллар (1,98%).³²¹ Похожая ситуация сложилась и в сфере международной торговли, где также доминирует доллар с показателем 46,71% на декабрь

³¹⁸ Pankaj V. Indo-Pacific Strategies: What Do They Entail for India? // Air University. 24.04.2023. URL: they-entail-for-india (accessed: 08.08.2023).

³¹⁹ Китайская экономика официально стала крупнейшей в мире // РБК. 8.10.2014. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/10/2014/5434f48dcbb20faeeafe2a0a> (дата обращения: 08.08.2023).

³²⁰ Asia power index // The official website of Lowy Institute. URL: <https://power.lowyinstitute.org> (accessed: 08.08.2023).

³²¹ Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER) // IMF Data. URL: <https://data.imf.org/?sk=e6a5f467-c14b-4aa8-9f6d-5a09ec4e62a4> (accessed: 20.08.2023). MF Data. URL: <https://data.imf.org/?sk=e6a5f467-c14b-4aa8-9f6d-5a09ec4e62a4> (accessed: 20.08.2023).

2022 г.; на японскую йену приходится 4,74%, на китайский юань – 1,47%, а на австралийский доллар – 1,37%.³²².

Исходя из этого, в финансовом секторе доминирующая роль остается за США, американский доллар также остается основной валютой для торговли в АТР, несмотря на значительную роль стран Азии в мировых производственных процессах. Также США лидируют и по количеству ТНК, занимая первое место в мире и в регионе в 2022 г. В США были расположены 595 компаний из ТОП-2000, по версии Forbes, в Китае таких компаний было 351, в Японии – 195, в Южной Корее – 65, в Индии – 55.³²³. Таким образом, только 5 крупнейших экономик АТР представляют 63% крупнейших мировых компаний.

Азиатско-Тихоокеанский регион получил стремительное развитие за счет производства высокотехнологичной продукции. С 2006 по 2018 г. на Азию приходилось 52% от глобального роста компаний, работающих в сфере высоких технологий. В 2012 г. в Азии были всего 2 технологические компании стоимостью более 1 млрд долл., а к 2020 г. их число превысило 170 и составило более 30% от общего числа таких компаний в мире.³²⁴ К настоящему времени их число составляет более 250. С точки зрения роста инвестиций в технологическую сферу АТР также стал мировым лидером, доля Азии в технологических инвестициях выросла с 16% в 2006 г. до 40% в 2019 г., составив 43% от мирового роста. Аналогичным уровнем выросла и доля Азии в затратах на НИОКР, она увеличилась с 26 до 34% за тот же период времени.³²⁵.

Согласно отчету McKinsey, технологический рост в Азии обеспечивается за счет высокой доли патентов и инвестиций в 4 основные

³²² SWIFT DATA // SWIFT. URL: <https://www.swift.com> (accessed: 22.06.2023).

³²³ The Global 2000 // Forbes. 8.06.2023. URL: <https://www.forbes.com/lists/global2000> (accessed: 08.08.2023).

³²⁴ How Asia can boost growth through technological leapfrogging // McKinsey and Company. 2.12.2020. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/asia-pacific/how-asia-can-boost-growth-through-technological-leapfrogging> (accessed: 09.08.2023).

³²⁵ Там же.

технологические отрасли:

– во-первых, это касается мобильных услуг, где на Азию приходится более 80% мировых патентов и инвестиций. Основные доходы связаны с массовыми приложениями, которые охватывают все сферы жизни – от социального общения, цифровой торговли до развлечений. В оценке фирмы, жители которой проводят больше всего времени со своими телефонами, Индонезия вышла на первое место со средним показателем 5,7 часа в день. Из 10 стран с наибольшим временем, проведенным в смартфонах ежедневно, 7 находятся в Азии. В 2022 г. жители Сингапура и Южной Кореи проводили в мобильных приложениях в среднем по 5 часов в день, в то время как в Австралии, Индии, Японии и Таиланде тратили чуть меньше времени. Жители Китая заняли 18-е место и проводили в приложениях в среднем по 3,6 часа в день. Если говорить о доходах, то за 2020–2021 гг. в Китае загрузили 111 млн приложений, которые принесли 58 млрд доходов; в Японии заработали около 20 млрд долл., в остальных странах – намного меньше. В целом лидерами этой индустрии являются Китай, Япония и США, а Азия доминирует на общемировом рынке приложений.³²⁶;

– во-вторых, страны АТР лидируют в сфере разработки ИИ. На Азию приходится 48% патентов в области ИИ, на нее же приходится 42% мировых стартовых инвестиций в технологии ИИ. Компании из Китая, Японии и Южной Кореи владеют наибольшим количеством патентов на ИИ в Азии. Учитывая высокие расходы на НИОКР в Китае, Японии, Сингапуре и Южной Корее, а также тот факт, что большинство секторов НИОКР, таких как биотехнологии, материалы и компьютерные науки, управляются этими технологиями, ожидается, что использование ИИ будет расти. Более того, Индия и Китай ежегодно выпускают наибольшее количество выпускников

³²⁶ App Revenue Data (2023) // Business of Apps. URL: <https://www.businessofapps.com/data/app-revenues> (accessed: 08.08.2023).

компьютерных наук в мире и обучают их тому, как стать специалистами по компьютерному обучению;

– в-третьих, на Азию приходится 39% глобальных сильных патентов и 56% мировых стартовых инвестиций в технологии IoT. В настоящее время Китай имеет наибольшую долю рынка – 26%, за ним следуют Северная Америка и Европа – 24 и 23% соответственно;

– в-четвертых, на Азию приходится 45% мировых патентов и 40% мировых стартовых инвестиций в производственные технологии³²⁷.

За счет лидерства в сфере производства высокотехнологичных компонентов и приложений страны АТР стали локомотивами новой индустриальной революции, где основным двигателем развития стала цифровая экономика. Также лидерство в сфере цифровой экономики связана с широким покрытием сетей 5G в странах Азии. Многие из наиболее развитых рынков Азиатско-Тихоокеанского региона были лидерами в плане развертывания 5G. Южная Корея стала первым рынком в мире, развернувшим общенациональную сеть 5G в апреле 2019 г., за ней в том же году последовали Австралия, Филиппины, Китай и Новая Зеландия. Вторая волна развертывания 5G в регионе в таких странах, как Индонезия, Индия и Малайзия, приведет к тому, что к 2025 г. Азиатско-Тихоокеанский регион станет одним из крупнейших рынков 5G в мире³²⁸.

В таких условиях АТР становится важным элементом в процессе глобальной конкуренции США и КНР в информационном пространстве. США и КНР, обладая наиболее развитыми технологическими потенциалами, стремятся к распространению своих моделей управления информационным пространством. США продвигают идею мультистейкхолдеризма, в то время

³²⁷ How Asia can boost growth through technological leapfrogging // McKinsey and Company. 2.12.2020. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/asia-pacific/how-asia-can-boost-growth-through-technological-leapfrogging> (accessed: 09.08.2023).

³²⁸ Second wave of 5G: 30 countries to launch services in 2023 // GSMA Intelligence. 28.02.2023. URL: <https://www.gsma.com/newsroom/press-release/second-wave-of-5g-30-countries-to-launch-services-in-2023> (accessed: 09.08.2023).

как Китай выступает за многосторонний подход³²⁹. Технологии, создаваемые в АТР, выступают важным элементом в контроле над инфраструктурой, необходимой для функционирования информационного пространства, поэтому остаются в фокусе внимания двух стран.

Место Азиатско-Тихоокеанского региона в современных политических процессах в контексте формирования Индо-Тихоокеанского комплекса безопасности. Основным драйвером включения АТР в глобальные политические процессы стала активизация американской политики сдерживания КНР, которая была поддержана союзниками в регионе и странами ЕС. Таким образом, современное место региона в мировой политике неразрывно связано с американо-китайской конкуренцией.

В начале 2010-х гг. новый импульс получила Тихоокеанская стратегия США. Политику Президента Барака Обамы и Госсекретаря Хилари Клинтон назвали «азиатским веком Америки». Ее основной целью было «восстановить» баланс сил в АТР через расширение торговых и экономических связей, подкрепленных региональными соглашениями. Для обеспечения стратегических интересов планировалось переработать военные соглашения и реформировать американскую систему союзов, созданную после Второй мировой войны. «Перебалансировка» в АТР стала определяющим моментом в соперничестве США и КНР. Она началась после того, как страны не смогли договориться в форме G2, а США не захотели принимать правила игры в рамках «отношений нового типа между великими державами», которые предложил Китай. В дипломатической плоскости США начали продвигать Транс-Тихоокеанское партнерство, а в стратегической – перебазировали 60% своего флота в АТР, чтобы оказывать давление на Китай и создавать чувство защищенности для своих союзников.

³²⁹ Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Пискунов Д.А. Подходы США и КНР к глобальному управлению киберпространством: «новая биполярность» в «сетевом обществе» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2021. Т. 16. № 3. С. 7–33.

В стратегическом командовании США задумались о том, что необходимо пересмотреть свое отношение к китайской стратегии обеспечения региональной среды безопасности. Для описания китайской стратегии обороны традиционно используется концепт «цепей островов». В 1940-е гг. цепи островов были выделены как средство защиты морских подходов Советского Союза и Китайской Народной Республики. К концу XX в. таких цепей стало 3. Считается, что в 1950-е гг. Джон Фостер Даллес назвал цепь островов от Курильских остров до Японского архипелага и от Рюкю до Тайваня первой цепью островов. Второй цепью островов стали назвать «линию» между Японией, Марианскими островами и Микронезией. Третьей цепью остров называют пространство до Гавайских островов. Данное определение представляет собой геополитический конструкт, необходимый для примерного разграничения зон ответственности. Считается, что цель первой цепи остров – это полный контроль и недопущение любых действий враждебных государств; второй – борьба за контроль над морским пространством; третьей – разворачивать деятельность океанического флота (Blue navy). Переход к Индо-Тихоокеанскому региону стал причиной обозначения еще двух цепей островов. Четвертой цепью островов стали называть пространство между побережьями Пакистана и Шри-Ланки из-за расположения там морских объектов КНР, которым приписывают возможность использования в качестве военных баз. Ее целью является контроль над Индией и США в Индийском океане. Пятая цепь островов берет свое начало от военно-морской базы КНР в Джибути, ее задачей является обеспечение безопасности транспортировки товаров и ресурсов в регионе.³³⁰

Помимо основных доктринальных документов в 2019 г. появились два

³³⁰ Vorndick W. China's reach has grown; so should the island chains // Asia Maritime Transparency Initiative. 22.10.2018. URL: <https://amti.csis.org/chinas-reach-grown-island-chains> (accessed: 09.08.2023).

стратегических доклада Министерства обороны и Государственного департамента США, посвященных ИТР. В докладе Министерства обороны США подчеркивается приоритетность ИТР и поддержка усилий по возобновлению «четырёхсторонних дипломатических консультаций» (КВАД), которые проводились трижды с ноября 2017 г. Отмечается, что в своей деятельности КВАД исходит из центральности АСЕАН и нацелен на развитие партнерства в треугольнике Япония–Индия–Австралия. Среди сфер деятельности – поддержание «основанного на правилах порядка в ИТР», увеличение связанности (т.е. развитие инфраструктуры) «согласно международному праву и стандартам», а также обеспечение морской безопасности.³³¹

В докладе Государственного департамента США несколько раз упоминается КВАД и подчеркивается, что в сентябре 2019 г. в ходе встречи «на полях» ГА ООН уровень взаимодействия впервые повышен до министерского, это новая важная веха для дипломатического взаимодействия США с регионом.

В данной стратегии также делается оговорка насчет АСЕАН – эта организация выступает основой для региональных дискуссий в области политики и безопасности, в то время как минилатеральные форматы позволяют более оперативно координировать действия партнеров.³³²

В целом определившись с параметрами военного сдерживания КНР, США пока не конкретизировали шаги по экономическому противодействию Китаю, в том числе в Африке.³³³ По состоянию на конец 2019 г. Финансовая

³³¹ Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region // The official website of the US Department of Defense. 1.06.2019. URL: [tps://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF](https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF) (accessed: 09.06.2023).

³³² Hosoya Y. FOIP 2.0: The Evolution of Japan's Free and Open Indo-Pacific Strategy // *Asia-Pacific Review*. 2019. Vol. 26. № 1. P. 18–28.

³³³ Remarks by National Security Advisor Ambassador John R. Bolton on the Trump Administration's New Africa Strategy // The official website of the White House. 13.12.2018. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-national-security-advisor-ambassador-john-r-bolton-trump-administrations-new-africa-strategy> (accessed: 15.08.2023).

корпорация по международному развитию (United States International Development Finance Corporation) с планируемым объемом инвестиций в 60 млрд. долл. США находится на этапе создания.

При определении оборонной политики Японии в 2011 г. отмечалась необходимость выстраивания многоуровневого сотрудничества в сфере безопасности. В качестве приоритетных партнеров указывались США, затем – Республика Корея и Австралия, далее – АСЕАН, а после отмечалось, что Япония будет усиливать сотрудничество с Индией и другими странами, «которые разделяют общие интересы в обеспечении безопасности морской навигации от Африки и Ближнего Востока до Восточной Азии»³³⁴.

В 2013 г. по инициативе премьер-министра С. Абэ был создан Совет национальной безопасности страны и в декабре принята первая Стратегия национальной безопасности, что является свидетельством перехода страны к политике «активного пацифизма»³³⁵. В данном документе также не фигурирует ИТР, но отмечена важность контроля морских коммуникаций от Персидского залива, Ормузского пролива, Красного моря и Аденского залива до берегов Японии, проходящих через Индийский океан, Малаккский пролив и ЮКМ. Список партнеров по обеспечению безопасности тот же: США, Корея, Австралия, АСЕАН и Индия. Но, помимо ряда региональных организаций, появляется формат «мини-сторонности» в виде «треугольников» Япония–США–Корея, Япония–США–Австралия, Япония–США–Индия и Япония–КНР–Корея (как «группа трех крупнейших соседних экономических держав»). Отмечается будущий вклад Японии в создание более институционализированной структуры в сфере безопасности в

³³⁴ Japan National Defense Program Guidelines for FY 2011 and Beyond. Approved by the Security Council and the Cabinet on December 17, 2010 // The official website of Prime Minister's Office of Japan. 17.12.2010. URL: https://www.mod.go.jp/e/d_act/d_policy/pdf/guidelinesFY2011.pdf (accessed: 09.08.2023).

³³⁵ Стрельцов Д.В. Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений // Международная жизнь. 2018. № 9. С. 65–74.

Восточной Азии.³³⁶

В доктринальном документе по национальной оборонной политике 2019 г. неоднократно упоминается «открытый и свободный ИТР», а в разделе про оборонное сотрудничество после США отмечается важность сотрудничества с Австралией как на двусторонней основе, так и в формате Япония–Австралия–США, а также с Индией как на двусторонней основе (включая диалог «2 + 2»), так и в формате Япония–Индия–США. Далее среди приоритетных партнеров упомянуты АСЕАН, Корея и другие страны.³³⁷

МИД Японии в разделе о «многоуровневом сотрудничестве в сфере безопасности» своего сайта, по состоянию на конец 2019 г., особо отмечает политико-военный диалог (2 + 2) с Индией, схожие консультации в треугольниках Япония–США–Корея, Япония–США–Австралия, Япония–США–Индия, а также в рамках консультаций Япония–Австралия–Индия–США для создания «сети мира и процветания в регионе».³³⁸

Анализ японских доктринальных документов в сфере безопасности 2011–2019 гг. показывает формирование тренда на выстраивание в ИТР «треугольников безопасности» с участием Японии и США, однако КВАД как отдельный формат, так и не прописан. Возможно, это связано с нежеланием преуменьшать роль Японии как основного стратегического союзника США в регионе, равно как и провоцировать КНР.³³⁹

Продвижение «Свободного и открытого ИТР» через усиление связанности Азии и Африки становится первым приоритетом и в рамках

³³⁶ National Security Strategy. 17.12.2013. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryoku/131217/anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 09.11.2019).

³³⁷ Japan National Defense Program Guidelines for FY 2011 and Beyond. Approved by the Security Council and the Cabinet on December 17, 2010 // The official website of Prime Minister's Office of Japan. 17.12.2010. URL: https://www.mod.go.jp/e/d_act/d_policy/pdf/guidelinesFY2011.pdf (accessed: 09.08.2023).

³³⁸ Japan Security Policy. Multilayered Security Cooperation // The official website of the Ministry of Foreign Affairs of Japan. 5.04.2023. URL: https://www.mofa.go.jp/jp/nsp/page1we_000085.html (accessed: 08.06.2023).

³³⁹ Панов А.Н., Нелидов В.В. Внешняя политика Японии в контексте военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии // Японские исследования. 2018. № 4. С. 78–91.

японской политики сотрудничества в целях развития, согласно доктринальному документу 2017 г. Особое внимание также уделяется борьбе с международным терроризмом и экстремизмом (в 2009 г. Япония открыла военную базу в Джибути, а также выделила 200 млн долл. США Египту на борьбу с терроризмом).³⁴⁰ В более ранних документах 2013–2016 гг. ИТР не фигурировал, а первым географическим приоритетом для японских программ помощи традиционно выступал регион Австралии и Океании.³⁴¹

Президент Японского агентства по международному сотрудничеству Ш. Китаока особо отмечает, что «свободный и открытый ИТР» – это именно японское видение, а не конкретная стратегия. Он признает, что оно направлено против КНР, но исключает острое противостояние Японии с Китаем. Для противодействия китайской инициативе «Один пояс, один путь» в 2015 г. Япония запустила «Партнерство для качественной инфраструктуры»³⁴² при поддержке Азиатского банка развития объемом в 100 млрд долл. США (в пике проектов АБИИ). Япония существенно проигрывает КНР по экономическим параметрам при создании объектов инфраструктуры, поэтому делает акцент на качестве.³⁴³

В 2012 г. вышла Белая книга «Австралия в Азиатском веке», где стабильность в регионе увязывалась с отношениями между великими державами – КНР, Индией, Японией и США. Особо отмечалось налаживание приоритетного сотрудничества с Китаем.³⁴⁴

В Стратегии национальной безопасности 2013 г. понятие «Индо-

³⁴⁰ Priority Policy for Development Cooperation (Archives) // The official website of the Ministry of Foreign Affairs of Japan. 25.05.2017. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/oda/page_23e_000435.html (accessed: 09.06.2023).

³⁴¹ Там же.

³⁴² Announcement of «Partnership for Quality Infrastructure: Investment for Asia's Future» // The official website of the Ministry of Foreign Affairs of Japan. 21.05.2015. https://www.mofa.go.jp/policy/oda/page18_000076.html (accessed: 09.02.2023).

³⁴³ Kitaoka Sh. Vision for a Free and Open Indo-Pacific // *Asia-Pacific Review*. 2019. Vol. 26. № 1. P. 7–17.

³⁴⁴ Australia in the Asian century: White paper // The official website of the Government of Australia. 29.10.2012. URL: https://www.defence.gov.au/whitepaper/2013/docs/australia_in_the_asian_century_white_paper.pdf (accessed: 09.07.2023).

Тихоокеанский регион» только вводится и поясняется, что это новый термин, который объединяет Индийский океан и западную часть Тихого океана. Отмечается важность партнерства с США, а также с региональными державами – КНР, Индией, Индонезией, Японией и Кореей. Из форматов «мини-сторонности» присутствует лишь трехсторонний стратегический диалог Австралия–Япония–США³⁴⁵.

В Белой книге по обороне 2013 г. Австралии ИТР определяется как «стратегическая система» и важный стратегический приоритет.³⁴⁶ В числе основных партнеров по обеспечению региональной безопасности названы США, КНР, Индия, Индонезия, Япония и Корея. Особо отмечается необходимость развития стратегического партнерства с Индией и сотрудничества с другими державами³⁴⁷.

В Белой книге по обороне 2016 г. подчеркивается, что ИТР – это центральный регион для национальной безопасности и экономического процветания Австралии. Ключевыми международными партнерами названы США, Новая Зеландия, Япония, Индонезия, Индия, Сингапур, Корея и КНР. Отмечается, что Австралия будет работать вместе с США по стратегической ребалансировке для стабилизации ИТР, в том числе в формате Австралия–Япония–США (трехсторонние учения «Южный Жакару», Форум по безопасности и оборонному сотрудничеству).

В разделе «Индо-Тихоокеанские партнерства» Белой книги по внешней политике 2017 г. фиксируется необходимость взаимодействия с «индо-тихоокеанскими демократиями», такими как Япония, Индонезия, Индия и Южная Корея, как в двустороннем, так и в многостороннем формате с

³⁴⁵ Strong and Secure: A Strategy for Australia's National Security 2013 // The official website of the Swiss Federal Institute of Technology Zurich. 2013. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/167267/Australia%20A%20Strategy%20for%20National%20Securit.pdf> (accessed: 09.06.2023).

³⁴⁶ Medcalf R. In Defence of the Indo-Pacific: Australia's New Strategic Map // Australian Journal of International Affairs. 2014. Vol. 68. № 4. P. 470–483.

³⁴⁷ Defence White Paper 2013 // The official website of the Government of Australia. 2013. URL: https://www.defence.gov.au/Whitepaper/2013/docs/WP_2013_web.pdf (accessed: 09.07.2023).

участием данных стран, в том числе в рамках треугольника Австралия–США–Япония и отдельно в рамках треугольника Австралия–Индия–Япония. В документе также подчеркивается необходимость углубления сотрудничества с КНР.³⁴⁸

Индия – страна с несколько иной стратегической культурой, не предполагающей жесткую фиксацию своих политических приоритетов. У страны отсутствуют стратегия национальной безопасности и военная доктрина. В существующих документах (Морской доктрине 2009 г.³⁴⁹, а также Объединенной доктрине ВС Индии 2015 г.³⁵⁰) не содержится упоминания основных внешнеполитических партнеров страны. Чуть более эксплицитной является Стратегия морской безопасности 2015 г., в которой не упоминается ни одна страна (кроме информации о совместных военно-морских учениях, в том числе с РФ), однако отмечено, что курс «Делай на Востоке» («Act East») призван укрепить сотрудничество в сфере экономики и безопасности в ИТР. ИТР также упоминается несколько раз и в других контекстах, хотя главный акцент все-таки делается на регион Индийского океана.³⁵¹ В стратегии также выделены первичные зоны морского интереса – побережье Индии, Бенгальский залив. Персидский залив, Аденский залив, Восточное побережье Африки и основные проливы, и вторичные зоны – юго-восточная и южная часть Индийского океана, западная часть Тихого океана, Средиземное море и Гвинейский залив.³⁵²

³⁴⁸ 2017 Foreign Policy White Paper. Opportunity, Security, Strength // Department of Foreign Affairs and Trade. 29.11.2017. URL: <https://www.timebase.com.au/news/2017/AT04505-article.html> (accessed: 30.10.2022).

³⁴⁹ Indian Maritime Doctrine 2009 // The official website of the Indian Navy. 2009. URL: <https://www.indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian-Maritime-Doctrine-2009-Updated-12Feb16.pdf> (accessed: 01.07.2023).

³⁵⁰ Joint Doctrine. Indian Armed Forces. Headquarters Integrated Defence Staff // Bharat Shakti. 18.04.2017 URL: https://bharatshakti.in/wp-content/uploads/2015/09/Joint_Doctrine_Indian_Armed_Forces.pdf (accessed: 18.09.2023).

³⁵¹ Roy-Chaudhury R., de Estrada K.S. India, the Indo-Pacific and the Quad // Survival. 2018. Vol. 60. № 3. P. 181–194.

³⁵² Ensuring Secure Seas. Indian Maritime Security Strategy FRANZ // Indian Navy. 2015, October. URL: https://www.indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian_Maritime_Security_Strategy_Document_25Jan16.pdf (accessed: 18.05.2023).

Индия традиционно воздерживается от присоединения к военным блокам и придерживается стратегической автономности, что было подтверждено в 2012 г. в докладе влиятельных индийских исследователей «Неприсоединение 2.0». В докладе особо подчеркивается важность сохранять баланс в треугольнике Индия–США–КНР³⁵³. В сентябре 2019 г. «на полях» ГА ООН страна приняла участие как в консультациях КВАД, так и в консультациях по линии БРИКС³⁵⁴. В регионе ЮВА приоритетным партнером Индии является АСЕАН, она поддерживает асеаноцентричные форматы безопасности³⁵⁵.

С начала 1990-х гг. индийское правительство проводило курс «Смотри на Восток» («Look East»), направленный на активизацию сотрудничества со странами ЮВА, а также Восточной Азии. Третьей фазой данной политики, запущенной правительством Н. Моди, стала инициатива «Делай на Востоке»³⁵⁶. Курс «Смотри на Восток», принятый в том числе по итогам консультаций с лидером Сингапура Ли Куан Ю, был направлен на контрбалансирование КНР в регионе.

К концу 1990-х гг. приоритеты внешнего развития Индии были расширены; были выделены три стратегических «кольца»: «непосредственное соседство» (Южная Азия), «расширенное (extended) соседство» (большая часть ИТР) и остальной мир³⁵⁷.

Подход к ИТР у Индии отличается от целостного американского

³⁵³ Khilnani S., Kumar R., Mehta P.B. et al. NonAlignment 2.0. A Foreign and Strategic Policy for India in the 21 century // Center for Policy Research. 29.02.2012. URL: <https://cprindia.org/briefsreports/nonalignment-2-0-a-foreign-and-strategic-policy-for-india-in-the-twenty-first-century> (accessed: 20.09.2023).

³⁵⁴ Chaudhury D. India's Fine Balancing Act with Quad and BRICS Meet in New York // The Economic Times. 28.09.2019. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/indias-fine-balancing-act-with-quad-and-brics-meet-in-new-york/articleshow/71338616.cms> (accessed: 18.10.2019).

³⁵⁵ Канаев Е.А., Шумкова В.А. Евразийские приоритеты асеаноцентричных диалоговых форматов по вопросам безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 458–468.

³⁵⁶ Лебедева Н.Б. Индийский океан: вызовы XXI в. и Индия (очерки международных отношений). М.: ИВ РАН, 2018. 576 с.

³⁵⁷ Chacko P. The rise of the Indo-Pacific: understanding ideational change and continuity in India's foreign policy // Australian Journal of International Affairs. 2014. Vol. 68. № 4. P. 433–452.

подхода и задается национальными приоритетами³⁵⁸. Кроме того, Индия не в полной мере поддерживает «свободу судоходства» и операции США против КНР в ЮКМ, так как придерживается схожего с Китаем принципа расширительного толкования территориальных вод и исключительной экономической зоны вокруг Андаманских и Никобарских островов³⁵⁹.

В ответ на китайскую инициативу «Морского шелкового пути XXI в.» Индия запустила ряд контринициатив, в том числе «Муссон» («Mausam»), «Дорога специй» («Spice Road»), «Безопасность и рост для всех» («Sagar Mala»). Данные инициативы направлены на укрепления сотрудничества Индии со странами бассейна Индийского океана. Вместе с тем Индия является членом АБИИ с января 2016 г.

Продвижение концепции ИТР в политический дискурс Индии и отход от традиционной политики неприсоединения и «расширенного соседства» обеспечивается в большей степени посредством ряда мозговых центров, тесно интегрированных с США и Австралией³⁶⁰. Тем не менее частичная имплементация концепта ИТР уже произошла. Так, в речи на «Диалоге Шангри-Ла» в июне 2018 г. премьер-министр Н. Моди более 10 раз упомянул концепт ИТР³⁶¹.

К 2022 г. Азиатско-Тихоокеанский регион стал одним из важных центров мировых экономических и политических процессов. Смещение экономических потоков в Азию постепенно происходило с конца XX в., когда страны региона начали играть большую роль в обеспечении

³⁵⁸ Куприянов А.В. Геополитика моря: идея контроля над океаном в политическом дискурсе независимой Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 234–246.

³⁵⁹ Pant H.V., Rej A. Is India Ready for the Indo-Pacific? // The Washington Quarterly. 2018. Vol. 41. № 2. P. 47–61.

³⁶⁰ Лебедева Н.Б. Индийский океан: вызовы XXI в. и Индия (очерки международных отношений). М.: ИВ РАН, 2018. 576 с.

³⁶¹ Keynote Speech by Shri Narendra Modi, Prime Minister of India // The official website of the International Institute for Strategic Studies. 1.06.2018. URL: <https://www.iiss.org/-/media/images/dialogues/sld/sld-2018/documents/narendra-modisld18.pdf?la=en&hash=522CA08245CC4EC79C601DC4939171A7170BC9BA> (accessed: 09.07.20223).

глобальных производственных мощностей, в том числе «азиатские тигры», которые стали ключевыми элементами в цепочке добавленной стоимости высокотехнологичных товаров. После первых успехов политики «реформ и открытости» в Китае товары китайской обрабатывающей промышленности начали стремительно занимать глобальные рынки. Также по пути реформ пошла и Индия.

Большие объемы иностранных инвестиций и доходы от мировой торговли позволили развивать наукоемкие отрасли и обеспечивать высокий уровень расходов на НИОКР, что сделало регион глобальным драйвером технологического развития. Страны АТР стали лидерами в области экспорта высокотехнологичной продукции, роста патентов для развития технологий, необходимых для новой промышленной революции и развития сетей нового поколения.

Для мировой политики регион приобрел новое значение в контексте реализации американской политики сдерживания КНР и начала периода «транзита власти». После начала политики «перебалансировки» США многие западные страны также приняли Индо-Тихоокеанские стратегии, тем самым признавая важную роль нового геополитического региона для мировой политики. Внутри региона также начались процессы формирования новой структуры безопасности, фактически разделяя страны на те, что поддерживают сотрудничество с Китаем, и те, которые участвуют в американской политике сдерживания КНР.

2.3. Влияние внешнеполитических проектов КНР на систему международных отношений в АТР

В 2013 г. Си Цзиньпин выдвинул новую внешнеполитическую инициативу КНР – «Один пояс, один путь». Проект был направлен, прежде всего, на строительство инфраструктуры в сопредельных регионах для расширения внешней торговли и обеспечения рынков сбыта для возросших производственных мощностей внутри КНР. С геополитической точки зрения инициатива стала воплощением идеи «идти вовне», которая являлась концептуальным обрамлением последних этапов политики «реформ и открытости». Это было необходимо для реализации «возрождения величия китайской нации» и «китайской мечты», которые были предложены Си Цзиньпином после избрания его на руководящие посты³⁶². Важно также отметить, что начало реализации инициативы Си Цзиньпин на международном уровне представил во время визитов в Казахстан³⁶³ и Индонезию³⁶⁴. Центральная Азия и Юго-Восточная Азия стали отправными точками для сухопутного и морского проектов.

Компоненты инициативы «Один пояс, один путь» представлены на

³⁶² 吕彬 «带一路» 与中国的地缘政治战略 [Lu Bin. «Belt and Road» and China's Geopolitical Strategy] // 科学·经济·社会 [Science – Economy – Society]. 2015. Vol. 33. № 138. Iss. 1. P. 50–54.

³⁶³ President Xi Jinping Delivers Important Speech and Proposes to Build a Silk Road Economic Belt with Central Asian Countries // The official website of the Consulate-General of the People's Republic of China in Toronto. 7.09.2013. URL: http://toronto.china-consulate.gov.cn/eng/zgxcw/201309/t20130913_7095490.htm. (accessed: 10.08.2023).

³⁶⁴ Speech by Chinese President Xi Jinping to Indonesian Parliament // The official website of the ASEAN China Centre. 2.10.2013. URL: http://www.asean-china-center.org/english/2013-10/03/c_133062675.htm (accessed: 10.08.2023).

рис. 2.3.

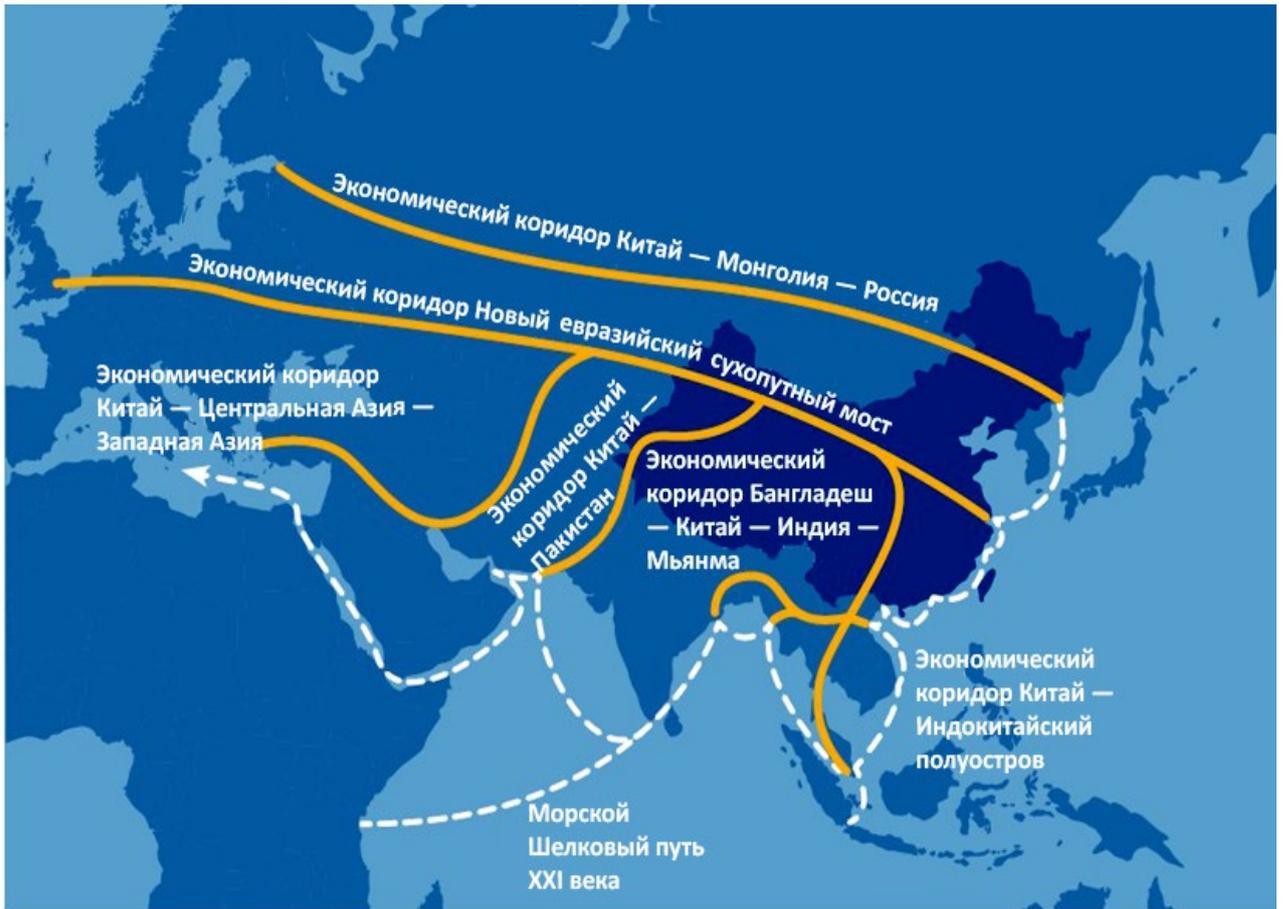

Рис. 2.3. Компоненты инициативы «Один пояс, один путь»

Источник: Belt and Road Initiative. URL: <https://www.eurobiz.com.cn/belt-road-initiative-business-opportunities-and-challenges-for-european-smes> (accessed: 11.08.2023).

Инициатива включала в себя шесть сухопутных экономических коридоров и два морских пути:

- 1) коридор экономического сотрудничества Китай–Монголия–Россия;
- 2) новый евразийский сухопутный мост;
- 3) коридор экономического сотрудничества Китай–Центральная Азия–Западная Азия;
- 4) экономический коридор Китай–Пакистан;

5) коридор экономического сотрудничества Китай–Индокитайский полуостров;

6) экономический коридор Китай–Бангладеш–Индия–Мьянма;

7) морской путь Китай–Индийский океан–Африка–Средиземное море;

8) морской путь Китай–Океания–южная часть Тихого океана;

9) морской путь Китай–Северный Ледовитый океан–Европа³⁶⁵.

Китай впервые предложил глобальный геополитический проект, фактически заявив о расширении своих амбиций с регионального до глобального уровня. На момент выдвижения инициативы первостепенной задачей было укрепление логистики в Евразии, обеспечив стабильное сообщение между Европой и Азией. Через 10 проект распространился уже на Африку, Океанию и Латинскую Америку. Этим самым обеспечивалось недоверие к проекту со стороны азиатских стран, которые опасались излишнего влияния КНР, а также военной экспансии Китая³⁶⁶.

С точки зрения китайских исследователей, выдвижение ОПОП и ее дальнейшее расширение стали своеобразным ответом Китая на переформатирование американской политики в АТР и включает компоненты, которые обычно опускаются в западном научном дискурсе.

Во-первых, США как мировая держава, имея развитую сеть альянсов, дополненную политикой «перебалансировки» и другими стратегиями глобального развития, стали более активным игроком на морском пространстве. Также реализуя стратегию сдерживания КНР, США придерживаются идеи «балансирования на шельфе» и распространения теории «китайской угрозы» среди стран, географически расположенных на территории «Морского Шелкового пути XXI в.». Тем самым США усилили

³⁶⁵ Singapore // CDR – The Belt and Road Initiative. 21.09.2021. URL: <https://www.cdr-news.com/cdr-essential-intelligence/1100-cdr-the-belt-and-road-initiative-2021/singapore> (accessed: 13.08.2023).

³⁶⁶ McBride J., Berman N., Chatzky A. China's Massive Belt and Road Initiative // CFR. 1.02.2023. URL: <https://www.cfr.org/backgroundunder/chinas-massive-belt-and-road-initiative> (accessed: 10.08.2023).

давление в тех сферах, где интересы США и КНР сталкивались.³⁶⁷ Исходя из необходимости противодействовать американской политике сдерживания, «Морской Шелковый путь XXI в.» стал попыткой создания «стратегических точек опоры» (战略支撑点), фундаментом для которых является взаимовыгодное сотрудничество для укрепления безопасности морских грузоперевозок и в особенности обеспечения стабильных поставок энергоресурсов в условиях, когда навязываемая США политика приводит к дестабилизации региональной системы безопасности.

Во-вторых, США, формируя международные экономические нормы, ограничивают пространство для развития Китая, в том числе в АТР. Это ощущается за счет продвижения в начале 2010-х гг. Транс-Тихоокеанского партнерства (ТТП), которое фактически является инструментом установления торгового эмбарго для Китая через установление более высоких тарифных барьеров. «Разорвав» таким образом цепочку поставок внутри региона, США могут помешать КНР сформировать структуру экономического сотрудничества на пространстве «Морского Шелкового пути XXI в.», что в значительной мере ограничит развитие страны за счет эффекта отклонения торговли.³⁶⁸

В-третьих, принимая во внимание первые два пункта, Китаю необходимо было развивать стратегические отношения с соседними странами и странами, лежащими на пути ОПОП, для обеспечения экономической и политической безопасности. Сделать это можно через формирование концепции построения регионального миропорядка на основе

³⁶⁷ 张明之: 从《中国威胁论》到《中国责任论》: 西方冷战思维定式下的中国发展安全 [Zhang Mingzhi. From «China Threat Theory» to «China Responsibility Theory»: China's Development Security under the Western Cold War Mindset] // 世界经济与政治论坛 [World Economic and Political Forum]. 2012. № 3. P. 1–14.

³⁶⁸ 时殷弘: «不应过度强调丝绸之路建设主导权», 国务院参事室中央文史研究馆网站. URL: <http://www.counsellor.gov.cn/cszc/2014-06-16/52190.shtml> (访问时间: 2016年10月28日); 张茉楠: «TTIP: 未来中国面临的新挑战», 证券时报网. URL: <http://news.stcn.com/2016/0307/12615393.shtml> (访问时间: 2016年11月7日); 孟辽阔: «带一路» 视野下的巴基斯坦战略地位及其实现路径探析» [Meng Liaoguo. «Exploring Pakistan's Strategic Position and its Path to Realisation under the Vision of «Belt and Road»] // 世界经济与政治 [World Economy and Politics]. 2015. Iss. 4. 34 p.

принципов взаимной выгоды, беспроигрышного сотрудничества и регулярных консультаций со странами-партнерами. Для достижения эффективного результата необходимо согласовывать общие интересы для интеграции проектов национального развития в международные проекты. Автор китайской теории комплексной безопасности Чжан Юйлинь выдвинул идею укрепления стратегической поддержки Китая за счет работы со странами АТР на двух направлениях: через формирование развития экономического сотрудничества с Китаем и увеличения взаимозависимости; через формирование пространства политической безопасности посредством механизмов регионального сотрудничества, но не через систему союзов, аналогичную американской³⁶⁹.

В-четвертых, реализация такой масштабной инициативы неизбежно становится причиной разногласий со странами, расположенными вдоль маршрута, в том числе влечет обострение территориальных споров, что создает благоприятные условия для вовлечения этих стран в «Индо-Тихоокеанскую стратегию». Поэтому наиболее важным является предложить странам региона возможности для развития и вовлечения их в совместную реализацию проекта через строительство промышленных кластеров в ключевых морских районах, транспортных путей и реализацию инфраструктурных проектов для распределения дивидендов через стратегическую интеграцию³⁷⁰.

Инициативы КНР запустили процесс региональных изменений, которые оказывали влияние на регионализацию и интеграцию стран региона. Конкурирующими проектами для Китая стали американские инициативы,

³⁶⁹ 张蕴岭构建中国的周边战略依托—从《中国周边安全形势评估(2013)》说起 [Zhang Yunling. Constructing China's Neighbourhood Strategic Dependency – From the Assessment of China's Neighbourhood Security Situation (2013)] // Aisixiang. 21.02.2013. URL: <https://www.aisixiang.com/data/61456.html> (accessed: 11.08.2023).

³⁷⁰ 王多月. 战略支撑点与《21世纪海上丝绸之路》的建设 [Wang Duoyue. Strategic Support Points and the Construction of the 21st Century Maritime Silk Road]. 中南财经政法大学 [Wuhan: Central South University of Economics and Law], 2017. 42 p.

которые предлагались для противовеса растущему китайскому влиянию. Среди них на момент выдвижения ОПОП наиболее перспективными были соглашения о снижении тарифов, такие как ТТП. За счет ориентации на большое число развивающихся стран инициатива угрожала американским интересам, так как лишала США оказывать содействие развитию таких стран, используя свою модель.³⁷¹ Важным отличием в контексте выбора партнеров стало то, что ОПОП предусматривает создание масштабной сети автомобильных и железных дорог, трубопроводов, линий связи, мостов и других инфраструктурных проектов, призванных способствовать развитию торговли, путешествий и взаимобмена товарами и услугами между Китаем и другими странами, а «перебалансировка» США опирается на передислокацию вооруженных сил в регион, укрепление сети региональных альянсов и соглашение о Транс-Тихоокеанском партнерстве.

Для другого влиятельного регионального игрока – Индии – ОПОП также представляла собой и вызов, и возможность. С точки зрения Индии, инициативу можно было рассматривать и как наступательную, и как оборонительную стратегию Китая, включающую как геополитические, так и геоэкономические элементы.³⁷² Основные опасения Индии можно разделить на те, которые связаны с сухопутной частью инициативы, и те, которые касаются морских торговых путей в Индийском океане.

Во-первых, Индия обеспокоена развитие экономического коридора Китай–Пакистан, который связывает СУАР и Пакистан. Проект экономического коридора предусматривает финансирование в 62 млрд долл. на протяжении 15 лет, которые предоставляются в формате займов и прямых иностранных инвестиций.³⁷³ С самого начала экономический коридор

³⁷¹ 杨晶滢 美国对 «带一路» 倡议的认知与战略选择 [Ying Ying Yang. US Perceptions of the Belt and Road Initiative and Strategic Choices] // 国际研究参考 [International Research Reference]. 2018. Iss. 4. P. 9–12.

³⁷² Hu R.W. China's 'One Belt One Road' Strategy: Opportunity or Challenge for India? // China Report. 2017. Vol. 53. № 2. P. 107–124.

³⁷³ Afzal M. «At all costs»: How Pakistan and China control the narrative on the China-Pakistan Economic Corridor

Китай–Пакистан был самой амбициозной инициативой Китая в рамках ОПОП: более 35 млрд долл. было выделено на энергетические проекты и еще 10 млрд долл. – на транспорт. К настоящему моменту энергетические объекты, построенные в рамках инициативы, обеспечивают более трети пакистанского спроса на электроэнергию.³⁷⁴ Индию в этом проекте беспокоит увеличивающаяся зависимость Пакистана от Китая, так как с обеими странами есть неурегулированные приграничные споры, и в случае, если Китай будет поддерживать Пакистан в укреплении границ, баланс сил может измениться не в пользу Индии. Особое внимание Индии приковано к порту Гвадар, в который Китай инвестировал значительные средства – более 1,6 млрд долл., направленные на модернизацию глубоководного порта. Расширение порта Гвадар ставит под угрозу военно-морскую безопасность Индии в Аравийском море и значительный объем ее импорта энергоресурсов и нефти через Оманский залив.³⁷⁵ Также стоит учитывать, что Гвадар географически близок к Кашмиру, который является причиной территориальных споров Индии и Пакистана.

Во-вторых, экономический коридор Китай–Бангладеш–Индия–Мьянма, который должен связать китайскую провинцию Юньнань и северо-восточные регионы Индии, который, с одной стороны, может стать причиной экономической зависимости от Китая, а с другой – позволяет воздействовать на уязвимые для сепаратизма и терроризма регионы Индии. Также общая реализация проекта вызывает недовольство по причине изменения водообмена в реках Тибета, от которых зависят Индия и Бангладеш.³⁷⁶

// Brookings. 2020, June. URL: <https://www.brookings.edu/articles/at-all-costs-how-pakistan-and-china-control-the-narrative-on-the-china-pakistan-economic-corridor> (accessed: 11.08.2023).

³⁷⁴ Jaleel M. Economists Tally Results of Decade of Chinese Investment in Pakistan // Voice of America English News. 27.07.2023. URL: <https://www.voanews.com/a/economists-tally-results-of-decade-of-chinese-investment-in-pakistan/7201145.html> (accessed: 11.08.2023).

³⁷⁵ Gwadar Port and its Geopolitical Impact on India // UPSC. 10.08.2022. URL: <https://www.geeksforgeeks.org/gwadar-port-and-its-geopolitical-impact-on-india/> (accessed: 11.08.2023).

³⁷⁶ Hu R.W. China's 'One Belt One Road' Strategy: Opportunity or Challenge for India? // China Report. 2017. Vol.

В долгосрочной перспективе Индия может быть заинтересована в развитии проектов в Бангладеш и Мьянме, однако не желает усиления китайского влияния, особенно в регионе границ. Более того, Индия готова к сотрудничеству в целях расширения региональных связей в рамках инициативы Бенгальского залива по многоотраслевому техническому и экономическому сотрудничеству (БИМСТЕК), куда, помимо Индии, входят такие соседние страны, как Бангладеш, Бутан, Мьянма, Непал, Шри-Ланка и Таиланд, но не входит Китай.³⁷⁷

В-третьих, Индия, осознавая ограниченность своих ресурсов по сравнению с Китаем, боится потерять влияние в Индийском океане, поэтому кооперируется с другими странами. Именно поэтому изначально Япония и Индия стояли во главе Индо-Тихоокеанской интеграции. Наиболее значимыми проектами, запущенными в противовес ОПОП, стал Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион и Коридор роста Азия–Африка. Аналогичным образом Индия сотрудничает с США, странами Европы и Ближнего Востока, стремясь сохранить за собой определяющую роль в вопросах интеграции в Индо-Тихоокеанском регионе.³⁷⁸

Несмотря на это, Индия занимает очень лояльную позицию по отношению к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций, который обеспечивает большую часть кредитов в рамках ОПОП. Китай был заинтересован в участии Индии, и соответствующее приглашение было передано председателем КНР Си Цзиньпином во время его первой встречи с премьер-министром Нарендрой Модии в кулуарах саммита БРИКС в Бразилии в июле 2014 г. Индия решила стать членом-учредителем АБИИ, прежде всего, потому, что до создания АБИИ был начат процесс сотрудничества,

53. № 2. P. 107–124.

³⁷⁷ Coelho M.K. India's Answer to the Belt and Road. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2018. 34 p.

³⁷⁸ Kliman D., Grace A. Views of the Belt and Road From Select US Allies and Partners. Washington, DC: Center for a New American Security, 2018. 5 p.

основанный на диалоге. Азиатские страны расценили поддержку Индией АБИИ как серьезный толчок к формированию банка³⁷⁹. Индия является вторым по величине акционером АБИИ с долей 8,6% и голосующей долей 7,6%.³⁸⁰ По состоянию на 2021 г. Индия получила от АБИИ кредиты для реализации 147 проектов на сумму 28,9 млрд долл., не учитывая поддержки, оказанной в период пандемии³⁸¹.

Участие Индии в АБИИ позволяет стране принимать участие и в определенной степени оказывать влияние на инфраструктурные проекты в Южной Азии. Других влиятельных финансовых институтов для международного развития, кроме возглавляемого Японией Азиатского банка развития, в регионе нет, поэтому участие Индии в АБИИ обусловлено прагматичным подходом к реализации внешнеполитической стратегии³⁸².

Для стран АСЕАН ОПОП имела большое геополитическое и геоэкономическое значение, так как именно эти страны являлись основными получателями кредитов для реализации инфраструктурных проектов. Несмотря на существенные выгоды, основной проблемой стало сохранение собственной субъектности в отношениях с КНР, так как отрицательный торговый баланс и увеличивающаяся доля Китая в государственном долге этих стран становились причинами экономической и политической зависимости, что открывало для Китая новые возможности для воздействия на региональные процессы.

С точки зрения экономического развития, страны АСЕАН не

³⁷⁹ Sharma M. India's Approach to China's Belt and Road Initiative—Opportunities and Concerns // *The Chinese Journal of Global Governance*. 2019. Vol. 5. № 2. P. 136–152.

³⁸⁰ Members and Prospective Members of the Bank. Asian Infrastructure Investment Bank // *The Asian Infrastructure Investment Bank*. 8.05.2023. URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/membersof-bank/index.html> (accessed: 29.05.2023).

³⁸¹ ADB, AIIB processing \$2 billion loan for India to buy COVID-19 vaccines // *The Economic Times*. 27.10.2021. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/jobs/mid-career/bureaucratic-leadership-characteristics-pros-cons-and-notable-leaders/articleshow/102773405.cms> (accessed: 12.08.2023).

³⁸² Why Washington Should Care About India's Support for the AIIB // *Council Foreign Relations*. 24.05.2022. URL: <https://www.cfr.org/blog/why-washington-should-care-about-indias-support-aiib> (accessed: 19.08.2023).

однородны, поэтому подход Китая к реализации проекта в разных странах различался, приоритет отдавался странам с низкими доходами, которые более заинтересованы в получении кредитов и привлечении китайских технологий, в то время как страны с более высокими доходами осторожнее относятся к получению китайских кредитов, чтобы не оказаться в ситуации «долговой ловушки».

Лаос, Камбоджа и Мьянма, являясь самыми экономически слабыми странами АСЕАН, выступают основными получателями китайских кредитов в рамках ОПОП.

Согласно отчету Всемирного банка, в 2021 г. внешний долг Лаоса составлял 14,5 млрд долл., или 89% от ВВП страны³⁸³. Крупнейшим кредитором страны выступает Китай. Наиболее крупным проектом является железная дорога из Куньмина во Вьентьян длиной 1035 км и стоимостью 6 млрд долл. Проект начался в 2016 г. и был софинансирован кредитом Экспортно-импортного банка Китая в размере 3,54 млрд долл. Проект был завершен в 2021 г., что позволило увеличить экспорт лаосских товаров в Китай до 2,28 млрд долл. к 2022 г., сделав Китай главным направлением для экспорта³⁸⁴. Увеличился и экспорт китайских товаров в Лаос, который в 2022 г. составил 2,34 млрд долл., что на 40% больше показателя 2021 г.³⁸⁵ Несмотря на позитивную динамику, очевидно, что предел по объему экспорта для Лаоса практически достигнут, в то время как Китай будет постепенно увеличивать свою долю и профицит в торговом балансе.

Другим значимым направлением китайских инвестиций является

³⁸³ Lao Economic Monitor, Oct. 2022: Tackling Macroeconomic Vulnerabilities // International Bank for Reconstruction and Development. 2022, October. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/lao/publication/lao-economic-monitor-oct-2022-tackling-macroeconomic-vulnerabilities-key-findings> (accessed: 08.08.2023).

³⁸⁴ Yang M. Laotians profit from the China-Laos Railway: survey // Shine news. 30.03.2023. URL: <https://www.shine.cn/news/in-focus/2303305725> (accessed: 21.06.2023).

³⁸⁵ China Exports to Laos // Tradeineconomics. URL: <https://tradingeconomics.com/china/exports/laos#:~:text=China%20Exports%20to%20Laos%20was,COMTRADE%20database%20on%20international%20trade> (accessed: 12.08.2023).

энергетическая сфера, где была поставлена задача сделать Лаос крупным региональным экспортером электроэнергии. В 2021 г. Китай и Лаос подписали соглашение сроком на 25 лет на строительство и управление энергосистемой. Компания Electricite du Laos Transmission Company Ltd. (EDLT) инвестирует 2 млрд долл. в энергосистему Лаоса и будет управлять ее крупными частями в течение 25 лет, после чего они будут переданы правительству Лаоса. EDLT была создана как совместное предприятие государственной энергетической компании Electricite du Laos (EDL) и China Southern Power Grid Company, в которой China Southern принадлежал контрольный пакет акций. Компания была создана после того, как правительство Лаоса оказалось не способно справиться с растущим уровнем долга на фоне экономического спада, вызванного пандемией COVID-19³⁸⁶. По состоянию на 2021 г. Китай профинансировал половину из 60 плотин Лаоса на притоках р. Меконг и 2 на самом Меконге. Значительная часть энергетической промышленности Лаоса – как энергетическая инфраструктура, так и линии электропередачи – в настоящее время находится в руках китайских государственных предприятий³⁸⁷.

На Китай на данный момент приходится 12,2 млрд долл. внешнего долга Лаоса, или 64,8% от ВВП, что позволяет ему оказывать беспрецедентное политическое влияние на руководство страны в вопросах предоставления выгодных контрактов для китайских компаний³⁸⁸.

Похожая ситуация сложилась и в Камбодже, где Китай контролирует 43,78% внешнего долга страны, который составляет около 10 млрд долл.³⁸⁹.

³⁸⁶ Strangio S. Laos Grants 25-Year Power Grid Concession to Chinese-Majority Firm // The diplomat. 17.03.2021. URL: <https://thedi diplomat.com/2021/03/laos-grants-25-year-power-grid-concession-to-chinese-majority-firm> (accessed: 05.04.2023).

³⁸⁷ Hiebert M. Upstream Dams Threaten the Economy and the Security of the Mekong Region // Yusof Ishak Institute Perspective. 2021. № 34. P. 1–9.

³⁸⁸ Marwaan M.M. Laos' debt pressure raises specter of a China vassal state // Nikkei Asia. 6.09.2022. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Asia-Insight/Laos-debt-pressure-raises-specter-of-a-China-vassal-state> (accessed: 12.08.2023).

³⁸⁹ Cambodia's foreign debt tops \$9 billion, with China accounting for more than 40 percent // The Cambodian

Однако государственный долг Камбоджи не превышает 40% от ВВП, что является приемлемым показателем. Помимо этого, правительство Камбоджи активнее диверсифицирует кредиторов, привлекая международные организации, такие как Азиатский банк развития. В том числе это касается нового 10-летнего плана развития инфраструктуры, который включает проекты в области улучшения логистических и энергетических возможностей страны суммой на 50 млрд долл. Ожидается, что план будет софинансироваться из различных источников, в том числе Китаем и АБР³⁹⁰.

В Мьянме Китай контролирует 40% внешнего долга, который составляет 10 млрд долл. Большая часть этой суммы направлена на реализацию проектов в рамках ОПОП³⁹¹. Приоритетным проектом для Китая является экономический коридор Китай–Мьянма, который должен стать путем для транспортировки нефти из Индийского океана в Юньнань, снижая риски, связанные с морской торговлей³⁹². Для этого Китай инвестирует в строительство глубоководного порта Кьяукпью, откуда берут начало китайско-мьянманские трубопроводы и строятся новые газовые электростанции. Общая стоимость проекта глубоководного порта составляет 7 млрд долл.³⁹³. Доступ к Индийскому океану позволит Китаю импортировать газ и нефть из Западной Азии, Африки и Венесуэлы без необходимости прохождения судов через спорные воды Южно-Китайского моря в китайские

Journalists Alliance Association. 19.08.2021. URL: <https://cambojanews.com/cambodias-foreign-debt-tops-9-billion-with-china-accounting-for-more-than-40-percent> (accessed: 12.08.2023).

³⁹⁰ Cambodia not quite yet in a China debt trap // Asia Times. 21.09.2022. URL: <https://asiatimes.com/2022/09/cambodia-not-quite-yet-in-a-china-debt-trap> (accessed: 12.08.2023).

³⁹¹ Myanmar Cautioned About Costly Borrowing From China // Radio free Asia. 10.06.2020. URL: <https://www.rfa.org/english/news/myanmar/costly-borrowing-06102020151951.html> (accessed: 12.08.2023).

³⁹² Myers L. The China-Myanmar Economic Corridor and China's Determination to See It Through // Wilson Center. 26.05.2020. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/china-myanmar-economic-corridor-and-chinas-determination-see-it-through> (accessed: 03.06. 2023).

³⁹³ Kyaukphyu Deep-Sea Port Poses Challenges for Maday Islanders and Local Fisheries // Burma News International. 1.11.2022. URL: <https://www.bnionline.net/en/news/kyaukphyu-deep-sea-port-poses-challenges-maday-islanders-and-local-fisheries> (accessed: 14.07.2023).

порты³⁹⁴. Помимо экономической составляющей важно то, что Китай стал основным политическим партнером Мьянмы после военного переворота, не поддержав санкции и продолжив вливания в мьянманскую экономику.

В следующую группу государств входят Вьетнам, Таиланд и Сингапур. Эти страны более настороженно относятся к китайским кредитам и инвестициям, однако не отказываются от участия в проектах ОПОП, так как заинтересованы в развитии инфраструктуры.

Вьетнам поддерживает реализацию инициативы «Один пояс, один путь», однако, осознавая риск экономической зависимости от Китая, ограничивает свое участие в проектах. Так, единственным проектом ОПОП, реализованным во Вьетнаме, стала трамвайная линия «Кат Линь–Ха Донг», которая не была завершена в срок, а стоимость реализации возросла более чем в 10 раз, что стало причиной роста негативных настроений по отношению к китайскому подрядчику.

В 2016 г. Вьетнам отказался от китайского участия в строительстве крупной автомагистрали, выбрав вьетнамского подрядчика и не привлекая китайские инвестиции³⁹⁵.

Также Вьетнам отменил проект строительства железной дороги Север–Юг и отказался от участия Huawei в строительстве телекоммуникационной инфраструктуры 5G в стране³⁹⁶.

В противовес Китаю Вьетнам укрепляет отношения с Японией и США, которые выступают политическими партнерами страны и активно интегрируют ее в Индо-Тихоокеанскую стратегию.

Изначально Таиланд позитивно воспринимал возможность участия в

³⁹⁴ Thein H. China is pouring money into junta-ruled Myanmar to secure a ‘back door’ to the Indian Ocean // Scroll. 22.11.2022. URL: <https://scroll.in/article/1037882/china-is-pouring-money-into-junta-ruled-myanmar-to-secure-a-back-door-to-the-indian-ocean> (accessed: 08.08.2023).

³⁹⁵ Quang Ninh to fund new highway after deciding against Chinese loan // Vietnam.net Global. 8.12.2016. URL: <https://vietnamnet.vn/en/quang-ninh-to-fund-new-highway-after-deciding-against-chinese-loan-E168013.html> (accessed: 13.08.2023).

³⁹⁶ Vietnam hedges its bets on the BRI // EastAsia Forum. 15.03.2023. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2023/03/15/vietnam-hedges-its-bets-on-the-bri> (accessed: 13.08.2023).

инфраструктурных проектах ОПОП, в том числе в строительстве железной дороги из Кунмина. После военного переворота в 2014 г. Таиланд нуждался в поддержке со стороны Китая, однако высокие процентные ставки, условия работы китайских подрядчиков и другие инфраструктурные риски не дали начать проект. В итоге спустя несколько лет проект начала реализовывать Япония, которая выступила противовесом китайской инициативе³⁹⁷. Только к 2021 г. был согласован проект строительства железной дороги из Китая, где большая часть инвестиций была тайской, чтобы защитить себя от возможной долговой зависимости. В отличие от Вьетнама, Таиланд не выступает против «Цифрового Шелкового пути» и того, что компания Huawei создает в стране инфраструктуру для сетей 5G³⁹⁸. Таким образом, Таиланд также старается балансировать, сохраняя хорошие отношения с Китаем, но участвуя в проектах ОПОП выборочно, сохраняя гибкость в вопросах кредитования и инвестиций³⁹⁹.

Сингапур, в отличие от Вьетнама и Таиланда, относится к странам с высокими доходами, однако не отвергает свое участие в инициативе «Один пояс, один путь». Более того, Сингапур был одним из первых стран, которые присоединились к ОПОП. На Втором международном форуме «Один пояс, один путь» премьер-министр Сингапура четко обозначил приоритеты Сингапура в инициативе, выделив 4 направления: инфраструктурное сотрудничество, финансовое взаимодействие, посредничество в сотрудничестве «третьих стран» и услуги арбитража для проектов ОПОП⁴⁰⁰.

Важным проектом для повышения инфраструктурной

³⁹⁷ The BRI as China's 'manifest destiny'? A Thai perspective // ASEAN Research and Advocacy. 30.10.2018. URL: <https://cariasean.org/publications/chinas-belt-and-road-initiative-bri-and-southeast-asia-publication/the-bri-as-chinas-manifest-destiny-a-thai-perspective> (accessed: 13.08.2023).

³⁹⁸ Of Questionable Connectivity: China's BRI and Thai Civil Society // Council on Foreign Relations. 7.06.2021. URL: <https://www.cfr.org/blog/questionable-connectivity-chinas-bri-and-thai-civil-society> (accessed: 13.08.2023).

³⁹⁹ Sawasdi P. Thailand's Engagement with China's Belt and Road Initiative: Strong Will, Slow Implementation // Asian Perspective. 2021. № 45 (2). P. 349–374.

⁴⁰⁰ Singapore // CDR – The Belt and Road Initiative. 21.09.2021. URL: <https://www.cdr-news.com/cdr-essential-intelligence/1100-cdr-the-belt-and-road-initiative-2021/singapore> (accessed: 13.08.2023).

взаимосвязанности является демонстрационная инициатива Китай–Сингапур (China-Singapore (Chongqing) Demonstration Initiative), запущенная в 2015 г. и направленная на стимулирование роста западного региона КНР за счет улучшения транспорта, финансовой системы и сетевой инфраструктуры. С момента ее запуска были подписаны соглашения на сумму более 17 млрд долл. Этот проект позволяет развивать новый международный торговый коридор «суша–море», построенный двумя странами с операционным центром в Чунцине.⁴⁰¹ Торговый коридор состоит из ж/д магистрали Чунцин–Гуанси, ж/д магистрали Чунцин–АСЕАН и ж/д магистрали, связывающей Китай и Паназиатскую железнодорожную сеть.

В прибрежных районах развиваются мультимодальные перевалочные пункты для перевалки товаров, доставляемых по морю. В целом этот маршрут сокращает время, необходимое для перемещения товаров между Западным Китаем и АСЕАН, почти на две трети⁴⁰². В отличие от проектов, о которых было написано ранее, в данном проекте Сингапур выступал одним из основных инвесторов, получая дивиденды на одном уровне с КНР.

В финансовой сфере Сингапур выступает в качестве важного хаба, координирующего потоки инвестиций в рамках ОПОП. 23% всех внешних инвестиций в рамках инициативы «Один пояс, Один путь» проходили через Сингапур. Также до 85% инвестиций внутри ОПОП поступали в Китай через Сингапур. Примерно 60% инфраструктурных проектов в Юго-Восточной Азии получают финансирование и консультационные услуги от сингапурских учреждений⁴⁰³. Сингапур также одним из первых вступил в АБИИ и является голосующим членом банка.

Благодаря статусу «налоговой гавани» и высокого развития технологий

⁴⁰¹ 2023 Foreign Investment Opportunities in Singapore // ASEAN Briefing. 15.08.2022. URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/2023-foreign-investment-opportunities-in-singapore> (accessed: 13.08.2023).

⁴⁰² Singapore // CDR – The Belt and Road Initiative. 21.09.2021. <https://www.cdr-news.com/cdr-essential-intelligence/1100-cdr-the-belt-and-road-initiative-2021/singapore> (accessed: 13.08.2023).

⁴⁰³ Там же.

Сингапур стал одним из важнейших партнеров КНР в области реализации региональных технологических проектов, в том числе Тяньцзинь Эко-сити, Индустриальный парк в Сучжоу, Город знаний в Гуанчжоу и упомянутая ранее демонстративная инициатива с Чунцином⁴⁰⁴.

Подход Сингапура отличается от других стран АСЕАН за счет того, что высокое влияние в контексте мировой экономической и финансовой системы позволяет ему выстраивать равноправный диалог с КНР, не опасаясь впасть в экономическую зависимость от этой страны.

Последняя группа стран включает в себя страны, которые негативно относятся к инициативе «Один пояс, один путь» и зачастую делают выбор в пользу американских индо-тихоокеанских проектов. Участие Малайзии, Индонезии и Филиппин в китайских проектах крайне ограничено, они осторожнее относятся к получению кредитов от Китая.

До прихода к власти Махатхира Мохамата в 2018 г. Малайзия активно участвовала в ОПОП, однако новая администрация остановила 2 проекта стоимостью 20 млрд долл., аргументируя это тем, что такие дорогостоящие проекты разорят страну.⁴⁰⁵ Инвестиционные проекты на Филиппинах сталкивались с неудачами из-за территориальных споров Китая и Филиппин и отношения Китая к решению Гаагского трибунала. Индонезия снижает участие в ОПОП на государственном уровне, отдавая предпочтение В2В проектам⁴⁰⁶. Это связано с возросшими опасениями относительно того, что Индонезия может впасть в зависимость от Китая⁴⁰⁷, так как именно в Индонезии реализуются крупнейшие проекты инициативы: китайско-

⁴⁰⁴ Liu H., Fan X., Lim G. Singapore engages the Belt and Road Initiative: perceptions, policies and institutions // The Singapore Economic Review. 2021. Vol. 66. № 1. P. 219–241.

⁴⁰⁵ Erickson A. Malaysia cancels two big Chinese projects, fearing they will bankrupt the country // Washington Post. 21.08.2018. URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/malaysia-cancels-two-massive-chinese-projects-fearing-they-will-bankrupt-the-country/2018/08/21/2bd150e0-a515-11e8-b76b-d513a40042f6_story.html (accessed: 13.08.2023).

⁴⁰⁶ Ujvari B. The Belt and Road Initiative // The ASEAN Perspective. 1.03.2019. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep21387> (accessed: 28.05.2023).

⁴⁰⁷ The Political and Economic Dynamics of Indonesia–China BRI Cooperation // Kyoto review. URL: <https://kyotoreview.org/issue-32/the-political-and-economic-dynamics-of-indonesia-china-bri-cooperation> (accessed: 30.03.2023).

индонезийская зона экономического и торгового сотрудничества, Китайско-Индонезийский промышленный парк Моровали и китайско-индонезийская зона сотрудничества сельскохозяйственной промышленности Джу Лонг⁴⁰⁸, а также флагманский проект ОПОП – 142-километровая железная дорога Джакарта–Бандунг⁴⁰⁹.

Инициатива «Один пояс, Один путь» стала одним из важнейших драйверов роста для стран АСЕАН. С 2013 по 2020 г. объем китайских ПИИ и количество инфраструктурных проектов в странах АСЕАН выросли на 85 и 33% соответственно⁴¹⁰. Помимо этого, на АСЕАН приходится 44% от общего объема инвестиций в рамках инициативы, что превышает совокупные вложения Китая в проекты стран Европы, Центральной Азии, Африки и Ближнего Востока⁴¹¹.

Менее развитые страны, такие как Лаос, Камбоджа и Мьянма, доброжелательно встретили китайские проекты, участвуя как в их реализации, так и получая значительные займы от Китая. Этот процесс неотрывно сопряжен с обвинениями Китая в политике «долговой ловушки» в отношении этих стран, особенно это касается Мьянмы.

Вторая группа стран участвует в инициативе, но ограниченно использует китайские займы и инвестиции. Эти страны обладают большими экономическими ресурсами и также имеют возможность диверсификации внешнеполитических партнеров, привлекая США, Японию и АБР для реализации проектов на своей территории. К этой группе относятся Вьетнам, Таиланд и Сингапур. Индонезия, Малайзия и Филиппины более скептически относятся к ОПОП, но не отвергают участие в инициативе.

⁴⁰⁸ BRI Projects in ASEAN: Implementation, Mechanism and Suggestion // China development institute. URL: <http://www.cdi.com.cn/Upload/Files/20191024/144716941990830.pdf> (accessed: 13.08.2023).

⁴⁰⁹ Yee W. The Jakarta-Bandung High-Speed Railway and the Future of the Belt and Road Initiative // China Brief. 22.12.2022. URL: <https://jamestown.org/program/the-jakarta-bandung-high-speed-railway-and-the-future-of-the-belt-and-road-initiative> (accessed: 08.08.2023).

⁴¹⁰ The Belt and Road Initiative in ASEAN // HKUST IEMS Reports. 2021, March. URL: <https://iems.ust.hk/publications/reports/uob-bri-overview> (accessed: 10.08.2023).

⁴¹¹ Там же.

Выводы по главе 2

Экономический подъем КНР стал основным региональным трендом в АТР в начале 2000-х гг. и к началу 2010-х гг. стал определяющим нервом мирового развития. С 2003 г. руководство КНР начало уделять больше внимания продвижению своего взгляда на мировой порядок. В качестве ответа на растущие опасения со стороны стран региона и глобальных лидеров Китай выдвинул концепцию мирного подъема. Однако это не позволило в полной мере противодействовать популярным в начале 2000-х гг. теориям «китайской угрозы» и идее краха китайского экономического чуда, которые оказывали деструктивное влияние на международный имидж Китая.

Первым полноценным шагом Китая в сторону трансформации миропорядка стало выдвижение теории «гармоничного мира» на фоне подъема развития теорий международных отношений в КНР. Важным этапом продвижения идей гармоничного мира стало формирование нового типа отношений со странами АТР в контексте реализации идеи «гармоничной Азии». Китай разработал отдельные подходы для выстраивания отношений со странами Центральной Азии, Восточной Азии, Юго-Восточной Азии и Южной Азии для создания благоприятных внешних условий для развития.

При Ху Цзиньтао Китай начал постепенно повышать масштаб своих внешнеполитических интересов, это вызывало большую обеспокоенность со стороны США, которые являлись мировым гегемоном после окончания

«холодной войны». К 2010-м гг. Китай стал второй экономикой мира после США, накопив значительные ресурсы для реализации более активной внешней политики, в том числе увеличив вложения в модернизацию НОАК и развитие флота. Понимая, что влияние США в АТР снижается, администрация Б. Обамы начала политику «перебалансировки» в Азию.

К моменту избрания на руководящие посты в КНР Си Цзиньпина внешние и внутренние условия позволяли Китаю начать более активные внешнеполитические проекты. В концептуальном плане в 2012 г. была выдвинута идея сообщества единой судьбы человечества, которая стала более прикладным продолжением теории гармоничного мира. Сообщество единой судьбы предлагало миру сформировать новые глобальные нормы и ценности, которые будут лежать в основе межгосударственных отношений. Китайский подход уделял особое внимание уважению суверенитета и невмешательству, что делало его привлекательным для развивающихся стран и стран, которые в прошлом были колониями и не были удовлетворены своим местом в существующей системе международных отношений. Предложив миру «отношения между великими державами нового типа», Китай отклонил предложение США сформировать Большую двойку, и отношения двух стран перешли в конкурентное русло. США, стремясь сохранить свое лидерство, развернули «перебалансировку» в Азии и начали переформатирование системы альянсов в АТР для сдерживания Китая. Китай в это же время запустил амбициозные инициативы: «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI в.», которые должны были стимулировать развитие китайской экономики в новый исторический период и усилить китайское влияние на пространстве Евразии и в бассейнах Тихого и Индийского океанов. Столкновение интересов КНР и США, в итоге, привело к активизации процесса «транзита власти» и началу «торговой войны».

В это же время Азиатско-Тихоокеанский регион стал одним из глобальных экономических, торговых и финансовых центров мира. Начало этого процесса было положено вместе с экономическим подъемом «азиатских тигров» в конце XX в. После проведения успешных экономических реформ драйверами развития региона стали Китай и Индия. К настоящему моменту на АТР приходится более половины мировой торговли и морских грузоперевозок. Технологические стартапы стран АТР являются ключевым драйвером мирового технологического развития и аккумулируют наибольшее количество иностранных инвестиций и затрат на НИОКР.

В политической плоскости регион стал центром мировой политики в контексте американо-китайской конкуренции. В большей степени это было связано с началом реализации Индо-Тихоокеанской стратегии США, к которой присоединились другие западные страны и региональные партнеры США.

Отдельным фактором в региональной системе международных отношений стали китайские интеграционные проекты – «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI в.», которые охватили огромное пространство и задействовали практически все страны региона. Основными противниками инициативы стали США, которые стремились к сохранению статус-кво, и Индия, которая опасалась усиления влияния Китая в бассейне Индийского океана.

Основная конкуренция развернулась вокруг стран АСЕАН, на которых были ориентированы интеграционные проекты. Страны с низким уровнем доходов чаще выбирали китайские программы помощи и охотнее участвовали в ОПОП, в то время как страны с более сильной экономикой стремились к сотрудничеству в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии.

ГЛАВА 3. МЕСТО ИНДО-ТИХООКЕАНСКОЙ СТРАТЕГИИ США В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ С КНР ⁴¹²

3.1. Трансформация американской системы союзов в Азиатско- Тихоокеанском регионе

Самая первая система, выстроенная Соединенными Штатами в ИТР, – «система Сан-Франциско» («ось и спицы» – «Hub and Spokes») – выражалась в поддержании региональной безопасности, базировавшейся на американских альянсах ⁴¹³. Данная система появилась еще во времена «холодной войны», ее главной целью было сдерживание коммунизма при помощи увеличения военного потенциала и расширения сотрудничества по военной линии ⁴¹⁴. Таким образом, эта модель изначально предполагала коллективные усилия членов альянса по сохранению благоприятного для них

⁴¹² При подготовке данного раздела диссертации были использованы следующие публикации автора в соавторстве, в которых, согласно «Положению о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова», отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Худайкулова А.В., Рамич М.С. «КВАД 2.0»: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 23–43; Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США–КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 210–231.

⁴¹³ Stuart D. San Francisco 2.0: Military Aspects of the US Pivot toward Asia // Asian Affairs: An American Review. 2012. Vol. 39. № 4. P. 39–62; Рамич М.С., Горбиль П.Р., Коростелева Е.И. американоцентричной системы региональной безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе 2012–2020 // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 81–95.

⁴¹⁴ Dower J.W. The San Francisco System: Past, Present, Future in US-Japan-China Relations // The Asia-Pacific Journal. 2014. Vol. 12. № 2. P. 239–254.

статус-кво и военно-силового и технологического отрыва от конкурентов⁴¹⁵.

После отхода от «системы оси и спиц» США взяли курс на политику министоронности, или ограниченной многосторонности (mini-lateral diplomacy). Минилатерализм направлен на решение конкретных вопросов, которые отдельные государства не могут решить в одиночку. Примером такого объединения стал КВАД, который объединил Индию, Австралию, Японию и США для решения вопросов обеспечения безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе.

В начале 2010-х гг. основным фактором, стимулирующим трансформации американской системы союзов, стала стратегическая конкуренция между США и КНР. Во время президентства Б. Обамы США делали заявления о том, что растущий Китай не является угрозой для других стран и что США не будут стремиться «сдерживать КНР». Был даже предложен формат G2, после провала которого США перешли к «перебалансировке» сил в АТР. Следующий Президент США – Д. Трамп – изменил риторику по отношению к Китаю. В июне 2019 г. была опубликована Индо-Тихоокеанская стратегия США, главной целью которой было недопущение увеличения влияния Китая в ИТР⁴¹⁶.

Традиционно США развивали в Азии двусторонние союзы, однако постепенно они стали трансформироваться в трехсторонние форматы, которые создавались для конкретных задач: США–Япония–Южная Корея, США–Япония–Австралия, США–Индия–Япония. Создание таких групп стало предпосылкой для развития минилатеральных союзов.

Одним из проявлений ограниченной многосторонности является КВАД. Однако первая версия данного объединения не получила должного развития

⁴¹⁵ Канаев Е.А., Сигутина А.Н. Японо-американский альянс и проблема Южно-Китайского моря: последствия для азиатско-тихоокеанской безопасности // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2017. № 34. С. 32–41.

⁴¹⁶ A Free and Open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision // The official website of the US Department of State. 4.11.2019. URL: <https://www.state.gov/a-free-and-open-indo-pacific-advancing-a-shared-vision> (accessed: 21.08.2023).

из-за неготовности участников к активным практическим действиям⁴¹⁷. Вторая версия КВАД также столкнулась с рядом сложностей, поэтому процесс институализации до сих пор не завершен, несмотря на первоначальные идеи создать основу для «азиатского НАТО». Сегодня данный формат представляет из себя, скорее, региональную дискуссионную площадку, которая направлена на создание повестки дня в области безопасности и координации четырехсторонних оборонных мероприятий⁴¹⁸. Индия продолжает балансировать между сотрудничеством с США и их союзниками в АТР/ИТР и форматами, ориентированными на сотрудничество на Евразийском пространстве, – ШОС⁴¹⁹.

В стратегии США «Стратегические рамки США для Индо-Тихоокеанского региона»⁴²⁰, принятой в 2021 г. администрацией Дж. Байдена, строительство «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» предполагает сохранение стратегического превосходства США в ИТР, противостояние Китаю, снижение угрозы со стороны Северной Кореи и сохранение глобального экономического лидерства США. США активно действуют в рамках этой концепции и сегодня, о чем говорит создание АУКУС.

В сентябре 2021 г. между Австралией, Великобританией и США был подписан оборонный альянс. Официально представители США и Великобритании заявили о том, что АУКУС не будет направлен против Китая, он был создан исключительно с целью развития партнерства в сфере

⁴¹⁷ Chellaney B. «QUAD Initiative»: an inharmonious concert of democracies // Japan Times. 19.07.2007. URL: https://www.japantimes.co.jp/opinion/2007/07/19/commentary/QUAD-initiative-an-inharmonious-concert-of-democracies/#.W_m05OJoREY (accessed: 05.06.2023).

⁴¹⁸ Худайкулова А.В., Рамич М.С. «QUAD 2.0»: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 23–43.

⁴¹⁹ Дегтерев Д.А., Рамич М.С. Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 3. С. 23–43.

⁴²⁰ US Strategic Framework for the Indo-Pacific // Trump White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (accessed: 23.08.2023).

безопасности и обороны⁴²¹. Для США данное соглашение является продолжением политики развития американской системы безопасности. Также была активизирована работа с партнерами для снижения распространения влияния Китая среди островных государств Тихого океана.

Четырехсторонний диалог по безопасности в контексте политики сдерживания КНР. Четырехсторонний диалог по безопасности, или КВАД (QUAD), был впервые предложен Синдзо Абэ в 2007 г. Но полноценно данный формат начали развивать только в середине 2010-х гг., когда провалилась попытка договориться с КНР о создании G2 и началась разработка новой стратегии сдерживания. Таким образом, первоначальный импульс для развития такого формата взаимодействия дали региональные союзники США. Осознавая необходимость модернизации региональной системы безопасности в АТР и стратегии сдерживания КНР, США также включились в процесс институализации нового формата.

На экспертном уровне идея формирования единого геостратегического пространства Индийского и Тихого океанов с опорой на Индию, Австралию с Новой Зеландией и Китай с Японией прорабатывалась еще в конце 1990-х гг. в Японии и Индии⁴²², а также в ряде более ранних геополитических построений⁴²³. На официальном уровне впервые она была озвучена японским премьером С. Абэ в 2007 г. во время его выступления в индийском парламенте и предполагала «Слияние двух морей» (Индийского и Тихого океанов) и создание «Дуги стабильности и процветания» в Евразии.

Однако создание «КВАД 1.0» не получило дальнейшей поддержки по ряду причин⁴²⁴. Накануне встречи стран-участниц формата Китай заявил, что

⁴²¹ США, Британия и Австралия договорились о партнерстве в области обороны и безопасности // Russia Today. 16.09.2021. URL: <https://ru.rt.com/jg2h> (дата обращения: 07.06.2023).

⁴²² Лебедева Н.Б. Индийский океан: вызовы XXI в. и Индия (очерки международных отношений). М.: ИВ РАН, 2018. 576 с.

⁴²³ Каримова А.Б. Связывая Индийский с Тихим, или модернизация инструментов влияния // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 6. С. 13–24.

⁴²⁴ Hosoya Y. FOIP 2.0: The Evolution of Japan's Free and Open Indo-Pacific Strategy // Asia-Pacific Review.

в АТР предпринимается попытка создания «азиатского НАТО». МИД КНР не направил ноты протеста каждой из стран, участвующих в диалоге.⁴²⁵

Вскоре С. Абэ ушел в отставку, новый премьер Я. Фукуда был больше настроен на сотрудничество с КНР, как и новый премьер-министр Австралии К. Радд. Вместе с этим на тот момент отсутствовала теоретическая база, обосновывающая необходимость такого сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе. Основной причиной провала «КВАД 1.0» стало отсутствие заинтересованности в этом формате как со стороны лиц, отвечающих за принятие внешнеполитических решений, так и со стороны исследователей, задействованных в этом процессе. Большая часть исследовательских работ, посвященных ИТР, была выпущена в 2010-е гг., что позволило снова обратить внимание политиков на проблему регионального сотрудничества и возродить идею создания четырехстороннего формата взаимодействия.

В 2007–2012 гг. идея формирования ИТР и КВАД как каркаса новой архитектуры безопасности стала прорабатываться в академических кругах. В 2007 г. индийский исследователь Г. Хурана в своей статье использовал термин «Индо-Тихоокеанский регион».⁴²⁶ В 2010 г. вышла в свет монография Р. Каплана о роли Индийского океана для обеспечения национальной безопасности США.⁴²⁷ Тогда же был опубликован доклад по ИТР М. Ослин (Американский институт предпринимательства), а в 2011 г. – доклад Р. Медкалфа⁴²⁸. В 2012 г. вышли статьи Д. Скотта о геостратегическом значении ИТР⁴²⁹ и М. Грина⁴³⁰ о роли КВАД для стратегического

2019. Vol. 26. № 1. P. 18–28.

⁴²⁵ Nicholson B. China Warns Canberra on Security Pact // *The Age*. 15.06.2007. URL: <https://www.theage.com.au/national/china-warns-canberra-on-security-pact-20070615-ge54v5.html> (accessed: 13.08.2023).

⁴²⁶ Khurana G.S. Security of Sea Lines: Prospects for India-Japan Cooperation // *Strategic Analysis*. 2007. Vol. 31. № 1. P. 139–153.

⁴²⁷ Kaplan R D. *Monsoon: The Indian Ocean and the Future of American Power*. N.Y.: Random House, 2011. 400 p.

⁴²⁸ Medcalf R. In Defence of the Indo-Pacific: Australia's New Strategic Map // *Australian Journal of International Affairs*. 2014. Vol. 68. № 4. P. 470–483.

⁴²⁹ Scott D. The «Indo-Pacific» – New Regional Formulations and New Maritime Frameworks for US-India Strategic Convergence // *Asia-Pacific Review*. 2012. Vol. 19. № 2. P. 85–109.

⁴³⁰ Green M., Shearer A. Defining US Indian Ocean Strategy // *The Washington Quarterly*. 2012. Vol. 35. № 2. P.

балансирования Китая.

В 2012 г. идея формирования КВАД для контроля над ИТР стала возвращаться в официальный политический дискурс. Накануне парламентских выборов в Японии в 2012 г. премьер-министр С. Абэ опубликовал небольшой комментарий, в котором предлагалось сформировать в АТР четырехстороннюю структуру безопасности с участием Японии, Австралии, Индии и США под общим названием «азиатский демократический бриллиант безопасности».⁴³¹

Администрация Д. Трампа фактически вывела из обихода термин АТР, заменив его Индо-Тихоокеанским регионом. Во время выступления на саммите АТЭС в Дананге в 2017 г. Президент США впервые официально озвучил идею создания новой конструкции безопасности в рамках «открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона».⁴³²

Взаимодействие стран – участниц КВАД охватывает не только обеспечение региональной безопасности, но и противодействие усиливающейся экономической и инфраструктурной зависимости от КНР.⁴³³ Однако для всех членов объединения Китай является крупнейшим торговым партнером, поэтому данное направление противодействия носит явно запоздалый, реактивный характер.

Однако, несмотря на громкие заявления и ясные цели по сдерживанию КНР, расширение сотрудничества не произошло. Во-первых, Индия, которая работала с КНР в ШОС и БРИКС, не принимала активного участия в морских операциях, направленных против Китая, и не проводила агрессивную

175–189.

⁴³¹ Abe Shinzo Asia's Democratic Security Diamond. Project Syndicate // Project Syndicate. 27.12.2012. URL: <https://www.project-syndicate.org/onpoint/a-strategic-alliance-for-japan-and-india-by-shinzo-abe?barrier=accesspaylog> (accessed: 18.08.2023).

⁴³² Remarks by President Trump at APEC CEO Summit // The official website of the White House. 10.11.2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-da-nang-vietnam> (accessed: 18.06.2023).

⁴³³ Thankachan Sh. Japan's «Free and Open Indo-Pacific Strategy»: Reality before the Rhetoric? // Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India. 2017. Vol. 13. № 2. P. 84–91.

политику. При учете, согласно американским стратегическим планам, именно Индия, должна была играть основную роль в сдерживании КНР в Индийском океане, это в значительной мере замедлило бы процесс создания минилатерального объединения. Во-вторых, пандемия коронавируса в определенной степени сместила фокус сотрудничества в ИТР в сторону гуманитарных проектов. В-третьих, после поражения Д. Трампа на выборах администрации Дж. Байдена потребовалось время для выработки новой индо-тихоокеанской стратегии.

Поэтому новое развитие КВАД получил только в 2021 г., когда после очередной встречи четверки было опубликовано заявление, в котором США, Япония, Индия и Австралия приглашали Новую Зеландию, Южную Корею и Вьетнам присоединиться к встрече в формате КВАД+⁴³⁴. Таким образом, США продолжили экспериментировать с многосторонними форматами в Азии и попробовали объединить в одном формате всех основных региональных союзников⁴³⁵.

Со стороны Китая такое развитие американской политики в ИТР вызвало недовольство, заместитель министра иностранных дел КНР Се Фэн заявил, что США хотят «возродить чувство национальной цели, сделав Китай воображаемым врагом», и призвал его изменить то, что он назвал «чрезвычайно опасной политикой Китая»⁴³⁶.

Говоря о перспективах КВАД, российский исследователь А.В. Куприянов выделяет 5 возможных сценариев развития организации: «азиатское НАТО», «диалог без обязательств», «расширение формата», «формирование единой региональной системы безопасности» и «коллапс

⁴³⁴ Quad Leaders' Joint Statement: «The Spirit of the Quad» // The official website of the White House. 12.03.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/12/quad-leaders-joint-statement-the-spirit-of-the-quad> (accessed: 10.08.2023).

⁴³⁵ Greve H. Joe Biden and a New Era of Multilateralism // German Institute of Global and Area Studies (GIGA). 2021, September. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep34575> (accessed: 18.06.2023).

⁴³⁶ Mitchel T., Sevastopulo D. China says US relations at a 'deadlock' in high-level talks // The Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/7e9854b9-b821-495f-a217-44c636606732> (accessed: 10.01.2023).

КВАД»⁴³⁷. К настоящему моменту наиболее актуальными видятся сценарии «диалога без обязательств» и «расширения формата», которые хорошо ложатся в русло склонности региональных форматов к «мягкому регулированию». Для потенциальных участников формата КВАД+, таких как Вьетнам, также более актуален «гибкий» формат, который позволит не вступать в открытую конфронтацию с КНР⁴³⁸. В случае с расширением комплекс факторов, таких как ослабление региональных импульсов, негативно сказывается на эффективности формата и его потенциальном расширении⁴³⁹.

АУКУС – формат сдерживания КНР на основе военно-технического сотрудничества. Новым форматом для ИТР стал АУКУС – объединение Австралии, Великобритании и США для сотрудничества в военно-технической сфере для строительства атомных подводных лодок для Австралии. Заявленная цель этого соглашения также распространяется на развитие киберпотенциала, искусственного интеллекта, квантовых технологий и тесное сотрудничество в Индо-Тихоокеанском регионе, где усиление Китая воспринимается как растущая угроза. Оборонное сотрудничество в новом формате призвано изменить военно-морской потенциал Австралии в контексте того, что китайский флот продолжает усиливаться и увеличивать зону оперативного контроля⁴⁴⁰. АУКУС стал продолжением глобальной американской Индо-Тихоокеанской стратегии, однако, в отличие от КВАД, о котором речь шла в предыдущем параграфе, здесь сотрудничество было ограничено более узкими рамками.

⁴³⁷ Куприянов А.В. QUAD и безопасность Индо-Тихоокеанского региона // Ежегодник СИПРИ – 2020: Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, 2021. С. 809–820.

⁴³⁸ Терских М.А. Вьетнам–QUAD: неизбежное сближение? // Вьетнамские исследования: электронный научный журнал. 2021. Т. 5. № 2. С. 6–24.

⁴³⁹ Там же.

⁴⁴⁰ AUKUS? QUAD? FOIP? A fragmented approach cannot counter China // Lowy Institute. 27.10.2021. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/aukus-quad-foip-fragmented-approach-cannot-counter-china> (accessed: 12.08.2023).

Официальным поводом для подписания соглашения стало расширение военного потенциала КНР в регионе, которое снижало пространство для маневров США и их региональных союзников. Примером стало подписание Китаем соглашения о безопасности с Соломоновыми Островами и демонстрация военной мощи народно-освободительной армии вблизи Тайваня после визита спикера Палаты представителей США Нэнси Пелоси на остров, что подтвердило необходимость создания АУКУС.⁴⁴¹ Также в США и ряде стран было негативно воспринято заявление Си Цзиньпина на XX Съезде КПК в 2022 г., когда он подтвердил намерение решить Тайваньский вопрос, сохраняя право на принятие всех необходимых мер. Однако важно понимать, что приоритет отдается мирному воссоединению, а силовой компонент касается, прежде всего, «вмешательства внешних сил».⁴⁴²

По предварительным оценкам, стоимость проекта составит от 268 до 368 млрд долл. в период до середины 2050-х гг., большая часть из которых выйдет за пределы первого четырехлетнего бюджетного периода и будет зависеть от помощи США и Великобритании. Первые атомные подводные лодки австралийского производства, оснащенные системами вертикального пуска крылатых ракет, должны поступить на вооружение в начале 2040-х гг.⁴⁴³ При этом стоимость 1 атомной подводной лодки класса Вирджиния составляет 3,4 млрд долл., вся остальная сумма пойдет на создание инфраструктуры и сопутствующие расходы.⁴⁴⁴

Австралия получит не только 8 атомных подводных лодок, которые

⁴⁴¹ Hellyer M. Making the most of AUKUS // ASPI. 27.10.2022. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/making-the-most-of-aukus> (accessed: 25.05.2023).

⁴⁴² Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 г. // МИД КНР: официальный сайт. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата обращения: 19.02.2023).

⁴⁴³ Aukus: nuclear submarines deal will cost Australia up to \$ 368 bn // The Guardian. 13.03.2023. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/mar/14/aukus-nuclear-submarines-australia-commits-substantial-funds-into-expanding-us-shipbuilding-capacity> (accessed: 15.08.2023).

⁴⁴⁴ Nicholls A., Dowie J., Hellyer M. Implementing Australia's nuclear submarine program // Australian Strategic Policy Institute. 2021, December. URL: <https://www.aspi.org.au/report/implementing-australias-nuclear-submarine-program> (accessed: 15.08.2023).

способны повысить значимость страны для обеспечения региональной безопасности, но и технологии. Большая часть работ должна выполняться в Австралии, поэтому ей будут переданы технологии строительства ядерных силовых установок. Таким образом, Австралия станет второй страной, которая получит такой потенциал от США после Великобритании. США предпочитают сохранить полный контроль над ситуацией и не отказываются от своих АПЛ в регионе. Поэтому следующие шаги Австралии подразумевают размещение американских подводных лодок в Западной Австралии и субсидирование инфраструктуры строительства подводных лодок в США. Таким образом, Австралия софинансирует усиление американского подводного флота в регионе.⁴⁴⁵

По мнению ряда австралийских исследователей, АУКУС – не такой выгодный проект, как его позиционируют. Маркус Хеллиер говорит о том, что такой союз представляет определенные риски, так как Австралия, вкладываясь в такой масштабный проект, будет привязана к Индо-Тихоокеанской стратегии США и будет оставаться элементом американо-китайской конкуренции. Более того, США как монополист, вероятнее всего, будет передавать ограниченные технологии, как это было в случае с F-35 для Канады в контексте NORAD.⁴⁴⁶ Но, несмотря на потенциальные риски для Австралии, подобное соглашение имеет значение для современной системы безопасности в регионе и позволяет Австралии повысить свою значимость.

Стоит также упомянуть о влиянии соглашения на еще одну страну, которая обладает амбициями вернуться в Индо-Тихоокеанский регион – Францию. Соглашение между Австралией, Великобританией и США стало причиной расторжения соглашения между Австралией и Францией,

⁴⁴⁵ Caverley J.D. AUKUS: When naval procurement sets grand strategy // International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2023. Vol. 78. № 3. P. 327–334.

⁴⁴⁶ AUKUS, DSR and Australia's Maritime Capability: Dr Marcus Hellyer // Saltwater Strategists. 2023. URL: <https://soundcloud.com/saltwater-strategists/22-aucus-dsr-and-australias-maritime-capability-dr-marcus-hellyer> (accessed: 15.08.2023).

подписанного в 2016 г., по которому Франция должна была поставить Австралии 12 обычных подводных лодок. Это также стало причиной кризиса в отношениях между странами и перестройки в отношении взаимодействия в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии.

США и Франция подписали соглашение о структуре стратегического взаимодействия в морском пространстве (US Navy, French Navy Ink Strategic Interoperability Framework), включающее совместные усилия по оперативному контролю и проецированию силы, а также обмена информацией⁴⁴⁷. Таким образом, Франция сохранила двустороннее взаимодействие в США, не стремясь интегрироваться в многосторонние структуры в ИТР. В случае с Австралией для возвращения отношений к нормальному состоянию было подписано соглашение о компенсации в 555 млн евро⁴⁴⁸. Уже в январе 2022 г. Франция, Австралия и Новая Зеландия работали совместно для преодоления чрезвычайной ситуации в Тонге в формате FRANZ⁴⁴⁹.

Франция в данном случае не смогла встроиться в систему безопасности, продвигаемую США, так как не готова к более агрессивным действиям в отношении Китая, в отличие от других партнеров США в регионе.

С точки зрения Великобритании АУКУС хорошо ложится в идею сохранения либерального международного порядка в условиях растущей угрозы со стороны Китая⁴⁵⁰. Таким образом, Великобритания сделала еще

⁴⁴⁷ US Navy, French Navy Ink Strategic Interoperability Framework // Naval News. 18.12.2021. URL: <https://www.navalnews.com/naval-news/2021/12/us-navy-french-navy-ink-strategic-interoperability-framework> (accessed: 15.08.2023).

⁴⁴⁸ Submarine crisis: Australia agrees to 555 million euro settlement with France's Naval Group // Le Monde.fr. 11.06.2022. URL: https://www.lemonde.fr/en/international/article/2022/06/11/submarine-crisis-australia-agrees-555-million-euro-settlement-with-france-s-naval-group_5986374_4.html (accessed: 15.08.2023).

⁴⁴⁹ Emergency humanitarian assistance to Tonga Joint Statement from FRANZ // France Diplomacy. 31.01.2022. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/tonga/article/emergency-humanitarian-assistance-to-tonga-joint-statement-from-franz-31-jan-22> (accessed: 15.08.2023).

⁴⁵⁰ Leoni Z. The End of the «Golden Era»? The Conundrum of Britain's Sino-American Relations // Journal of Current Chinese Affairs. 2022. Vol. 51. № 2. P. 313–326.

один шаг для возвращения в ИТР в новой роли, стремясь взять на себя часть полномочий по обеспечению безопасности в Индийском океане.

АУКУС стал примером нового для США формата, где в основе многостороннего соглашения лежало практическое сотрудничество, которое вписывалось в общие рамки американской политики сдерживания КНР. Военно-техническое сотрудничество с Австралией усиливает региональных партнеров США, позволяя более эффективно проецировать в регион мощь своих военно-политических союзов. Более того, АУКУС также вернул Великобританию в региональную систему безопасности, что позволяет США делегировать часть ответственности своему ближайшему глобальному союзнику.

«Партнеры в голубом Тихом океане» – новая форма минилатеральных форматов для США. 24 июня 2022 г. было объявлено о создании еще одного минилатерального формата в Индо-Тихоокеанском регионе. Данный формат включил в себя Австралию, Японию, Новую Зеландию, Великобританию и США и получил название «Партнеры в голубом Тихом океане» («Partners in the Blue Pacific»)⁴⁵¹. Данное объединение делает акцент на обеспечение безопасности в Океании, в том числе на первом этапе подразумевает выделение 2,1 млрд долл. на развитие региона. Основными целями формата стали: поддержка развития островов Тихоокеанского региона в период до 2050 г.; укрепление тихоокеанского регионализма и взаимодействие с Форумом тихоокеанских островов; расширение сотрудничества между странами региона и миром для решения неотложных проблем, таких как пандемия COVID-19 и растущее давление на свободный и открытый международных порядок, основанный на правилах

⁴⁵¹ Statement by Australia, Japan, New Zealand, the United Kingdom and the United States on the Establishment of the Partners in the Blue Pacific (PBP) // The official website of the White House. 24.06.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/24/statement-by-australia-japan-new-zealand-the-united-kingdom-and-the-united-states-on-the-establishment-of-the-partners-in-the-blue-pacific-pbp> (accessed: 18.08. 2023).

(rules-based free and open international order)⁴⁵². В сентябре 2022 г. на встрече министров иностранных дел желание присоединиться к встрече высказали Германия и Канада, также шла речь о потенциальном участии Франции и Южной Кореи.

Тихоокеанский форум, на который делается акцент, был создан в 1971 г., в него входят 18 стран региона. Также есть механизм партнеров по диалогу, среди которых изначально были Канада, Франция, Япония, Великобритания и Соединенные Штаты Америки, а с 1990-х гг. началось расширение партнеров и в настоящий момент их число достигло 21, включая Китай, ЕС и др.⁴⁵³ «Партнеры в голубом Тихом океане» фактически создает эксклюзивный закрытый клуб партнеров, которые получают право на формирование контуров тихоокеанского регионализма с общей целью – вытеснить Китай из региона.

Сами страны региона не поддержали американскую инициативу, сразу несколько политиков критически высказались относительно «Партнерства в голубом Тихом океане». Премьер-министр и министр иностранных дел Самоа Фиаме Наоми Матаафа заявила, что региональные группировки зачастую не учитывают мнение тихоокеанских стран и принимают инициативы без согласования с Форумом тихоокеанских стран. В частности, это касается Индо-Тихоокеанской экономической структуры, КВАД и др.⁴⁵⁴

Генеральный секретарь Форума тихоокеанских островов Генри Пуна заявил о значимости усилий Китая для развития региона, но также

⁴⁵² Statement by Australia, Japan, New Zealand, the United Kingdom and the United States on the Establishment of the Partners in the Blue Pacific (PBP) // The official website of the White House. 24.06.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/24/statement-by-australia-japan-new-zealand-the-united-kingdom-and-the-united-states-on-the-establishment-of-the-partners-in-the-blue-pacific-pbp> (accessed: 18.08.2023).

⁴⁵³ Forum Dialogue Partners // Pacific Islands Forum. URL: <https://www.forumsec.org/dialogue-partners/#:~:text=The%20Forum%20Dialogue%20Partner%20mechanism,in%20a%20dialogue%20with%20Forum> (accessed: 18.08.2023).

⁴⁵⁴ «No one asked us» – Samoa PM Mata'afa on geopolitics and the Pacific region // The official website of the Pacific News Service. 31.05.2022. URL: <https://pina.com.fj/2022/05/31/no-one-asked-us-samoa-pm-mataafa-on-geopolitics-and-the-pacific-region> (accessed: 18.08.2023).

обозначил, что важно уважать общие ценности Форума и сотрудничать с региональными механизмами⁴⁵⁵. Таким образом, США ограничивают суверенитет Форума и создают тихоокеанский регионализм, который исключает Китай, являющийся важным партнером по диалогу, и противоречат основополагающему принципу Форума «друзья для всех» («friends to all»)⁴⁵⁶. Говорить об эффективности данного формата еще рано. Очевидно, что это было ответом на недавние соглашения КНР с островными государствами, в том числе соглашение между КНР и Соломоновыми Островами. Как и в случае с АУКУС, важным является включение европейских союзников США в антикитайские коалиции в ИТР.

Индо-Тихоокеанская стратегия США дала импульс для реформирования региональной системы безопасности в Азии, опираясь на минилатеральные объединения. Новый подход характеризовался, прежде всего, попыткой объединить союзников США, с которыми были заключены двусторонние оборонные соглашения, лежащие в основе американоцентричной системы безопасности, для создания многосторонних форматов для более эффективного сдерживания КНР.

Одной из причин подобных трансформаций было желание США интегрировать вопросы безопасности, торгово-экономического, инвестиционного и технологического сотрудничества в единый формат взаимодействия.

Так, КВАД должен был стать «ядром» для Индо-Тихоокеанской стратегии США и проекта «Свободный и открытый ИТР», который был направлен на противодействие китайской инициативе «Один пояс, один путь» и снижение китайских инвестиций в страны ЮВА.

⁴⁵⁵ REMARKS: SG Puna to 2nd China-Pacific Foreign Ministers Meeting // The official website of the Pacific Islands Forum. 30.05.2022. URL: <https://www.forumsec.org/2022/05/30/remarks-sg-puna-to-2nd-china-pacific-foreign-ministers-meeting> (accessed: 18.08.2023).

⁴⁵⁶ Fry G., Kabutaulaka T., Wesley-Smith T. 'Partners in the Blue Pacific' initiative rides roughshod over established regional processes // Devpolicy Blog. 5.07.2022. URL: <https://devpolicy.org/pbp-initiative-rides-roughshod-over-regional-processes-20220705> (accessed: 18.08.2023).

АУКУС в это же время был призван не только повысить военно-технический потенциал Австралии для усиления ее возможностей по сдерживанию КНР в регионе, но и для обмена критически важными технологиями. В то же время соглашение позволило частично интегрировать Великобританию в региональную систему безопасности в ИТР. Данный формат взаимодействия был направлен на решение узкого круга задач, за счет чего он представляет собой более стабильную структуру, чем КВАД.

Также для США было важно противодействовать расширению китайского влияния среди островных государств Тихого океана. АУКУС частично также был направлен на решение этой задачи, однако для работы непосредственно с малыми странами Тихого океана был создан новый формат – «Партнеры в голубом Тихом океане», который также включал Великобританию и Австралию.

Однако действия США и их союзников были в большей степени реакционными. К моменту создания КВАД и началу переформатирования системы альянсов Китай уже являлся крупнейшим торговым партнером не только для стран региона, но и для участников американских альянсов. Также на развитии форматов сотрудничества негативно сказалась пандемия коронавируса, которая не позволила проводить совместные военные встречи.

3.2. Американско-китайская конкуренция в Азиатско-Тихоокеанском регионе

США и КНР вошли в активную фазу конкуренции после того, как в 2018 г. Д. Трамп объявил «торговую войну» Китаю, понимая, что необходимо предпринимать решительные меры в контексте процесса «властного транзита», который был запущен после того, как ВВП КНР по ППС достигло 80% от показателей США. Но уже в 2017 г., когда вышла новая Стратегия национальной безопасности, Китай по ВВП по ППС уже обогнал США. В Стратегии национальной безопасности Д. Трампа были обозначены контуры глобальной конкуренции США и КНР. Фактически уже тогда было объявлено, что Соединенные Штаты вступают в глобальную борьбу за сохранение статуса гегемона⁴⁵⁷. Ранее, в СНБ Б. Обамы, были сделаны попытки наладить отношения с Китаем и превратить его в стратегического партнера, однако они не увенчались успехом.

В 2017 г. также вышла книга, определившая глобальное восприятие американско-китайской конкуренции с точки зрения «теории властного транзита». Г. Аллисон в своей работе «Обречены воевать» на примере анализа 16 двусторонних противостояний в процессе «властного транзита» делает вывод о неизбежности «ловушки Фукидида» – исторической аналогии Пелопоннесской войны между усиливающимися Афинами (Делосский союз)

⁴⁵⁷ National Security Strategy 2022 // The official website of the White House. 12.10.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 20.08.2023).

и Спартой (Пелопоннесский союз), описанной древнегреческим историком Фукидидом⁴⁵⁸.

Фактически процесс, который привел к американо-китайской конкуренции, начался в конце XX в., когда Китай начал политику «реформ и открытости» и стал интегрироваться в глобальную экономическую систему. Встраиваясь в существующую систему международных отношений, КНР вступила в Институты Бреттон-Вудса в 1980 г., Азиатский банк развития в 1986 г., Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) в 2016 г.⁴⁵⁹, после 15 лет переговоров – в ВТО в 2001 г., открыв свою экономику для мировых ТНК и международного капитала. Таким образом, экономические успехи Китая были во многом поддержаны существующей глобальной экономической системой, которая позволила КНР занять место крупнейшего производителя и экспортера.

Принимая во внимание преимущества, которые КНР получает в рамках существующей системы, американский экономист К.Ф. Бергстен отмечал необходимость создания диалогового формата между США – лидером среди развитых стран, и КНР – лидером среди развивающихся стран, для более эффективного управления мировыми экономическими процессами⁴⁶⁰.

В 2015 г. Исполнительный совет МВФ принял решение о включении юаня в состав корзины валют специальных прав заимствования (СПЗ, или СДР), а Конгресс США, наконец, ратифицировал 14-й пересмотр квот МВФ.⁴⁶¹ Планировалось, что данные меры позволят сдержать КНР и развивающиеся страны в их стремлении реформировать мировую

⁴⁵⁸ Allison G. *Destined for war: Can America and China escape Thucydides's trap?* Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.

⁴⁵⁹ Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / под ред. проф. А.Д. Воскресенского; науч. ред. Д.А. Кузнецов / Федеральное гос. автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностранных дел Российской Федерации. М.: Стратегические изыскания, 2021. 576 с.

⁴⁶⁰ Bergsten C.F. Two's Company // *Foreign Affairs*. 2009, September–October. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2009-09-01/twos-company> (accessed: 10.08.2023).

⁴⁶¹ Дегтерев Д.А. Политическое влияние в международной финансовой системе // *Вестник международных организаций*. 2016. Т. 11. № 4. С. 77–105.

экономическую систему⁴⁶². Уже в 2018 г., после неудачи с созданием G2 и начавшейся вскоре торговой войны, Ф. Бергстен признал реалии «ловушки Фукидида» и выдвинул новые сценарии развития мирового порядка:

– G0 – мир, где США уже утратили свое лидерство, а Китай не смог или не захотел взять на себя роль глобального лидера;

– G1 – мир, где, рано или поздно, единственным лидером останется Китай;

– G2 – мир, где США и КНР договорились о сотрудничестве либо временно приостановили конкуренцию для пролонгации периода транзита власти⁴⁶³.

Со стороны Китая признание формата G2 стало бы открытой претензией на мировое лидерство, что противоречит одному из основных принципов китайской внешней политики, который был заложен еще при Дэн Сяопине: Китай не будет претендовать на гегемонию и стремиться занять место лидера.

В качестве ответа на идею создания G2 Си Цзиньпин предложил концепцию взаимовыгодных «отношений между великими державами нового типа» для развития сотрудничества и ухода от конфликтных ситуаций. В то же время Китай не был полностью удовлетворен существующим мировым порядком, поэтому, с одной стороны, он выдвигал взаимовыгодные форматы сотрудничества, такие как «Один пояс, один путь», а с другой – проводил жесткую политику в Южно-Китайском море в отношении спорных территорий⁴⁶⁴.

Из страны, принимающей все международные нормы (rule-taker), к 2010 г. Китай превратился в страну, которая уже оказывает влияние на

⁴⁶² Bergsten C.F., Freeman C., Lardy N.R., Mitchell D.J. China's rise: Challenges and opportunities. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2008.

⁴⁶³ Bergsten C.F. China and the United States: The contest for global economic leadership // China & World Economy. 2018. Vol. 26. № 5. P. 12–37.

⁴⁶⁴ Mastro O.S. In the shadow of the Thucydides trap: International relations theory and the prospects for peace in US-China relations // Journal of Chinese Political Science. 2019. Vol. 24. № 1. P. 25–45.

содержание данных норм (rule-changer), и, более того, к 2020 г. постепенно стал страной, формирующей международные нормы (rule-maker), особенно в ИТ-сфере. Если ранее в рамках своей «мягкой силы» и концепции Ван Хунина Китай продвигал исключительно культуру и образование, то в последние годы он перешел к трансляции своей «дискурсивной силы», то есть новых смыслов, норм и стандартов.⁴⁶⁵

Интерес КНР к изменению мирового порядка подтверждается увеличением научных исследований по данной теме. С 2010 г. в китайской наукометрической базе CNKI росло число научных публикаций, содержащих в названии словосочетание «мировой/глобальный порядок», при этом наибольшее количество статей было опубликовано в 2016 г.⁴⁶⁶ Данные статьи исследовали природу понимания мирового порядка на Западе (преимущественно в США) и в КНР, предлагая конкретные варианты развития китайской внешней политики, дипломатии и подходов к глобальному управлению.⁴⁶⁷

Перед китайским руководством и теоретиками внешней политики возникла необходимость обеспечить теоретическую основу для новых понятий, таких как «мирный подъем Китая», «гармоничный мир» и т.д., которые вошли в политический дискурс вместе с возвышением Китая.⁴⁶⁸ и концепцией «общего будущего человечества» как новой модели мироустройства.⁴⁶⁹

В сфере глобального экономического управления примером продвижения китаецентричных международных институтов и правил стало

⁴⁶⁵ Денисов И.Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 4. С. 42–52.

⁴⁶⁶ Chen Z., Zhang X. Chinese conception of the world order in a turbulent Trump era // The Pacific Review. 2020. Vol. 33. № 3-4. P. 438–468.

⁴⁶⁷ Chen Z., Zhang X. Chinese conception of the world order in a turbulent Trump era // The Pacific Review. 2020. Vol. 33. № 3-4. P. 438–468.

⁴⁶⁸ Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям. М.: Аспект Пресс, 2021. 304 с.

⁴⁶⁹ Семенов А.В., Цвык А.В. Концепция «общего будущего человечества» во внешнеполитической стратегии Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 8. С. 72–81.

создание в 2014 г. Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с долей КНР в уставном капитале в размере 30,8%, а при голосовании – в 26,6%, со штаб-квартирой в Пекине.⁴⁷⁰ Фактически АБИИ становится азицентричной альтернативой институтам Бреттон-Вудса, ведь на региональных членов банка приходится около 75% капитала, в отличие от доминирования США и их европейских союзников в МВФ. К АБИИ присоединились 5 из 7 членов «Группы семи», 15 из 19 членов «Группы двадцати», 26 из 37 членов ОЭСР и 41 из 60 членов Банка международных расчетов. То есть страны, формирующие ядро мировой экономики, уже вошли в состав китацентричного международного института. Ожидается, что в ближайшее время общее количество членов организации превысит 100.⁴⁷¹

Пока КНР удастся обеспечить максимально гладкий «транзит власти» в системе глобального экономического управления. В будущем возможно «перетекание» компетенций по управлению региональными инвестиционными проектами из системы Институтов Бреттон-Вудса в «матрицу» АБИИ по мере того, как доля данного банка в совместных инфраструктурных проектах, реализуемых с Институтами Бреттон-Вудса, будет постепенно возрастать. Данный процесс ускорится после реализации ряда практических шагов по интернационализации цифрового юаня. Так как доллар США до сих пор остается наиболее распространенным средством расчетов мире, КНР необходимо предложить более выгодную альтернативу для того, чтобы ускорить процесс дедолларизации.

Торговая война США и КНР. Торговая война между США и КНР

⁴⁷⁰ Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / под ред. проф. А.Д. Воскресенского; науч. ред. Д.А. Кузнецов / Федеральное гос. автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностранных дел Российской Федерации. М.: Стратегические изыскания, 2021. 576 с.

⁴⁷¹ Members and Prospective Members of the Bank. Asian Infrastructure Investment Bank // The Asian Infrastructure Investment Bank. 8.06.2023. URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/membersof-bank/index.html> (accessed: 29.05.2023).

включала в себя комплекс мер по сдерживанию технологического и экономического развития КНР за счет повышения тарифных ставок и ограничения рынков сбыта китайских товаров через повышение тарифов. В торговую войну были вовлечены многочисленные союзники США, которые становились участниками протекционистских программ, ограничивающих доступ КНР к технологиям и важным рынкам по всему миру. Исследователи из Института международной экономика Питерсона разделили ход торговой войны на 6 сфер, или, как они их называли, «битв»:

- 1) солнечные панели и стиральные машины, наносящие ущерб промышленности США;
- 2) сталь и алюминий как угроза национальной безопасности США;
- 3) несправедливые методы торговли технологиями и интеллектуальной собственностью;
- 4) автомобили как угроза национальной безопасности США;
- 5) незаконная миграция из Мексики;
- 6) обеспечение превосходства США в производстве полупроводников⁴⁷².

22 января 2018 г., руководствуясь решением комиссии по международной торговле, Д. Трамп ввел тарифы на импорт солнечных панелей на сумму 8,5 млрд долл. и стиральных машин на сумму 1,8 млрд долл., которые положили начало торговой войне США и КНР. Для правового обоснования данного решения была использован разд. 201 Закона о торговле от 1974 г., который с момента принятия использовался только 19 раз⁴⁷³. В ответ на это КНР ввела ограничения на импорт сои из США, нанеся удар по сельскохозяйственной отрасли США. В 2018 г. соя составляла 1,14% от

⁴⁷² Bown C., Kolb M. Trump's Trade War Timeline: An Up-to-Date Guide // ПИЕ. 31.12.2023. URL: <https://www.piie.com/blogs/trade-and-investment-policy-watch/trumps-trade-war-timeline-date-guide> (accessed: 20.04.2023).

⁴⁷³ Bown C.P. Donald Trump's Solar and Washer Tariffs May Have Now Opened the Floodgates of Protectionism // ПИЕ. 23.01.2018. URL: <https://www.piie.com/commentary/op-eds/donald-trumps-solar-and-washer-tariffs-may-have-now-opened-floodgates> (accessed: 20.08.2023).

экспорта США, более 19%, или 3,36 млрд долл., приходилось на Китай⁴⁷⁴. После этого последовали иски Южной Кореи и Китая в ВТО о незаконных тарифах на солнечные панели. Придя к власти в 2022 г., Дж. Байден изначально продлил действие тарифов, однако в 2022 г. приостановил их, разрешив импортировать солнечные панели из стран ЮВА⁴⁷⁵, таким образом дав возможность параллельного импорта китайских товаров.

Аналогичным образом 1 марта 2018 г. после расследования Министерства торговли, подтвердившего угрозу национальной безопасности США ввиду импорта стали и алюминия, Д. Трамп объявил о введении 10% тарифов на алюминий и 25% тарифов на сталь⁴⁷⁶. Данное решение повлияло не только на Китай, но и на других торговых партнеров США, которые экспортировали данные товарные позиции. 23 марта тарифы вступили в силу, и уже 2 апреля Китай принял ответные меры, введя ограничения на сталь, алюминий, фрукты, орехи, сою и свинину на общую сумму 2,4 млрд долл. В итоге США встречаются с серией ответных мер, принятых странами ЕС и Канадой, которые пострадали от таких действий. Более того, Китай, Канада, ЕС, Мексика и Турция обращаются в ВТО с исками. В 2022 г. ВТО приняла решение о том, что тарифы, введенные США, были необоснованными и не соответствуют правилам Организации⁴⁷⁷.

Одним из приоритетных направлений «торговой войны» было ограничение доступа КНР к технологиям и продуктам интеллектуальной

⁴⁷⁴ United States (USA) Exports, Imports and Trade Partners // The official website of the Observatory of Economic Complexity. URL: <https://oec.world/en/profile/country/usa?depthSelector1=HS6Depth&yearSelector1=2018> (accessed: 20.08.2023).

⁴⁷⁵ Declaration of Emergency and Authorization for Temporary Extensions of Time and Duty-Free Importation of Solar Cells and Modules from Southeast Asia // The official website of the White House. 6.06.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/06/declaration-of-emergency-and-authorization-for-temporary-extensions-of-time-and-duty-free-importation-of-solar-cells-and-modules-from-southeast-asia> (accessed: 20.08.2023).

⁴⁷⁶ Lynch D.J., Paletta D. Trump announces steel and aluminum tariffs Thursday over objections from advisers and Republicans // Washington Post. 23.10.2021. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/business/wp/2018/03/01/white-house-planning-major-announcement-thursday-on-steel-and-aluminum-imports> (accessed: 10.08.2023).

⁴⁷⁷ WTO circulates dispute panel reports regarding US duties on steel and aluminium products // WTO. 9.12.2022. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news22_e/544_552_556_564r_e.htm. (accessed: 20.08.2023).

собственности. После расследования в отношении Китая США вводят 25% тарифы на товары суммой 50 млрд долл. и подают иск в ВТО по причине нарушения прав интеллектуальной собственности. Параллельно вводятся санкции против крупнейших китайских производителей 5G оборудования – ZTE и Huawei.

8 марта 2016 г. ZTE была внесена в ограничительный список Положения об экспортном контроле. В этот список попали материнская компания и дочерние предприятия⁴⁷⁸. Через год ZTE был назначен штраф в размере 1,19 млрд долл. за несоблюдение санкций в сфере передачи технологий Ирану и Северной Корее. В 2018 г. после длительных консультаций на государственном уровне санкции с компании были сняты после уплаты штрафа, который вырос до 1,4 млрд долл.⁴⁷⁹ В 2019 г. были введены санкции против Huawei, ограничивающие торговлю технологиями с китайской компанией. В течение 2019–2020 гг. были введены санкции против руководства Huawei и против покупки компанией американского оборудования у зарубежных компаний, таким образом, придав санкциям международную значимость.

Китай ввел асимметричные 25%-ные тарифы на товары сельскохозяйственной промышленности и автомобили в ответ на ограничения технологических возможностей. Торговая война достигает своего апогея, США и КНР последовательно вводят тарифы на 10 и 20%, которые покрывают 200 млрд долл. китайского экспорта и 60 млрд долл. американского экспорта⁴⁸⁰. Страны начали переговоры, которые продолжились до января 2020 г., когда они договорились о поэтапном

⁴⁷⁸ Additions to the Entity List // The Daily Journal of the United States Government. 8.03.2016. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2016/03/08/2016-05104/additions-to-the-entity-list> (accessed: 20.08.2023).

⁴⁷⁹ Commerce Department Lifts Ban After ZTE Deposits Final Tranche of \$ 1,4 Billion Penalty // US Department of Commerce. URL: <https://2017-2021.commerce.gov/news/press-releases/2018/07/commerce-department-lifts-ban-after-zte-deposits-final-tranche-14> (accessed: 20.08.2023).

⁴⁸⁰ Wong D., Chipman Koty A. The US-China Trade War: A Timeline. 25.08.2020. URL: <https://www.china-briefing.com/news/the-us-china-trade-war-a-timeline> (accessed: 20.08.2023).

снижении тарифов и нормализации торгового баланса. Однако пандемия коронавируса не позволила в полной мере урегулировать этот конфликт.

Последним элементом «торговой войны» стали санкции против SMIC – крупнейшего китайского производителя полупроводников, ограничив ими доступ к программному обеспечению и оборудованию⁴⁸¹. Параллельно была усилена работа по развитию в США полупроводниковой отрасли при сотрудничестве с TSMC, которая сопровождалась усилением поддержки Тайваня и визитом Н. Пелоси на остров.

Конкуренция США и КНР в Индо-Тихоокеанском регионе. По мнению российского исследователя А.В. Виноградова, появление концепта «Индо-Тихоокеанского региона» можно рассматривать в качестве примера нового структурирования пространства и комплекса отношений между полюсами многополярного мира⁴⁸². Замена Азиатско-Тихоокеанского региона на Индо-Тихоокеанский в публичном, государственном и научном дискурсе сама по себе является проявлением геополитической конкуренции и конструирования нового регионального порядка. Для США Индо-Тихоокеанский регион является основной ареной для сдерживания растущего военно-политического влияния КНР. Этот тезис был подтвержден в Стратегии национальной безопасности США 2022 г., где было отмечено, что партнеры США в ИТР играют определяющую роль в сдерживании КНР, США будут поддерживать их за счет предоставления им необходимых ресурсов⁴⁸³. Как уже было раскрыто в предшествующих разделах, за последние десятилетия в регионе сформировалась уникальная региональная система безопасности, контуры

⁴⁸¹ Bown C. How the United States marched the semiconductor industry into its trade war with China // ПИЕ. 2020, December. URL: <https://www.piie.com/publications/working-papers/how-united-states-marched-semiconductor-industry-its-trade-war-china> (accessed: 20.08.2023).

⁴⁸² Виноградов А.В. Регионы и региональные центры силы в становлении многополярного мира / под общ. ред. А.Я. Касюка, И.К. Харичкина. // Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение: материалы Международной научно-практической конференции. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2019.

⁴⁸³ National Security Strategy 2022 // The official website of the White House. 12.10.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 20.08.2023).

которой в настоящее время определяются американо-китайской конкуренцией. Для решения региональных задач США опираются на поддержку трех основных региональных союзников – Японию, Южную Корею и Австралию, стремясь склонить на свою сторону Индию, в то время как Китай делает акцент на развитие отношений с Пакистаном, странами Юго-Восточной Азии и небольшими островными государствами Тихого океана. За счет изначально лучших позиций США обладают большим дипломатическим и военным влиянием в регионе, в то время как КНР опирается на экономическую мощь, стремясь перевести достижения в этой отрасли в политическую плоскость.

Основной плоскостью конкуренции в настоящее время стала борьба за поддержку региональных стран, в том числе стран АСЕАН, которые выступают ядром регионализации в Индо-Тихоокеанском регионе и по отдельности не обладают ресурсами, позволяющими эффективно проводить нейтральную политику. Более этого, эти страны заинтересованы, прежде всего, в экономическом развитии, так как не обладают высоким уровнем доходов и технологий, для этого им необходима поддержка других государств. В современных условиях такую поддержку им может дать либо Китай, либо либерально-демократический блок во главе с США.

Можно разделить стратегию КНР и США в Индо-Тихоокеанском регионе на два подхода: борьба за влияние в мирное время и вооруженный конфликт. В мирное время основной акцент делается на развитии системы альянсов и укреплении работы с региональными партнерами, которые могут оказывать США поддержку для положительного разрешения насущных вопросов в противовес КНР.

Целью такой стратегии является не достижение однозначной победы над КНР, а систематическое достижение выгодного для США результата в вопросах, затрагивающих интересы США.

В то же время для вооруженного конфликта единственной целью может стать полная политическая и военная победа над КНР, которая может быть достигнута только за счет превосходства США в балансе интересов и балансе потенциалов⁴⁸⁴.

Сравнение стратегий США во время конкуренции в мирное время и во время вооруженного конфликта с КНР представлено в табл. 3.1.

Таблица 3.1

Сравнение стратегий США во время конкуренции в мирное время и во время вооруженного конфликта с КНР

	Борьба за влияние в мирное время	Вооруженный конфликт
Цель США	Поощрять согласованность действий партнеров (постоянная взаимная поддержка партнеров США) по основным вопросам, включая рекомендации по отказу от поддержки Китая в тех случаях, когда это может нанести ущерб интересам или позициям США	Политическая и военная победа над Китаем
Объект деятельности США	Партнеры	Китай
Инструменты достижения цели	Степень общности интересов партнера с США (по сравнению с Китаем) и относительные возможности США по стимулированию или принуждению партнера (по сравнению с Китаем)	Баланс интересов и баланс возможностей США и Китая
Ожидаемый результат	Отсутствие единой, однозначной и окончательной победы. В качестве альтернативы США постоянно стремятся заручиться поддержкой партнеров («победами») в отношении важных решений	Однозначная победа над Китаем в политической и военной сферах

Источник: Bonny Lin, Chase M.S., Blank J. et al. Regional Responses to

⁴⁸⁴ Lin B., Chase M., Blank J. et al. Regional Responses to US- China Competition in the Indo-Pacific: Study Overview and Conclusions // RAND Corporation. 2020. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR4412 (accessed: 14.08.2023).

US-China Competition in the Indo-Pacific: Study Overview and Conclusions. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2020. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR4412 (accessed: 14.08.2023).

Исходя из этих задач, для США наиболее актуальным является включение стран региона в американские форматы взаимодействия. Есть несколько критериев оценки эффективности американских региональных союзов, среди которых – участие в военных учениях, размещение военных баз, подписание оборонительных соглашений, обмен информацией в сфере военных технологий и участие в операциях по обеспечению свободы судоходства⁴⁸⁵.

Наиболее широкомасштабными учениями в ИТР можно назвать учения «Cobra Gold»⁴⁸⁶. Данные учения стабильно проводятся США с 1982 г. на территории Таиланда, в них принимают участие как страны ИТР, так и страны Европы.

В Австралии проводятся военные учения «Talisman Saber», в которых, помимо США, принимают участие Великобритания, Канада, а также страны ИТР: Новая Зеландия, Южная Корея, Япония⁴⁸⁷. Индия в данных операциях участвует только в качестве наблюдателя⁴⁸⁸.

С Филиппинами США проводят военные учения «Balikatan», которые направлены на борьбу с внешними угрозами⁴⁸⁹. Примечательно, что данные учения в 2021 г. прошли на фоне напряженности между Филиппинами и

⁴⁸⁵ Рамич М.С., Горбиль П.Р., Коростелева Е.И. Трансформация американоцентричной системы региональной безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе 2012–2020 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 81–95.

⁴⁸⁶ Мишин И.О. Политика США в Южно-Китайском море во время президентства Д. Трампа // Пути к миру и безопасности. 2020. № 1. С. 46–62.

⁴⁸⁷ Алешин А.А. Внешнеполитическая стратегия Австралии: средняя держава в высококонкурентной среде // Анализ и прогноз: журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 2. С. 63–75.

⁴⁸⁸ США начали в Австралии крупные учения Talisman Saber // ТАСС. 14.07.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11905631> (дата обращения: 24.06.23).

⁴⁸⁹ Маневры Филиппин и США пройдут без мероприятий на море // ТАСС. 13.04.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11132221> (дата обращения: 24.08.23).

Китаем по вопросу нахождения китайских судов у архипелага Спратли, на который Филиппины имеют территориальные притязания⁴⁹⁰.

Военно-морские учения «Malabar», которые первоначально проводились в двустороннем формате между США и Индией, на сегодняшний день расширили количество участников. С 2020 г. учения проводятся на базе стран – участниц КВАД, что показывает намерения правительства Дж. Байдена продолжить политику Д. Трампа в отношении «азиатского НАТО». Японию и Австралию можно считать стратегическими союзниками США, но, несмотря на расширяющееся сотрудничество, отношения США и Индии не так однозначны⁴⁹¹.

Командно-штабные учения проводятся совместно США и Южной Кореей, в первую очередь, в рамках сил Объединенного командования⁴⁹².

Таким образом, страны ИТР, которые во многом соглашаются с политикой США в регионе, принимают участие и в военных учениях.

Американские военные базы присутствуют в Австралии, Таиланде, Южной Корее и Японии. До 1991 г. американские военные базы также были и на территории Филиппин, однако из-за роста антиамериканских настроений местные власти решили отказаться от продления пребывания американцев на территории страны, и военные базы США были закрыты или переданы под контроль филиппинских военных.

Американское влияние на новозеландских военных базах было лишь во времена Второй мировой войны, когда США боролись с Японией за контроль акватории Тихого океана. После окончания войны США не присутствовали на территории Новой Зеландии в качестве военного союзника.

⁴⁹⁰ Королев А., Стрельникова И. Территориальный спор в Южно-Китайском море: есть ли свет в конце туннеля, или перспективы решения конфликта: Аналитический бюллетень // ЦКЕМИ ВШЭ. 2021. URL: <https://cecis.hse.ru/data/2021/07/14/1419227800/>

Аналитический%20бюллетень%20по%20ЮОКМ.pdf (дата обращения: 12.08.2023).

⁴⁹¹ Батюк В.И. Индо-Тихоокеанская стратегия США и Евразия // Актуальные проблемы Европы. 2021. №. 1. С. 135–153.

⁴⁹² Mission of the ROK / US Combined Forces Command // United States Forces Korea. URL: <https://www.usfk.mil/About/Combined-Forces-Command> (accessed: 24.10.22).

В Индии же никогда не было американских баз, и вероятность того, что на индийской территории появятся военные объекты других государств, очень мала. Для американской стороны в данном случае важна возможность разделения сфер ответственности в рамках системы международной безопасности в бассейне Индийского океана.

США подписали двусторонние оборонительные соглашения с Японией, Южной Кореей, Филиппинами и трехсторонний оборонительный договор АНЗЮС с Австралией и Новой Зеландией.

При этом стоит отметить, что Новая Зеландия дистанцировалась от АНЗЮС в связи с объявлением на своей территории безъядерного статуса в 1986 г. В конце 2012 г. Новая Зеландия разрешила американским военным кораблям присутствовать в своих территориальных водах.

После появления нового альянса АУКУС, элементом которого является сотрудничество в сфере атомной энергетики, а именно – производство атомных подводных лодок, может серьезно повлиять на дальнейшие взаимоотношения между Новой Зеландией и США, ведь Новая Зеландия не готова отказаться от своего безъядерного статуса, в связи с чем возникает конфликт интересов.

В 1951 г. США и Филиппины обязались защищать друг друга в случае активной внешней угрозы. Также США имели право на размещение военных баз на территории Филиппин. В 2014 г. были подписаны Соглашение о посещении войск ⁴⁹³ и Соглашение о расширенном оборонном сотрудничестве ⁴⁹⁴, в которых были укреплены союзнические отношения между странами, однако США запрещается хранить ядерное оружие и иметь собственные военные базы на территории Филиппин.

⁴⁹³ Visiting Forces Agreement // Chan Robles. 1998. URL: <https://www.chanrobles.com/visitingforcesagreement2.htm#.YZVfyi96Cu4> (accessed: 01.05.2023).

⁴⁹⁴ Agreement between the Government of the Republic of the Philippines and the Government of the United States of America on Enhanced Defense Cooperation (EDCA) // The official gazette of the Republic of the Philippines. 28.04.2014. URL: <https://www.officialgazette.gov.ph/downloads/2014/04apr/20140428-EDCA.pdf> (accessed: 01.06.2023).

Соглашение между Южной Кореей и США было подписано в октябре 1953 г.⁴⁹⁵ Согласно этому договору, США имеют право дислоцировать свои войска и базы на территории Южной Кореи, также обе стороны готовы способствовать защите друг друга в случае нападения извне.

США отстаивают идею продвижения свободы судоходства в ИТР. Главной причиной является способность быстрой передислокации военных кораблей для урегулирования ситуации в случае возникновения кризиса. США используют операции по обеспечению свободы судоходства с 1979 г., но особенно активно этот инструмент политического давления стал использоваться в 2010-е гг., когда этого требовала политика по сдерживанию Китая⁴⁹⁶. Несмотря на приверженность принципам свободы судоходства, союзники США не всегда оказывают им открытую поддержку, так как операции могут вызвать крайне негативную реакцию со стороны КНР. Из всех региональных союзников только Австралия единожды приняла участие в FONOP в 2015 г.⁴⁹⁷

Участие в данных операциях является одним из важнейших критериев поддержки США в противодействии растущему влиянию Китая. Уклонение стран от участия в операциях по свободе судоходства обусловлено их неготовностью вступать в открытую конфронтацию с Пекином.

Также важна согласованность интересов США и КНР с региональными партнерами. В докладе RAND группа экспертов оценила согласованность общих приоритетов США и Китая со странами Юго-Восточной Азии, выявив, что Сингапур, Индонезия, Филиппины и Вьетнам – это наиболее приоритетные партнеры для США, которые содействуют достижению

⁴⁹⁵ Mutual Defense Treaty Between the United States and the Republic of Korea 1953 // The official website of US Forces Korea. 1.10.1953. URL: https://www.usfk.mil/Portals/105/Documents/SOFA/H_Mutual%20Defense%20Treaty_1953.pdf (accessed: 10.06.2023).

⁴⁹⁶ 张景全, 潘玉: 美国«航行自由计划»与中美在南海的博弈 [Zhang Jingquan, Pan Yu. The US Freedom of Navigation Programme and the US-China Game in the South China Sea] // 国际观察 [International Observations]. 2016. Iss. 2. P. 87–99.

⁴⁹⁷ Australia conducting 'freedom of navigation' flights in South China Sea // BBC. 15.12.2015. URL: <https://www.bbc.com/news/world-australia-35099445> (accessed: 17.06.2023).

большинства военных и невоенных целей в регионе. Малайзия и Таиланд занимают умеренную позицию, в то время как Бруней и Лаос не работают с США ни по одному из форматов.

В случае с КНР Таиланд, Бруней и Малайзия демонстрируют наибольшую согласованность позиций, в то время как наименьшее совпадение интересов наблюдается в отношениях с Брунеем, который практически не взаимодействует ни с КНР, ни с США⁴⁹⁸.

Китай в большинстве своем использует экономические и финансовые методы для развития партнерских отношений со странами региона, а также обладает недоступным для США инструментарием этнических общин в странах с наибольшим числом этнических китайцев, таких как Сингапур, Малайзия, Индонезия и др.⁴⁹⁹.

На данном этапе США сложно конкурировать с КНР в торгово-экономической сфере. Уже к началу «торговой войны» единственными странами Азии, для которых КНР не была основным торговым партнером, были Афганистан и Бутан⁵⁰⁰. Сказывается и участие стран региона в инициативе «Один пояс, один путь» и большие объемы кредитования со стороны АБИИ и китайских банков. Поэтому для США необходимо взаимодействовать со странами региона на их собственных условиях, основываясь на позитивной экономической и политической повестке дня, а не рассматривать их как производную от американо-китайской конкуренции⁵⁰¹.

⁴⁹⁸ Lin B., Chase M., Blank J. et al. Regional Responses to US- China Competition in the Indo-Pacific: Study Overview and Conclusions // RAND Corporation. 2020. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR4412 (accessed: 14.08.2023).

⁴⁹⁹ Lukin A.V. Sino-US Rivalry in the Asia-Pacific: Declarations and Actual Policies // Russia in Global Affairs. 1.01.2023. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/sino-us-rivalry-in-asia-pacific> (accessed: 20.08.2023).

⁵⁰⁰ Dollar D. Diplomacy: Can China See the Global Public Good? // Democracy: A Journal of Ideas. 2019. № 52. URL: <https://democracyjournal.org/magazine/52/diplomacy-can-china-see-the-globalpublic-good> (accessed: 20.08.2023).

⁵⁰¹ Stromseth J. Don't make us choose: Southeast Asia in the throes of US-China rivalry // Brookings. October, 2019. URL: <https://www.brookings.edu/articles/dont-make-us-choose-southeast-asia-in-the-throes-of-us-china-rivalry> (accessed: 20.08.2023).

В 2022 г. США предложили проект Индо-Тихоокеанской экономической структуры (ИТЭС), а страны региона продолжили развитие ТТП в новом формате (ВПТТП). Данные объединения в настоящее время не способны конкурировать с ВРЭП. При этом КНР не отрицает возможности присоединения к ВПТТП в случае отсутствия противодействия со стороны стран-участниц⁵⁰².

Изначально концепт Индо-Тихоокеанского региона создавался для более эффективного сдерживания растущего потенциала КНР, поэтому он стал основным местом американо-китайской конкуренции.

На двустороннем уровне конфликт США и КНР протекает в торговой-экономической и технологической плоскостях. В то время как на глобальном уровне происходит формирование двух блоков стран, разделяющих разные подходы к глобальному управлению. Китай придерживается более справедливой многосторонней модели, в то время как США стремятся сохранить порядок, основанный на правилах, где доминирующее положение занимают развитые страны.

В то же время наибольшие усилия по силовому сдерживанию Китая приходится именно на Индо-Тихоокеанский регион. Для Китая важное значение имеет сотрудничество со странами своего региона и стабильность и безопасность морских торговых путей, на которые приходится большая часть китайской внешней торговли. США за счет расширения сети союзов и усиления своего военного потенциала и военного потенциала союзников в регионе ограничивает возможности Китая на этом направлении.

Современная американская стратегия строится на сочетании сотрудничества в экономической и военной сферах в рамках минилатеральных объединений. Китай уделяет больше внимания развитию торго-

⁵⁰² Тимофеев О. А., Шарипов Ф. ф. Обострение китайско-американской конкуренции по проблеме миропорядка: эволюция взглядов китайских ученых // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 2 С. 26–40.

экономического сотрудничества и реализации инвестиционных проектов в регионе, создавая благоприятные условия для реализации своих глобальных инициатив. Такой подход позволяет КНР строить «стратегические точки опоры» и балансировать усилия США в политической и военной сферах.

3.3. Тенденции развития системы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе в контексте глобальных трансформаций

В 2020 г. началась пандемия коронавируса COVID-19, которая оказала значительное влияние на мировую экономику и торговлю. Дж. Най в статье, которая вышла через несколько месяцев после начала пандемии, сделал вывод, что пандемия окажет значительное влияние на перестройку международного порядка, возглавляемого США, и его основным трендом будут отношения США и КНР⁵⁰³. Первоначально эпицентром пандемии была КНР, которая играла системообразующую роль в региональной и глобальной торговле, поэтому именно Азиатско-Тихоокеанский регион столкнулся с наибольшими вызовами, связанными с новым международным кризисом. Помимо экономической составляющей снизилась и военная готовность стран региона, так как они были вынуждены отказаться от регулярных военных учений. Это затронуло учения США с Южной Кореей, Филиппинами и Австралией. Помимо военного аспекта такие учения позволяли отрабатывать совместные действия при чрезвычайных ситуациях, что повысило риски для преодоления будущих кризисов⁵⁰⁴.

На раннем этапе пандемия стала причиной еще большей фрагментации региона и деления его на проамериканский и прокитайский блоки, усилив

⁵⁰³ Nye J. No, the Coronavirus Will Not Change the Global Order // Foreign Policy. 16.04.2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/04/16/coronavirus-pandemic-china-united-states-power-competition> (accessed: 20.08.2023).

⁵⁰⁴ Kim J., Yu J., French E. How COVID-19 Will Reshape Indo-Pacific Security // The Diplomat. 24.08.2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/07/how-covid-19-will-reshape-indo-pacific-security> (accessed: 10.06.2023).

интеграцию Индии, США и Японии в рамках «свободного и открытого ИТР»⁵⁰⁵. В то же время при поддержке Китая активизировался процесс создания Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), которое стало крупнейшей в мире зоной свободной торговли, объединив АСЕАН и другие страны Азии. Соглашение было подписано в ноябре 2020 г. и сразу стало одним из основных фокусов мировой экономической повестки. Несмотря на участие Австралии и Японии в объединении, Индия отказалась от членства, что в значительной мере снизило влияние сторонников Индо-Тихоокеанской стратегии в рамках региональной экономической интеграции⁵⁰⁶. Одной из причин отказа Индии называется неготовность экономики страны к либерализации торговли, к которой стремились страны ВРЭП. Оставаясь вне интеграционного процесса, Индия может более эффективно конкурировать с Китаем, чтобы обеспечить внутреннее развитие промышленности и экономики⁵⁰⁷.

Говоря о политическом взаимодействии, именно пандемия коронавируса стала отправной точкой для расширения сотрудничества в рамках КВАД. Для решения насущных проблем к четырем изначальным членам формата присоединились Южная Корея, Вьетнам и Новая Зеландия, образовав КВАД+⁵⁰⁸. Таким образом, формат расширился для борьбы с общей угрозой, сохраняя при этом антикитайскую настроенность. Изначально именно эти страны выступали ядром американской Индо-Тихоокеанской стратегии, и институциональное оформление было лишь вопросом времени. Однако, учитывая опыт развития КВАД на протяжении

⁵⁰⁵ Basu T. Sino-US Disorder: Power and Policy in Post-COVID Indo-Pacific // *Journal of Asian Economic Integration*. 2020. № 2 (2). P. 159–179.

⁵⁰⁶ Horimoto T. Indo-Pacific Order and Japan–India Relations in the Midst of COVID-19 // *Journal of Asian Economic Integration*. 2020. Vol. 2. № 2. P. 140–158.

⁵⁰⁷ Pandalai S. The Indo-Pacific Consensus: The Past, Present and Future of India’s Vision for the Region // *India Quarterly*. 2020. Vol. 78. № 2. P. 189–209.

⁵⁰⁸ Smith J.M. How America Is Leading the «Quad Plus» Group of 7 Countries in Fighting the Coronavirus // *The Heritage foundation*. 1.04.2020. URL: <https://www.heritage.org/global-politics/commentary/how-america-leading-the-quad-plus-group-7-countries-fighting> (accessed: 20.05.2023).

более чем 15 лет, говорить о росте влияния в ближайшей перспективе невозможно. Наиболее уязвимым звеном остается Индия, которая стремится к стратегической автономности, балансируя между форматами США и БРИКС, ШОС, не вступая в открытую конфронтацию с Китаем.

Стоит отметить также, что США запустили ряд программ для оказания помощи странам АТР для того, чтобы сохранить координацию с региональными партнерами через USAID, DFC (International Development Finance Corporation) и Агентство США по торговле и развитию (USTDA). В частности, USAID усилило работу по сохранению демократических режимов и защите прав человека в странах ИТР, так как, по оценкам американских экспертов, положение дел ухудшилось из-за усиления авторитарных решений, ужесточения контроля над населением и фактора цифрового контроля⁵⁰⁹.

Деятельность американских агентств в сфере расширения помощи странам АТР можно разделить на следующие составляющие:

- создание системы инвестиционных проектов для решения инфраструктурных проблем в ИТР;
- расширение деятельности USAID для создания фундамента для проектной деятельности и развития бизнеса;
- через инструменты USTDA развитие связей между американскими компаниями и компаниями региона для оказания помощи на всех этапах проектов;
- через инструменты DFC содействовать привлечению инвестиций для частного сектора в целях развития инфраструктуры и устойчивого экономического роста;
- через международный формат «Сеть голубых точек» развивать

⁵⁰⁹ Dong E., Du H., Gardner L. An interactive web-based dashboard to track COVID-19 in real time // The Lancet Infectious Diseases. 2020. Vol. 20. № 5. P. 533–534.

инфраструктурные проекты и содействовать укреплению межгосударственных отношений в сфере привлечения благонадежных инвестиций;

– создание Стратегического инвестиционного фонда для Индо-Тихоокеанского региона, задачей которого будет предоставление региону грантов на развитие цифровой инфраструктуры. Новый фонд должен использовать опыт USAID в области технической помощи, расширенные возможности DFC по предоставлению кредитных гарантий и более широкие инвестиционные инструменты для создания цифровой инфраструктуры в Индо-Тихоокеанском регионе, способствующей долгосрочному доступу к капиталу и созданию благоприятных условий для ведения бизнеса. Такой фонд может софинансировать проекты совместно с Азиатским банком развития и другими региональными союзниками, такими как Япония и Австралия, для дальнейшего расширения пула финансирования. Страны, получающие гранты из Фонда стратегических инвестиций, могут стать участниками Договора о цифровой связи, который обеспечит соответствие цифровой инфраструктуры страны стандартам качества;

– противодействовать китайской инициативе «Один пояс, один путь», в том числе «Цифровой шелковый путь». Оказывать содействие в создании благоприятной бизнес-среды, способствующей вовлечению частного сектора США в цифровое взаимодействие в Индо-Тихоокеанском регионе, чтобы китайские телекоммуникационные компании не заняли их место⁵¹⁰.

Китай во время пандемии продолжил реализовывать свою внешнюю политику, используя экономические методы и гуманитарное сотрудничество. В частности, огромное влияние оказали поставки китайских вакцин в страны региона в то время, когда страны Запада не могли этого сделать. За счет

⁵¹⁰ Runde D.F., Savoy C.M., Murphy O. Post-pandemic Infrastructure and Digital Connectivity in the Indo-Pacific // Center for Strategic and International Studies (CSIS). 1.11.2020. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep26994> (accessed: 20.08.2023).

успехов в преодолении пандемии внутри Китая китайская экономика была способна продолжать двустороннюю торговлю, позиционируя свою внешнеполитическую деятельность как путь к экономическому восстановлению. Китай также смог использовать свои медиа ресурсы, чтобы на дискурсивном уровне противодействовать негативному образу, продвигаемому западными странами⁵¹¹.

Китай смог добиться реальных успехов в реализации так называемой «масочной дипломатии», поставляя медицинское оборудование и средства индивидуальной защиты странам Юго-Восточной Азии, включая наиболее уязвимые Лаос, Камбоджу, Мьянму и Индонезию, работая как со странами, так и с международными организациями. Широкое развитие получила международная программа «Шелковый путь здоровья», которая реализовывалась в рамках ОПОП⁵¹². Такой подход позволил Китаю превратить пандемию в возможность усилить свое гуманитарное влияние в регионе, улучшив восприятие страны как среди населения, так и среди политических элит.

Наибольших успехов удалось добиться в Камбодже, Лаосе, Таиланде и Мьянме, в то время как страны, находящиеся в состоянии территориальных споров с Китаем, такие как Вьетнам, сохранили антикитайские настроения и настороженно отнеслись к китайской помощи⁵¹³.

Китай использовал стратегию, аналогичную той, которая наблюдалась во время всемирного экономического кризиса 2008–2009 гг., когда страны Запада, решая собственные проблемы, не были способны оказать помощь развивающимся странам Азии, пострадавшим от экономических потрясений.

⁵¹¹ Chinese Diplomacy in Southeast Asia during the COVID-19 Pandemic // Asia Society. 2022, July. URL: <https://asiasociety.org/policy-institute/chinese-diplomacy-southeast-asia-during-covid-19-pandemic> (accessed: 12.07.2023).

⁵¹² Mirajiah R. China's Foreign Aid to Countries in Southeast Asia During The Covid-19 Pandemic Massa // International Journal of Education, Information Technology and Others (IJEIT). 2022. Vol. 5. № 3. P. 19–30.

⁵¹³ Valdman S.M. Fighting COVID-19: China's soft power opportunities in mainland Southeast Asia // Asialink. 27.05.2021. URL: <https://asialink.unimelb.edu.au/insights/fighting-covid-19-chinas-soft-power-opportunities-in-mainland-southeast-asia> (accessed: 23.08.2023).

В случае с пандемией Китай также смог консолидировать усилия для противодействия кризисным явлениям внутри страны и выделить высвободившиеся ресурсы для оказания поддержки соседям по региону тогда, когда она им была необходима.

Важным также является факт согласованности позиций России и Китая относительно глобального и регионального баланса сил, расширения НАТО и односторонних действий США. Это подтвердилось во время визита В.В. Путина в Китай в феврале 2022 г., где лидеры двух стран сделали совместное заявление «о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии», в котором страны подтвердили свою приверженность построения подлинной многосторонности и усиления роли ООН и СБ ООН в условиях, когда «некоторые силы, представляющие меньшинство на мировой арене, продолжают отстаивать односторонние подходы к решению международных проблем и прибегать к силовой политике, практикуя вмешательство во внутренние дела других государств, нанося ущерб их законным правам и интересам, провоцируя противоречия, разногласия и конфронтацию, препятствуя развитию и прогрессу человечества, что вызывает неприятие со стороны международного сообщества»⁵¹⁴. Уже в мае 2022 г. Россия и Китай провели совместные военно-морские учения в Японском море, Восточно-Китайском море и западной части Тихого океана, показав готовность действовать совместно и в регионе ИТР⁵¹⁵.

После начала Специальной военной операции России на Украине в феврале 2022 г. администрация Дж. Байдена в определенной мере

⁵¹⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии // Президент России: официальный сайт. 4.02.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 21.08.2023).

⁵¹⁵ China and Russia hold first military exercise since Ukraine invasion // Reuter. 24.05.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/china-russia-hold-first-military-exercise-since-ukraine-invasion-2022-05-24> (accessed: 21.08.2023).

сфокусировала внешнеполитические усилия США на действия по сдерживанию России в европейском регионе. Однако, общая линия по сдерживанию растущего влияния КНР была продолжена. Напряженность в Азиатско-Тихоокеанском регионе, связанная с американо-китайской конкуренцией, продолжила выступать одним из значимых факторов в сфере региональной безопасности.

Одним из приоритетных направлений для США осталось технологическое сдерживание КНР. Международными партнерами в этом процессе выступили Япония, Южная Корея и Тайвань, которые занимают ключевые места в глобальных цепочках производства высокотехнологичных товаров. Страны Юго-Восточной Азии стали выступать посредниками США и КНР в торговле рядом товаров, попадающим под экспортные ограничения.

В октябре 2022 г. Бюро промышленности и безопасности США подготовило новый набор экспортных ограничений, направленных на сдерживание усилий КНР по использованию новейших микропроцессоров с поддержкой технологий ИИ для модернизации возможностей вооруженных сил. В октябре 2023 г. была выпущена обновленная версия документа, расширяющая возможности США. Данные документы конкретизировали параметры чипов, которые попадают под действия запрета и также ограничил экспорт для компаний со штаб-квартирами в КНР и странах, для которых действует американское эмбарго на поставки вооружения⁵¹⁶. Важными партнерами США в многостороннем сдерживании КНР в данной сфере выступили Япония, Южная Корея, Тайвань и Нидерланды. В последнем случае определяющую роль сыграла компания ASML (Нидерланды), которая является одним из монополистов на рынке литографических систем, клиентами которого выступают крупнейшие

⁵¹⁶ Updated October 7 Semiconductor Export Controls // CSIS. 18.10.2023. URL: <https://www.csis.org/analysis/updated-october-7-semiconductor-export-controls> (accessed: 21.11.2023).

производители полупроводников.⁵¹⁷

Также в 2022 г. был принят закон CHIPS, который в СМИ окрестили «кремниевой блокадой» Китая⁵¹⁸. США таким образом ограничили Китаю потенциал развития в контексте новой промышленной революции, так как для производства чипов необходимо литографическое оборудование. США стремятся не только ограничить возможность производства чипов в КНР, но и возможность приобрести их для своих компаний, так как крупнейший в мире производитель чипов, на которого приходится до 90%, – это тайваньская TSMC (Тайвань), которая активно сотрудничает с США⁵¹⁹. Ранее чтобы продвигать и укреплять позиции США в глобальной полупроводниковой индустрии в 2021 г. был создан альянс «Semiconductors in America Coalition»⁵²⁰, где объединились ведущие американские компании.

Ассиметричным ответом со стороны КНР на американские действия стали ограничения на экспорт галлия и германия, которые используются в производстве, как гражданских, так и военных товаров. США, в свою очередь, полностью зависят от импорта данных элементов⁵²¹. Основной удар от данных ограничений пришелся на сектора ВИЭ, электрокаров и производство полупроводников. Однако, США сохранили возможность перестройки глобальных цепочек поставок для нивелирования последствий китайской политики.

Экономические противоречия между США и КНР способствовали переносу части производственных мощностей в страны Юго-Восточной Азии,

⁵¹⁷ How ASML became Europe's most valuable tech firm // BBC. 21.02.2023. URL: <https://www.bbc.com/news/business-64514573> (accessed: 21.11.2023).

⁵¹⁸ 'An Act of War': Inside America's Silicon Blockade Against China // The New York Times. 12.07.2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/07/12/magazine/semiconductor-chips-us-china.html> (accessed: 20.08.2023).

⁵¹⁹ Clark D., Browning K. In Phoenix, a Taiwanese Chip Giant Builds a Hedge Against China: Technology // The New York Times. 6.12.2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/12/06/technology/tsmc-chips-factory-phoenix.html> (accessed: 20.08.2023).

⁵²⁰ Semiconductors Industry Association // Semiconductors.org. URL: <https://www.semiconductors.org/> (accessed: 21.11.2023).

⁵²¹ Understanding China's Gallium Sanctions // CSIS. 07.07.2023. URL: <https://www.csis.org/analysis/understanding-chinas-gallium-sanctions> (accessed: 21.11.2023).

которые выступили промежуточным звеном между конкурирующими сторонами. В период с 2018 по 2022 г. импорт США из стран АСЕАН вырос на 65%, в то время как импорт из КНР сократился⁵²². В этот же период наблюдалось увеличение объемов торговли КНР и стран АСЕАН. Причинами таких изменений стали следующие факторы.

Во-первых, тенденции повышения роли ЮВА в торговле с США и КНР указывает на возможное перераспределение торговых потоков. Страны ЮВА в условиях торговой войны получили возможность реэкспорта товаров с китайской добавленной стоимостью в США, тем самым получая выгоду от посредничества.

Во-вторых, инвесторы из США и других стран хеджируют риски и, понимая тенденцию на продолжение торгово-экономического противостояния США и КНР, стремятся инвестировать в другие страны АТР, которые потенциально могут стать местом для размещения производства.

В-третьих, китайские инвесторы видят в странах ЮВА возможность обхода торговых ограничений и также предпринимают попытки переноса производственных мощностей из КНР в указанные страны. Помимо этого, в ряде случаев – это позволяет сократить производственные издержки, связанные со стоимостью оплаты труда.

В политической сфере страны Юго-Восточной Азии столкнулись с необходимостью выбора стороны, что делает более сложными попытки сохранять нейтралитет и сохранять сбалансированные отношения одновременно с КНР и США. Ранее одной из наиболее распространенных стратегий было сочетание сотрудничества в экономической сфере с КНР с сотрудничеством в сфере безопасности с США, однако, к началу 2020-х такой подход становится менее эффективным из-за интеграции политических

⁵²² More Than 90% of North American Companies Have Relocated Production and Sourcing Over the Past Five Years // BCG. 21.09.2023. URL: <https://www.bcg.com/press/21september2023-north-american-companies-have-relocated-production-sourcing-over-past-five-years> (accessed: 25.11.2023).

интересов в формат экономического сотрудничества.

В сфере военно-политической безопасности в АТР основными точками напряженности остаются регион Южно-Китайского моря и Тайвань. Как уже говорилось ранее, новый виток напряженности вокруг Тайваня произошел в 2022 г., когда состоялся визит Ненси Пелоси на Тайвань. Министр иностранных дел КНР Ван И назвал визит пересечением «красных линий» Китая, поэтому это событие стало серьезной провокацией со стороны США⁵²³. Китай не предпринял решительных мер в отношении США, ограничившись масштабными учениями вокруг Тайваня, однако подобный обмен «ударами» со стороны стратегических соперников сформировал новый «статус-кво»⁵²⁴. Новое измерение конфликт получил после начала Специальной военной операции России на Украине в феврале 2022 года, так как ряд экспертов начал работать над анализом применимости опыта данного конфликта для возможного военного столкновения в Тайваньском проливе⁵²⁵.

⁵²³ Roy, D. US Policy Toward Taiwan Should Emphasize Substance, Not Fanfare // East-West Center. 19.07.2022. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep42165> (accessed: 25.05.2023).

⁵²⁴ Haenle P., Sher N. How Pelosi's Taiwan Visit Has Set a New Status Quo for US-China Tensions // Carnegie Endowment for international peace. 17.08.2022. URL: <https://carnegieendowment.org/2022/08/17/how-pelosi-s-taiwan-visit-has-set-new-status-quo-for-us-china-tensions-pub-87696> (accessed: 23.08.2023).

⁵²⁵ A Defense of Taiwan with Ukrainian Characteristics: Lessons from the war in Ukraine for the Western Pacific // Institute for the Study of War. 30.10.2024. URL: <https://www.understandingwar.org/backgrounder/defense-taiwan-ukrainian-characteristics-lessons-war-ukraine-western-pacific> (accessed: 15.12.2024).

Выводы по главе 3

В середине 2010-х гг. американо-китайская конкуренция стала нервом мировой политики, что в значительной мере сказалось на системе безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Причиной для обострения американо-китайской конкуренции стало вступление двух государств в состояние «транзита власти» после значительных успехов политики «реформ и открытости» в КНР, которые вывели Китай на место второй экономики мира.

Изначальная стратегия США при Б. Обаме подразумевала превращение Китая в стратегического партнера и создание формата G2, но Китай не принял условия США и выдвинул свой собственный подход – «отношения между великими державами нового типа». Это стало причиной «перебалансировки» США в Азию и реформирования американской системы союзов в регионе через создание минилатеральных союзов для сдерживания растущего влияния Китая, таких как КВАД и АУКУС.

Стратегия Китая заключалась в развитии экономического сотрудничества со странами региона через инициативу «Один пояс, один путь». Если США в стратегии отталкивались от наиболее развитых стран региона, то Китай сделал акцент на развивающихся странах, которые были заинтересованы в экономическом развитии и китайских кредитах. Таким образом, Китай решал сразу несколько задач: усиливал экономические связи со странами региона, улучшал инфраструктуру для развития глобальной

торговли и хеджирования рисков, связанных с морскими грузоперевозками, и улучшал образ Китая как ответственной мировой державы, заинтересованной в строительстве многополярного мира и устойчивом развитии.

К моменту прихода Д. Трампа на пост Президента США стало очевидно, что Китай достиг значительных успехов в торгово-экономической сфере, став основным торговым партнером для большинства стран мира, что стало причиной начала активной фазы американо-китайского противостояния. В 2017 г. началась «торговая война» между США и КНР, которая привела не только к ухудшению отношений между странами, но и перестройке глобальных производственных цепочек. США использовали санкции и политическое влияние, создавая барьеры для китайских товаров и инвестиций, а также блокировали Китаю доступ к технологиям, необходимым для новой промышленной революции. В дальнейшем при Дж. Бадене США предложили новый формат регионального взаимодействия – Индо-Тихоокеанскую экономическую структуру, которая противопоставлялась китайским проектам.

Основным полем для региональной конкуренции стали страны Юго-Восточной Азии, которые балансировали между США и КНР, пытаясь получить лучшие условия для своего развития. Китай был наиболее успешен в развитии отношений с Камбоджей, Лаосом и Мьянмой, в то время как США опирались на Вьетнам, Малайзию, Индонезию и Таиланд. Интересный кейс представляет из себя Сингапур, который играет важную роль в координации экономических и финансовых потоков в процессе реализации инициативы «Один пояс, Один путь», но в то же время политически поддерживает США и их региональные проекты.

В итоге США сформировали в регионе сеть соглашений и объединений, направленных на сдерживание КНР в различных областях. Ядром Индо-Тихоокеанской стратегии США стали страны КВАД и присоединившиеся к

ним позднее Южная Корея, Вьетнам и Новая Зеландия. Позднее был создан АУКУС, который добавил новое измерение военно-техническому сотрудничеству в регионе и включил Великобританию в региональную стратегию сдерживания Китая. Аналогичным образом «Партнеры в голубом Тихом океане» включало в себя Великобританию и ряд европейских стран для сдерживания амбиций КНР в Океании и купирования опасений, связанных с заключением пакта по безопасности между КНР и Соломоновыми Островами.

В 2020 г. новым вызовом для региона стала пандемия коронавируса, которая усилила процесс фрагментации и разделения стран региона на коалиции, заинтересованные в сотрудничестве с США и КНР. Китай использовал гуманитарную помощь и экономические инструменты для поддержки стран, наиболее уязвимых перед глобальными вызовами. Поставки СИЗов и «Шелковый путь здоровья» смогли значительно повысить авторитет Китая среди развивающихся стран региона и укрепить доверие к китайским инициативам. Параллельно была усилена поддержка ВРЭП, который был в итоге создан осенью 2020 г.

Страны АТР, в частности Япония и Южная Корея, стали важными партнерами США в политике технологического сдерживания КНР. В 2022–2023 гг. акцент в данной сфере был сделан на ограничении возможностей КНР по импорту полупроводников и микропроцессоров для развития ИИ технологий и модернизации собственных вооруженных сил. США также продолжили взаимодействие с Тайванем, который выступает в качестве одного из наиболее значимых элементов в цепочках производства полупроводников.

В 2022г. начался новый виток напряженности, связанный с визитом делегации США во главе со спикером Палаты представителей Конгресса США Н. Пелоси на Тайвань. В ответ на действия США КНР провела

масштабные военные учения и опубликовала Белую книгу о тайваньском вопросе и деле воссоединения Китая в новую эпоху.

В то же время США использовали собственные инструменты для реализации своих программ помощи, защиты демократии и ограничения фактора цифрового авторитаризма. Основными инструментами стали американские агентства развития, которые при координации с Азиатским банком развития формировали пространство для инвестиционного и экономического сотрудничества в противовес Китаю. Важным проектом стала «Сеть голубых точек», направленная на ограничение доступа китайским инвестициям на рынки стран Индо-Тихоокеанского региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе выявлены основные характеристики и особенности формирования региональной системы безопасности в АТР, оказывающие влияние на условия развития стратегической конкуренции США и КНР в региональном разрезе. Установившийся после Второй мировой войны «Сан-Францисский» региональный порядок создал условия для становления США в качестве основного провайдера безопасности в АТР. Лидерство США поддерживалось сетью двусторонних оборонительных соглашений – системой «ось и спицы» («Hub and Spokes»), позволяющей координировать действия с региональными партнерами и поддерживать постоянное присутствие американского военного контингента в регионе. Основными партнерами США в этом процессе выступали Япония, Австралия, Южная Корея и Филиппины.

Выявлено, что такой статус-кво сохранялся до окончания «холодной войны» и начала экономического подъема Китая, который смог накопить достаточно экономических и политических ресурсов для начала процесса пересмотра регионального миропорядка.

В работе показана специфика развития сети военно-политических альянсов в АТР в 2002–2022 гг. в контексте интенсификации американо-китайской стратегической конкуренции. Продемонстрированы различия в подходах и стратегических концепциях США при Дж. Буше (мл.), Б. Обаме, Д. Трампе и Дж. Байдене, переход от умеренного сдерживания через

стратегию «балансирования на шельфе» к расширению сети минилатеральных региональных альянсов.

США, осознавая, что их влияние в регионе снижается и для сохранения регионального и глобального лидерства необходимо переходить к более активной стратегии сдерживания КНР, начали процесс реформирования региональной системы альянсов в АТР. Во-первых, на концептуальном уровне термин «Азиатско-Тихоокеанский регион» был заменен на «Индо-Тихоокеанский регион», сместив приоритет в сторону Индии, которая должна была стать ключевым партнером для сдерживания КНР в бассейне Индийского океана. Во-вторых, был создан ряд минилатеральных объединений, таких как КВАД, АУКУС и «Партнеры в голубом Тихом океане». Параллельно были запущены региональные инициативы в торгово-экономической, финансовой и технологической сферах, такие как ТТП, ИТЭС, «Сеть голубых точек» и СНР4. В-третьих, в 2017 г. была начата торговая война, основной целью которой было заблокировать Китаю доступ к технологиям, необходимым для новой промышленной революции, и ограничить темпы роста экономики страны. Создание технологической блокады Китая происходило и на государственном уровне через повышение тарифов, и на частном уровне через санкции против технологических компаний Китая, таких как ZTE, Huawei и SMIC. Параллельно США при поддержке TSMC запустили процесс расширения возможностей собственной полупроводниковой отрасли.

В работе проанализирован фактор влияния экономического подъема КНР на региональную систему международных отношений в АТР. Выявлено, что экономический подъем Китая стал основным региональным трендом в АТР в начале 2000-х гг. и к началу 2010-х гг. превратился в определяющий тренд мирового развития. Этот процесс позволил лидерам КНР реализовывать более активную внешнюю политику, выдвигая новые

концепции мироустройства. В 2003 г. была выдвинута идея «мирного возвышения» Китая, которая получила глубокую теоретическую проработку и была развита в теорию «гармоничного мира», которая стала первой попыткой Китая предложить свой взгляд на систему универсальных ценностей. Это стало концептуальным вызовом для мирового либерально-демократического порядка, который поддерживался как основа международной системы, возглавляемой США и западными странами. Поэтому в ответ на развитие китайских концепций активно развивались теория «китайской угрозы» и идея «скорого краха китайского экономического чуда».

К 2010-м гг. Китай стал второй экономикой мира после США, усилив свое политическое влияние и военный потенциал. Это явилось причинами корректировки американской политики и начала «перебалансировки» в Азию для сохранения своего статуса регионального лидера и глобального гегемона. Попытка «разделить мир» через формат G2 не увенчалась успехом, так как Китай ответил выдвижением своей концепции «отношений между великими державами нового типа».

В 2012–2013 гг. Китай выдвинул новую внешнеполитическую концепцию – «Сообщество единой судьбы человечества», и две глобальные инициативы – «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI в.», полноценно включившись в процесс изменения системы глобального управления. Эти события запустили активную фазу американо-китайской конкуренции в контексте «транзита власти».

В условиях торговой войны, перестройки глобальных экономических и финансовых потоков и формирования новых политических блоков во главе с США и КНР, страны региона оказались перед выбором. В то же время США и КНР стремились как можно сильнее углубить взаимодействие со странами региона, чтобы обеспечить их политическую поддержку в период «транзита

власти» и пересмотра системы глобального управления. Выявлено, что наиболее активно американо-китайская конкуренция проявляется в Юго-Восточной Азии и протекает в плоскости борьбы за контроль над стратегически важными инфраструктурными объектами и развития сотрудничества со странами региона в процессе перестройки региональных цепочек добавленной стоимости. КНР на данном направлении теоретически руководствуется концепцией комплексной безопасности и отдает приоритет сотрудничеству в рамках инициативы «Один пояс, один путь». США адаптируют свою стратегию сдерживания под новые реалии, интегрируя глобальных стратегических партнеров, таких как Великобритания, в региональную систему безопасности.

Автор делает вывод, что к 2022 г. в регионе лидирующим государством в сфере обеспечения безопасности выступают США, которые активно используют сеть военно-политических альянсов для поддержания существующего регионального баланса сил. Китай является ведущим в экономической сфере, выступая основным торговым партнером для большинства стран региона и реализуя полномасштабные экономические проекты, и стремится к пересмотру существующего баланса сил и системы глобального управления.

Американо-китайская конкуренция в АТР выступает одним из определяющих трендов в мировой политике и оказывает влияние на динамику региональных и глобальных международных процессов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБИИ – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций.

АБР – Азиатский банк развития.

АНЗЮС – Тихоокеанский пакт безопасности (Австралия, Новая Зеландия, Соединенные Штаты Америки) (ANZUS – Australia, New Zealand, United States).

АПЛ – атомная подводная лодка.

АСЕАН – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (ASEAN – Association of Southeast Asian Nations).

АРФ – Региональный форум АСЕАН.

АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион.

АТЭС – Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество.

АУГ – авианосная ударная группа.

АУКУС – трехсторонний пакт безопасности (Австралия, Великобритания, Соединенные Штаты Америки) (AUKUS – Australia, United Kingdom, United States).

АфБР – Африканский банк развития.

БИМСТЕК – инициатива стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации (BIMSTEC – Bay of Bengal Initiative for Multi-Sectoral Technical and Economic Cooperation).

БРИКС – межгосударственное объединение Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР (BRICS – Brazil, Russia, India, China, South Africa).

ВБ – Всемирный банк.

ВВП – внутренний валовой продукт.

ВМС – военно-морские силы.

ВНД – валовой национальный доход.

ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения.

ВПТТП – Всеобъемлющее прогрессивное Транстихоокеанское партнерство.

ВРЭП – Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство.

ВТО – Всемирная торговая организация.

ВУЗ – высшее учебное заведение.

ГА ООН – Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций.

ДВЗЯИ – Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

ЕБРР – Европейский банк реконструкции и развития.

ЕС – Европейский союз.

Ж/Д – железные дороги.

ИБОР-ОМУ – Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения.

ИИ – искусственный интеллект.

ИКАО – Международная организация гражданской авиации (ICAO – International Civil Aviation Organization).

ИСО – Международная организация по стандартизации (International Organization for Standardization, ISO).

ИТ – информационные технологии.

ИТР – Индо-Тихоокеанский регион.

ИТЭС – Индо-Тихоокеанская экономическая структура.

КВАД – Четырехсторонний диалог по безопасности (QUAD)

КНДР – Корейская Народно-Демократическая республика.

КНР – Китайская Народная Республика.

КПК – Коммунистическая партия Китая.

МАБР – Межамериканский банк развития.

МАР – Международная ассоциация развития.

МБР – Международный банк развития.

МБРР – Международный банк реконструкции и развития.

МВФ – Международный валютный фонд.

МГИМО – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ.

МГУ – Московский государственный университет.

МИД – Министерство иностранных дел.

МОТ – Международная организация труда.

МСЭ – Международный союз электросвязи.

МФСР – Международный фонд сельскохозяйственного развития.

МЭК – Международная электротехническая комиссия.

НАТО – Организация Североатлантического договора (NATO – North Atlantic Treaty Organization).

НАФТА – Североамериканское соглашение о свободной торговле (NAFTA – North American Free Trade Agreement).

НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

НИУ ВШЭ – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

НОАК – Народно-освободительная армия Китая.

ОАЭ – Объединенные Арабские Эмираты.

ОДКБ – Организация Договора о коллективной безопасности.

ООН – Организация Объединенных Наций.

ОПОП – инициатива «Один пояс, один путь».

ОЭС – Организация экономического сотрудничества.

ОЭСР – Организация экономического сотрудничества и развития.

ПИИ – прямые иностранные инвестиции.

ППС – паритет покупательской способности.

ПРО – противоракетная оборона.

РАН – Российская академия наук.

РУДН – Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

РФ – Российская Федерация.

СБ ООН – Совет Безопасности Организации Объединенных Наций.

СВА – Северо-Восточная Азия.

СВМДА – Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии.

СДР – Специальные права заимствования (SDR – Special Drawing Rights).

СЕАТО – Организация договора Юго-Восточной Азии (SEATO – South-East Asia Treaty Organization).

СИЗ – средство индивидуальной защиты.

СМИ – средства массовой информации.

СНБ – Совет национальной безопасности.

СНГ – Содружество независимых государств.

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.

СПЗ – специальные права заимствования.

СРВ – Социалистическая Республика Вьетнам.

СССР – Союз Советских Социалистических Республик.

СУАР – Синьцзян-Уйгурский автономный район.

США – Соединенные Штаты Америки.

ТНК – транснациональная компания.

ТТП – Транс-Тихоокеанское партнерство.

ФАО – Продовольственная и сельскохозяйственная организация (Food

and Agriculture Organization, FAO).

ЦК КПК – Центральный Комитет Коммунистической партии Китая.

ШОС – Шанхайская организация сотрудничества.

ЮВА – Юго-Восточная Азия.

ЮКМ – Южно-Китайское море.

ЮНЕСКО – Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, UNESCO).

ЮНИДО – Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (United Nations Industrial Development Organization, UNIDO).

ЮНКТАД – Конференция ООН по торговле и развитию (United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD).

ЮТР – Южно-Тихоокеанский регион.

3GPP 3rd Generation Partnership Project – Проект партнерства третьего поколения.

5G5th Generation – Стандарт связи пятого поколения.

ABCANZ (American, British, Canadian, Australian and New Zealand Armies' Program) – Программа технического сотрудничества армий США, Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии.

АИВ (Asian Infrastructure Investment Bank) – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций.

ANZUS (Australia, New Zealand, United States) – Австралия, Новая Зеландия, Соединенные Штаты Америки, Тихоокеанский пакт безопасности.

АПЕС, Asia-Pacific Economic Cooperation – Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество.

ASEAN, Association of Southeast Asian Nations – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии.

ASML, Advanced Semiconductor Materials Lithography – литография

передовых полупроводниковых материалов.

AUKUS, Australia, United Kingdom, United States – Австралия, Великобритания, Соединенные Штаты Америки, Трехсторонний пакт безопасности.

CHIP4 – Альянс производителей полупроводников (США, Япония, Южная Корея, Тайвань).

CHIPS, Clearing House Interbank Payments System – система межбанковских электронных клиринговых расчетов (КНР).

CNKI, China National Knowledge Infrastructure – Китайская национальная инфраструктура знаний.

COVID-19 (Coronavirus disease 2019) – коронавирусная инфекция 2019 г.

CSI, Container Security Initiative – Инициатива по безопасности контейнеров.

DFC, Development Finance Corporation – Корпорация финансового развития.

EDL, Electricite du Laos – электричество Лаоса.

EDLT, Electricite du Laos Transmission – передача электроэнергии Лаоса.

FRANZ – Трилатеральное объединение Франции, Австралии и Новой Зеландии.

G2Group-2 – Большая двойка (США и КНР).

IoT, Internet of Things – интернет вещей.

ISPS, International Ship& Port Facility Security Code – Международный кодекс по охране судов и портовых средств.

MDA, Maritime Domain Awareness – осведомленность в морской сфере.

MSI, Micro-Star International – «Микро-Стар Интернешнл».

NATO, North Atlantic Treaty Organization – Организация

Североатлантического договора.

NORAD, North American Aerospace Defense Command – Командование воздушно-космической обороны Северной Америки.

OEC, Organization for Economic Co-operation – Организация экономического сотрудничества.

PSI, Proliferation Security Initiative – Инициатива по безопасности распространения.

QUAD, Quadrilateral Security Dialogue – четырехсторонний диалог по безопасности.

RAND, Research and Development – «Исследования и разработка».

RMSI, Regional Maritime Security Initiative – Региональная инициатива морской безопасности.

RSCI, Russian Science Citation Index – Российский индекс научного цитирования.

SEATO, South-East Asia Treaty Organization – Организация договора Юго-Восточной Азии.

SMIC, Semiconductor Manufacturing International Corporation – Международная корпорация по производству полупроводников (КНР).

TSMC, Taiwan Semiconductor Manufacturing Company – Тайваньская компания по производству полупроводников.

UNODA, United Nations Office for Disarmament Affairs – Управление Организации Объединенных Наций по вопросам разоружения.

US, United States – Соединенные Штаты Америки.

USAID, United States Agency for International Development – Агентство США по международному развитию.

USD, United States dollar – доллар Соединенных Штатов Америки.

USINDOPACOM, United States Indo-Pacific Command – Индо-Тихоокеанское командование США.

USPACOM, United States Pacific Command – Тихоокеанское командование США.

USS, United States Ship – корабль Соединенных Штатов.

USTDA, US Trade and Development Agency – Агентство США по торговле и развитию.

ZTE, Zhong Xing Telecommunication Equipment – Компания – производитель телекоммуникационного оборудования Чжун Син.

БИБЛИОГРАФИЯ

Официальные документы и нормативно-законодательные источники

а) на русском языке

1. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 г.: офиц. текст // МИД КНР: официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ww.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата обращения: 19.02.2023).
2. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.): офиц. текст // United nations: официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 12.06.2023).
3. Полный текст Устава КПК, принятого с частичными поправками 19-м Всекитайским съездом КПК: офиц. текст // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации: официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/ztbd/19sjd/201711/t20171104_3112909.htm (дата обращения: 28.01.2023).
4. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии: офиц. текст // Президент России: официальный сайт. 4.02.2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 21.08.2023).
5. Соглашение между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества о региональной антитеррористической

структуре от 6.06.2002: офиц. текст // Президент России: официальный сайт. 6.06.2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/3864> (дата обращения: 14.06.2023).

б) на английском языке

6. «Confluence of the Two Seas»: Speech by H.E.Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of Indian: the official text // MOFA of Japan. August 22, 2007. [Electronic resource]. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html> (accessed: 27.07.2023).

7. A Free and Open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision: the official text // The official website of the US Department of State. 4.11.2019. [Electronic resource]. URL: <https://www.state.gov/a-free-and-open-indo-pacific-advancing-a-shared-vision/> (accessed: 21.08.2023).

8. About ADB: the official // ADB. [Electronic resource]. URL: <https://www.adb.org/who-we-are/about> (accessed: 21.07.2023).

9. About ReCAAP Information Sharing Centre Combating maritime robbery, sea piracy Vision: the official text // The official website of the Regional Cooperation Agreement on Combating Piracy and Armed Robbery against Ships in Asia. [Electronic resource]. URL: https://www.recaap.org/about_ReCAAP-ISC (accessed: 21.07.2023).

10. Additions to the Entity List: the official text // The Daily Journal of the United States Government. 8.03.2016. [Electronic resource]. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2016/03/08/2016-05104/additions-to-the-entity-list> (accessed: 20.08.2023).

11. Agreement between the Government of the Republic of the Philippines and the Government of the United States of America on Enhanced Defense Cooperation (EDCA): the official text // The official gazette of the Republic of the Philippines. 28.04.2014. [Electronic resource]. URL: <https://www.official>

gazette.gov.ph/downloads/2014/04apr/20140428-EDCA.pdf (accessed: 01.06.2023).

12. Announcement of «Partnership for Quality Infrastructure: Investment for Asia's Future»: the official text // The official website of the Ministry of Foreign Affairs of Japan. 21.05.2015. [Electronic resource]. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/oda/page18_000076.html (accessed: 09.02. 2023).

13. Australia in the Asian century: White paper: the official text // The official website of the Government of Australia. 29.10.2012. [Electronic resource]. URL: https://www.defence.gov.au/whitepaper/2013/docs/australia_in_the_asian_century_white_paper.pdf (accessed: 09.07.2023).

14. Australia-India-Japan-US Consultations on the Indo-Pacific: the official text // The official website of the US Department of State. 12.11.2017. [Electronic resource]. URL: <https://www.state.gov/australia-india-japan-u-s-consultations-on-the-indo-pacific> (accessed: 18.08.2023).

15. China's Policies on Asia-Pacific Security Cooperation: the official text // The State Council Information Office of the People's Republic of China. 2017, January. [Electronic resource]. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2017/01/11/content_281475539078636.htm (accessed: 10.06.2024).

16. Commerce Department Lifts Ban After ZTE Deposits Final Tranche of \$1,4 Billion Penalty: the official text // US Department of Commerce. [Electronic resource]. URL: <https://2017-2021.commerce.gov/news/press-releases/2018/07/commerce-department-lifts-ban-after-zte-deposits-final-tranche-14> (accessed: 20.08.2023).

17. CSI: Container Security Initiative: the official text // The official website of the US Customs and Border Protection. [Electronic resource]. URL: <https://www.cbp.gov/border-security/ports-entry/cargo-security/csi/csi-brief> (accessed: 12.06.2023).

18. Declaration of Emergency and Authorization for Temporary Extensions of Time and Duty-Free Importation of Solar Cells and Modules from Southeast Asia: the official text // The official website of the White House.

6.06.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/06/declaration-of-emergency-and-authorization-for-temporary-extensions-of-time-and-duty-free-importation-of-solar-cells-and-modules-from-southeast-asia> (accessed: 20.08.2023).

19. Defence White Paper. 2013: the official text // The official website of the Government of Australia. 2013. [Electronic resource]. URL: https://www.defence.gov.au/Whitepaper/2013/docs/WP_2013_web.pdf (accessed: 09.07.2023).

20. Defense White Paper. Commonwealth of Australia: the official text // The official website of the Government of Australia. 2016. [Electronic resource]. URL: <https://www.defence.gov.au/WhitePaper/Docs/2016-Defence-White-Paper.pdf> (accessed: 08.07.2023).

21. Foreign Policy White Paper. 2017: the official text // The official website of the Government of Australia. 2017. [Electronic resource]. URL: <https://www.dfat.gov.au/publications/minisite/2017-foreign-policy-white-paper/fp-whitepaper/index.html> (accessed: 08.07.2023).

22. Foreign Policy White Paper. Opportunity, Security, Strength. 2017: the official text // Department of Foreign Affairs and Trade. 29.11.2017. [Electronic resource]. URL: <https://www.timebase.com.au/news/2017/AT04505-article.html> (accessed: 30.10.2022).

23. H.R.2479 – Taiwan Relations Act – 96th Congress (1979–1980): the official text // The official website of US Congress. [Electronic resource]. URL: <https://www.congress.gov/bill/96th-congress/house-bill/2479> (accessed: 19.06.2023).

24. Indian Maritime Doctrine 2009: the official text // The official website of the Indian Navy. 2009. [Electronic resource]. URL: <https://www.indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian-Maritime-Doctrine-2009-Updated-12Feb16.pdf> (accessed: 01.07.2023).

25. Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region: the official text // The official website of the US

Department of Defense. 1.06.2019. [Electronic resource]. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/department-of-defense-indo-pacific-strategy-report-2019.PDF> (accessed: 09.06.2023).

26. Japan National Defense Program Guidelines for FY 2011 and Beyond. Approved by the Security Council and the Cabinet on December 17, 2010: the official text // The official website of Prime Minister's Office of Japan. 17.12.2010. [Electronic resource]. URL: https://www.mod.go.jp/e/d_act/d_policy/pdf/guidelinesFY2011.pdf (accessed: 09.08.2023).

27. Japan Security Policy. Multilayered Security Cooperation: the official text // The official website of the Ministry of Foreign Affairs of Japan. 5.04.2023. [Electronic resource]. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page1we_000085.html (accessed: 08.06.2023).

28. Japan-US Security Treaty: the official text // The official website of Ministry of foreign affairs of Japan. 19.01.1960. [Electronic resource]. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/q&a/ref/1.html> (accessed: 28.07.2023).

29. Joint Communiqué between the United States and China, 1972: the official text // The official website of the Wilson Center. 1972. [Electronic resource]. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/joint-communicue-between-united-states-and-china> (accessed: 10.07.2023).

30. Joint Statement by the United States of America and the Republic of Singapore: the official text // The official website of the White House. 24.10.2017. [Electronic resource]. URL: <https://sg.usembassy.gov/remarks-president-trump-prime-minister-lee-singapore-joint-statements-october-23-2017> (accessed: 17.03.2023).

31. Korea Service Corps Agreement. 1966: the official text // The official website of US Forces Korea. 23.02.1966. [Electronic resource]. URL: https://www.usfk.mil/Portals/105/Documents/SOFA/B_KSC.Agreement&Agreed.Understandings.pdf (accessed: 10.06.2023).

32. Mutual Defense Treaty Between the United States and the Republic of

Korea. 1953: the official text // The official website of US Forces Korea. 1.10.1953. [Electronic resource]. URL: https://www.usfk.mil/Portals/105/Documents/SOFA/H_Mutual%20Defense%20Treaty_1953.pdf (accessed: 10.06.2023).

33. National Defense Program Guidelines for FY 2019 and Beyond. Approved by the Security Council and the Cabinet on December 18, 2018: the official text] // The official website of Cabinet Secretariat of Japan. 18.12.2018. [Electronic resource]. URL: http://www.cas.go.jp/jp/siryou/pdf/2019boueikeikaku_e.pdf (accessed: 09.06.2023).

34. National Security Strategy 2017: the official text // The official website of Trump White House. 2017, December. [Electronic resource]. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 18.08.2023).

35. National Security Strategy. 2013: the official text // The official website of the Cabinet Secretariat of Japan. 17.12.2013. [Electronic resource]. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-e.pdf> (accessed: 09.07.2023).

36. National Security Strategy. 2022: the official text // The official website of the White House. 12.10.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 20.08.2023).

37. On the «Arc of Freedom and Prosperity» an address by H.E. Mr. Taro Aso, Minister for Foreign Affairs on the Occasion of the 20th Anniversary of the Founding of the Japan Forum on International Relations, Inc. // The official website of the Ministry of Foreign Affairs of Japan. 12.03.2017. [Electronic resource]. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/pillar/address0703.html> (accessed: 18.08.2023).

38. PM Narendra Modi's keynote speech at plenary session of WEF in Davos 2018: the official text // The Indian Express. 24.01.2018. [Electronic resource]. URL: <https://indianexpress.com/article/india/full-text-pm-modis->

- keynote-speech-at-plenary-session-of-davos-wef-5036533 (accessed: 10.06.2023).
39. Potsdam Declaration Proclamation Defining Terms for Japanese Surrender issued at Potsdam, 1945, July 26: the official text // The official website of National Diet Library. 26.07.1945. [Electronic resource]. URL: <https://www.ndl.go.jp/constitution/e/etc/c06.html> (accessed: 10.07.2023).
40. President Xi Jinping Delivers Important Speech and Proposes to Build a Silk Road Economic Belt with Central Asian Countries // The official website of the Consulate-General of the People's Republic of China in Toronto. 7.09.2013. [Electronic resource]. URL: http://toronto.china-consulate.gov.cn/eng/zgwxw/201309/t20130913_7095490.htm. (accessed: 10.08.2023).
41. Priority Policy for Development Cooperation (Archives): the official text // The official website of the Ministry of Foreign Affairs of Japan. 25.05.2017. [Electronic resource]. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/oda/page23e_000435.html (accessed: 09.06.2023).
42. Priority Policy for Development Cooperation. FY 2017: the official text // The official website of the Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2017, April. [Electronic resource]. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000259285.pdf> (accessed: 09.06.2023).
43. Proliferation Security Initiative: the official text // The official website of the US Department of State. 31.05.2003. [Electronic resource]. URL: <https://www.state.gov/proliferation-security-initiative> (accessed: 12.07.2023).
44. Quad Leaders' Joint Statement: «The Spirit of the Quad»: the official text // The official website of the White House. 12.03.2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03> (accessed: 12.07.2023).
45. Remarks by National Security Advisor Ambassador John R. Bolton on the Trump Administration's New Africa Strategy: the official text // The official website of the White House. 13.12.2018. [Electronic resource]. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-national-security-advisor-ambassador-john-r-bolton-trump-administrations-new-africa-strategy>

(accessed: 15.08.2023).

46. Remarks By President Obama to the Australian Parliament: the official text // The official website of the White House. 17.11.2011. [Electronic resource]. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament> (accessed: 25.08.2023).

47. Remarks by President Trump at APEC CEO Summit: the official text // The official website of the White House. 10.11.2017. [Electronic resource]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-da-nang-vietnam> (accessed: 18.06.2023).

48. Remarks by SG Puna to 2nd China-Pacific Foreign Ministers Meeting: the official text // The official website of the Pacific Islands Forum. 30.05.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.forumsec.org/2022/05/30/remarks-sg-puna-to-2nd-china-pacific-foreign-ministers-meeting> (accessed: 18.08.2023).

49. Sino-Japanese Treaty of Peace and Friendship: the official text // The official website of Ministry of Foreign Affairs of China. [Electronic resource]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/ziliao_665539/3602_665543/3604_665547/200011/t20001117_697803.html (accessed: 19.06.2023).

50. Sino-Pakistan Boundary Agreement of 1963: the official text // The official website of International Journal of Kashmir Studies. [Electronic resource]. URL: <http://prfjk.org/wp-content/uploads/books/historical-doc/China-Pakistan%20frontier%20agreement%201963.pdf> (accessed: 26.06.2023).

51. Speech by Chinese President Xi Jinping to Indonesian Parliament: the official text // The official website of the ASEAN China Centre. 2.10.2013. [Electronic resource]. URL: http://www.asean-china-center.org/english/2013-10/03/c_133062675.htm (accessed: 10.08.2023).

52. Statement by Australia, Japan, New Zealand, the United Kingdom and the United States on the Establishment of the Partners in the Blue Pacific (PBP): the official text // The official website of the White House. 24.06.2022. [Electronic

resource]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/24/statement-by-australia-japan-new-zealand-the-united-kingdom-and-the-united-states-on-the-establishment-of-the-partners-in-the-blue-pacific-pbp> (accessed: 18.08.2023).

53. The August 17, 1982 US-China Communiqué on Arms Sales to Taiwan: the official text // The official website of the Office of the Historian. 17.08.1982. [Electronic resource]. URL: <https://history.state.gov/milestones/1981-1988/china-communicue> (accessed: 19.07.2023).

54. The Republic of China (Taiwan) government strongly condemns Russia's invasion of Ukraine in violation of the UN Charter, joins international economic sanctions against Russia: the official text // The official website of the Ministry of Foreign Affairs, Republic of China (Taiwan). 25.02.2022. [Electronic resource]. URL: https://en.mofa.gov.tw/https%3a%2f%2fen.mofa.gov.tw%2fNews_Content.aspx%3fn%3d1328%26s%3d97420%26Create%3d1 (accessed: 19.07.2023).

55. The San Francisco Peace Treaty of 1951: the official text // The official website of the United Nations Treaty Collection. 8.09.1951. [Electronic resource]. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20136/volume-136-i-1832-english.pdf> (accessed: 09.06.2023).

56. Treaty of Peace with Japan (with two declarations). Signed at San Francisco, on 8 September 1951: the official text // United Nations – Treaty Series. 8.09.1951. [Electronic resource]. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20136/volume-136-i-1832-english.pdf>. (accessed: 18.09.2023).

57. US Relations With Thailand: the official text // The official website of the US Department of State. 4.05.2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-thailand> (accessed: 10.08.2023).

58. US Security Cooperation with the Philippines: the official text // The official website of the US Department of State. 7.10.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-the-philippines>

(accessed: 10.08.2023).

59. White Paper: The Taiwan Question and China's Reunification in the New Era: the official text // The official website of the Embassy of the People's Republic of China in the United States of America. 2022, August. [Electronic resource]. URL: http://us.china-embassy.gov.cn/eng/zgyw/202208/t20220810_10740168.htm. (accessed: 21.08.2023).

60. Working Together for an Asia-Pacific Community with A Shared Future: the official text // The official website of the Ministry of Foreign Affairs, Republic of China. 20.11.2020. [Electronic resource]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjdt_665385/zyjh_665391/202011/t20201120_678940.html (accessed: 25.07.2023).

в) на китайском языке

61. «中国的和平发展»白皮书 (全文) – 中华人民共和国外交部 [White Paper on «China's Peaceful Development» (Full Text) – Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]: the official text // The official website of Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. [Electronic resource]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/2011nzt_675363/zgdhpfzbps_675409/201109/t20110906_9284881.shtml. (accessed: 27.07.2023).

62. 2002 年中国的国防 [China's defence in 2002]: the official text // The official website of Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2002. [Electronic resource]. URL: https://www.gov.cn/govweb/zwgk/2005-05/26/content_1384.htm (accessed: 27.07.2023).

63. 2006 年中国的国防 [China's defence in 2006]: the official text // The official website of Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2006. [Electronic resource]. URL: https://www.gov.cn/govweb/zwgk/2006-12/29/content_486759.htm. (accessed: 26.07.2023).

64. 把目光投向中国 [Setting Sights on China]: the official text // 中华人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. 12.12.2003. [Electronic resource]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/200312/t20031210_280087.shtml 9 (accessed: 08.05.2023).

Монографии, книги

а) на русском языке

65. Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ. М.: Российский университет дружбы народов, 2021. 319 с.

66. Богатуров, А.Д. Великие державы на Тихом океане: История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995) / А.Д. Богатуров. М.: Сьюита, 1997. 349 с.

67. Глобальная конкуренция США и КНР. М.: Российский университет дружбы народов, 2022. 170 с.

68. Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям. М.: Аспект Пресс, 2021. 304 с.

69. Грачиков, Е.Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей. М.: Русайнс, 2017. 234 с.

70. Конкуренция между США и КНР: возможности для России: монография / под ред. Д.А. Дегтерева. М.: Аспект Пресс, 2024. 300 с.

71. Лебедева Н.Б. Индийский океан: вызовы XXI в. и Индия (очерки международных отношений). М.: ИВ РАН, 2018. 576 с.

72. Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / под ред. проф. А.Д. Воскресенского; науч. ред. Д.А. Кузнецов / Федеральное гос. автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) Мин-ва иностранных дел Российской Федерации. М.: Стратегические изыскания,

2021. 576 с.

73. Мосяков Д. В. Индо-Тихоокеанский регион в фокусе мировой политики: тренды развития и Россия. М.: Институт востоковедения РАН, 2023. 570 с.

б) на английском языке

74. Acharya A. Whose ideas matter? Agency and power in Asian regionalism: Cornell studies in political economy. Whose ideas matter? Ithaca: Cornell University Press, 2009. 189 p.

75. Allison G. Destined for war: Can America and China escape Thucydides's trap?. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017. 384 p.

76. Asia's New Institutional Architecture: The Political Economy of the Asia Pacific / ed. by V.K. Aggarwal, M.G. Koo. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2008. 321 p.

77. Asia-Pacific security cooperation: national interests and regional order. Asia-Pacific security cooperation / ed. by S.S. Tan, A. Acharya. Armonk, N.Y: M.E. Sharpe, 2004. 264 p.

78. Bergsten C.F. China's rise: Challenges and opportunities / C.F. Bergsten, C. Freeman, N.R. Lardy, D.J. Mitchell. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2008.

79. Brosig M. Cooperative Peacekeeping in Africa: Exploring Regime Complexity. New York: Routledge, 2015.

80. Buzan B. People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations. Brighton: Wheatsheaf Books, 1983.

81. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

82. Chan S. China, the US, and the power-transition theory: A critique. New York: Routledge, 2007. 216 p.

83. Johnston A.I. Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy

in Chinese History. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1995.

84. Johnston A.I. Social states: China in international institutions, 1980–2000. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2008.

85. Kaplan R.D. Monsoon: The Indian Ocean and the Future of American Power. N.Y.: Random House, 2011. 400 p.

86. Katzenstein P.J. A world of regions: Asia and Europe in the American imperium: Cornell studies in political economy. A world of regions. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2005. 297 p.

87. Organski A.F.K. World politics. N.Y., 1958. 461 p.

88. Organski A.F.K., Kugler J. The war ledger. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

89. Scobell A. China's Use of Military Force: Beyond the Great Wall and the Long March / A. Scobell. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

90. Strange S. States and Markets. Continnum, 1994. 266 p.

91. Strange S. States and markets. New York: Bloomsberry, 1988. 265 p.

92. Waltz K. Theory of International Politics. Long Grove, IL: Waveland Press, 1979.

93. Zhao T. Tianxia tixi: shijie zhidu zhexue daolun (Tianxia System: Philosophy Introduction to World Institute). Nanjin: Jiansu jiaoyu chubanshe, 2005. 271 p.

в) на китайском языке

94. 王多月. 战略支撑点与 «21 世纪海上丝绸之路» 的建设 [Wang Duoyue. Strategic Support Points and the Construction of the 21st Century Maritime Silk Road] / 王多月 [Wang Duoyue] // 中南财经政法大学 [Wuhan: Zhongnan University of Economics and Law], 2017. 42 p.

Научные статьи

а) на русском языке

95. Алешин А.А. Внешнеполитическая стратегия Австралии: средняя держава в высококонкурентной среде // Анализ и прогноз: журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 2. С. 63–75.

96. Алиев М.А. Экономические институты ШОС // РППЭ. 2014. Т. 40. № 2. С. 19–24.

97. Афонин Б.М. Синдзо Абэ, новый премьер-министр Японии // Россия и АТР. 2007. № 1. С. 117–120.

98. Бадрутдинова К.Р., Дегтерев Д.А., Степанова А.А. Отношения в треугольнике США–РФ–КНР: соблюдается ли формула лидерства Г. Киссинджера? // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 1. С. 81–109.

99. Батюк В.И. Индо-Тихоокеанская стратегия США и Евразия // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 1. С. 135–153.

100. Виноградов А.В. «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 3. С. 23–32.

101. Виноградов А.В. Регионы и региональные центры силы в становлении многополярного мира; под общ. ред. А.Я. Касюка, И.К. Харичкина // Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение: материалы Международной научно-практической конференции. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2019. 367 с.

102. Гайдаев О.С. Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 20–32.

103. Грачиков Е. Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993–2018) // Мировая экономика и международные

отношения. 2019. Т. 63. № 3. С. 83–93.

104. Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений: право на методологическое самосознание // *Мировая политика*. 2017. № 1. С. 47–65.

105. Грачиков Е.Н. Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 187–200.

106. Дегтерев Д.А. Антиколониализм: эволюция и страновые особенности академического дискурса // *Африка – восходящий центр формирующегося многополярного мира: сборник статей / отв. ред. С.Н. Волков, Т.Л. Дейч, О.В. Константинова*. М.: Институт Африки РАН, 2024. С. 15–45.

107. Дегтерев Д.А. Политическое влияние в международной финансовой системе // *Вестник международных организаций*. 2016. Т. 11. № 4. С. 77–105.

108. Дегтерев Д.А., Рамич М.С. Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. Т. 14. № 3. С. 23–43.

109. Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Пискунов Д.А. Подходы США и КНР к глобальному управлению киберпространством: «новая биполярность» в «сетевом обществе» // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2021. Т. 16. № 3. С. 7–33.

110. Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США–КНР: «властный транзит» и контурь «конфликтной биполярности» // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 210–231.

111. Денисов И.Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // *Сравнительная политика*. 2020. Т. 11. № 4. С. 42–52.

112. Иванов О.П. Американский взгляд на стратегическое соперничество и роль военной силы // *Обозреватель*. 2024. № 2 (403). С. 27–36.
113. Иванов О.П. Военное измерение Индо-Тихоокеанской стратегии США // *Обозреватель*. 2020. № 7(366). С. 39–52.
114. Канаев Е.А. Экономическое сообщество АСЕАН – новое пространство деловой активности / Е.А. Канаев // *ЮВА: актуальные проблемы развития*. 2017. № 37. С. 14–27.
115. Канаев Е.А. Японо-американский альянс и проблема Южно-Китайского моря: последствия для азиатско-тихоокеанской безопасности / Е.А. Канаев, А.Н. Сигутина // *ЮВА: актуальные проблемы развития*. 2017. № 34. С. 32–41.
116. Канаев Е.А., Шумкова В.А. Евразийские приоритеты асеаноцентричных диалоговых форматов по вопросам безопасности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 3. С. 458–468.
117. Каримова А.Б. Связывая Индийский с Тихим, или модернизация инструментов влияния // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 6. С. 13–24. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-13-24.
118. Кашин В.Б. Политика КНР по строительству силового компонента системы стратегического сдерживания в 2020-е годы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67, № 11. С. 99–111.
119. Ким Е.В., Конопьянова Л.О. ШОС и АСЕАН: перспективы сотрудничества // *Вестник ЗабГУ*. 2017. № 11. С. 51–55.
120. Колдунова Е.В. Роль Шанхайской организации сотрудничества в регионе Центральной Азии: сравнительный анализ исследовательских дискурсов // *Сравнительная политика*. 2013. № 2 (12). С. 60–69.
121. Куприянов А.В. QUAD и безопасность Индо-Тихоокеанского региона // *Ежегодник СИПРИ – 2020: Вооружения, разоружение и международная безопасность*. М.: Национальный исследовательский

институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, 2021. С. 809–820.

122. Куприянов А.В. Геополитика моря: идея контроля над океаном в политическом дискурсе независимой Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 234–246.

123. Лексютина Я.В. Вклад современного Китая в миротворческую деятельность ООН // Общество и государство в Китае. – 2018. № 1. С. 3005–3011.

124. Лексютина Я.В. Функциональные изменения участия Китая в многосторонних банках развития: от заемщика к кредитору // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. № 1. С. 80–98.

125. Лузянин С.Г., Фроленков В.С. «Возвышение» ШОС: успехи и препятствия // Вестник Том. гос. ун-та. 2016. № 404. С. 105–111.

126. Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 2. С. 7–19.

127. Мишин И.О. Политика США в Южно-Китайском море во время президентства Д. Трампа // Пути к миру и безопасности. 2020. № 1. С. 46–62.

128. Морозов В.Е. Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 24–35.

129. Муратшина К.Г. К вопросу о создании Банка ШОС // Управленческое консультирование. 2017. № 7 (103). С. 44–54.

130. Пак С.Х. Нераспространение ядерного оружия и ядерная программа КНДР // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2012. № 3. С. 5–13.

131. Панов А.Н., Нелидов В.В. Внешняя политика Японии в контексте военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии // Японские

исследования. 2018. № 4. С. 78–91.

132. Рамич М.С., Горбиль П.Р., Коростелева Е.И. Трансформация американоцентричной системы региональной безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе 2012–2020 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 81–95.

133. Россия и Китай: взгляд на ШОС // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 7. № 4. С. 186–189.

134. Семенов А.В., Цвык А.В. Концепция «общего будущего человечества» во внешнеполитической стратегии Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 8. С. 72–81.

135. Столетов О.В. Стратегии цифрового развития ключевых государств «Глобального Юга» в условиях американо-китайского технологического соперничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 2. С. 221–237.

136. Стрельцов Д.В. Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений // Международная жизнь. 2018. № 9. С. 65–74.

137. Терских М.А. Вьетнам–Quad: неизбежное сближение? // Вьетнамские исследования: электронный научный журнал. 2021. Т. 5. № 2. С. 6–24.

138. Худайкулова А.В., Рамич М.С. «QUAD 2.0»: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 23–43.

139. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Глобальность и самобытность в теории международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 7–16.

140. Чан С. Почему «ловушка Фукидида» вводит в заблуждение относительно американо-китайских отношений // Вестник Российского

университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 232–242.

б) на английском языке

141. Acharya A. Betwixt balance and community: America, ASEAN and the security of Southeast Asia // *International Relations of the Asia-Pacific* 2005. Vol. 6. № 1. P. 37–59.

142. Basu T. Sino-US Disorder: Power and Policy in Post-COVID Indo-Pacific // *Journal of Asian Economic Integration*. 2020. № 2. P. 159–179.

143. Batabyal A. Balancing China in Asia: A Realist Assessment of India's Look East Strategy // *China Report*. 2006. Vol. 42. № 2. P. 179–197.

144. Bergsten C.F. China and the United States: The contest for global economic leadership // *China & World Economy*. 2018. Vol. 26. № 5. P. 12–37.

145. Brands H.W. From ANZUS to SEATO: United States Strategic Policy towards Australia and New Zealand, 1952–1954 // *The International History Review*. 1987. Vol. 9. № 2. P. 250–270.

146. Brosig M. Introduction: The African Security Regime Complex-Exploring Converging Actors and Policies // *African Security*. 2013. Vol. 6. № 3-4. P. 171–190.

147. Buzan B. Rethinking Security after the Cold War // *Cooperation and Conflict*. 1997. Vol. 32. № 1. P. 5–28.

148. Buzan B., Waever O. Slippery? Contradictory? Sociologically Untenable? The Copenhagen School Replies // *Review of International Studies*. 1997. № 23. P. 241–250.

149. Callahan W.A. Chinese Visions of World Order: Post-hegemonic or a New Hegemony? // *International Studies Review*. 2008. Vol. 10. Iss. 4. P. 749–761.

150. Caverley J.D. AUKUS: When naval procurement sets grand strategy //

International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2023. Vol. 78. № 3. P. 327–334.

151. Chacko P. The rise of the Indo-Pacific: understanding ideational change and continuity in India's foreign policy // Australian Journal of International Affairs. 2014. Vol. 68. № 4. P. 433–452.

152. Chan S. More than one trap: Problematic interpretations and overlooked lessons from Thucydides // Journal of Chinese Political Science. 2019. № 24(1). P. 11–24.

153. Chang P.T.C. Confucian pluralism and China's dream of a harmonious world // China Information. 2014. Vol. 28. № 3. P. 382–404.

154. Chen Z., Zhang X. Chinese conception of the world order in a turbulent Trump era // The Pacific Review. 2020. Vol. 33. № 3–4. P. 438–468.

155. Clementson J. «No More Dominoes»: ASEAN and regional security // The RUSI Journal. 1984. Vol. 129. № 4. P. 33–39.

156. Dong E., Du H., Gardner L. An interactive web-based dashboard to track COVID-19 in real time // The Lancet Infectious Diseases. 2020. Vol. 20. № 5. P. 533–534.

157. Dower J.W. 10 Points of note: Asia and the Nixon Doctrine // Bulletin of Concerned Asian Scholars. 1970. Vol. 2. № 4. P. 47–70.

158. Dower J.W. The San Francisco System: Past, Present, Future in US-Japan-China Relations // The Asia-Pacific Journal. 2014. Vol. 12. № 2. P. 239–254.

159. Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. 1989. № 16. P. 3–18.

160. Goldstein A. China's grand strategy under Xi Jinping: Reassurance, reform and resistance // International Security. 2020. Vol. 45. № 1. P. 164–201.

161. Grachikov E.N. China in Global Governance: Ideology, Theory and Instrumentation // Russia in Global Affairs. 2020. Vol. 18. Vol. 72. № 4. P. 132–153.

162. Green M., Shearer A. Defining US Indian Ocean Strategy // The

Washington Quarterly. 2012. Vol. 35. № 2. P. 175–189.

163. Hara K. 50 Years from San Francisco: Re-Examining the Peace Treaty and Japan's Territorial Problems // *Pacific Affairs*. 2001. Vol. 74. № 3. P. 361–382.

164. Heller D. The Relevance of the ASEAN Regional Forum (ARF) for Regional Security in the Asia-Pacific // *Contemporary Southeast Asia*. 2005. Vol. 27. № 1. P. 123–145.

165. Hiebert M. Upstream Dams Threaten the Economy and the Security of the Mekong Region // *Yusof Ishak Institute Perspective*. 2021. № 34. P. 1–9.

166. Horimoto T. Indo-Pacific Order and Japan–India Relations in the Midst of COVID-19 // *Journal of Asian Economic Integration*. 2020. Vol. 2. № 2. P. 140–158.

167. Hosoya Y. FOIP 2.0: The Evolution of Japan's Free and Open Indo-Pacific Strategy // *Asia-Pacific Review*. 2019. Vol. 26. № 1. P. 18–28.

168. Howle R.C. An Evitable War: Engaged Containment and the US-China Balance // *The US Army War College Quarterly: Parameters*. 2001. Vol. 31. № 3. P. 92–104.

169. Hu R.W. China's 'One Belt One Road' Strategy: Opportunity or Challenge for India? // *China Report*. 2017. Vol. 53. № 2. P. 107–124.

170. Hwang J., Chen D. China's Harmonious Asia Strategy // *International Area Review*. 2010. Vol. 13. № 2. P. 105–124.

171. Jacob J.T. China in Southeast Asia: The Search for a Chinese Model of International Relations // *China Report*. 2012. Vol. 48. № 3. P. 317–326.

172. Jisi W. China's Changing Role in Asia // *The Rise of China and a Changing East Asian Order*. 2004. Tokyo: Japan Center for International Exchange, 2004. P. 3–21.

173. Jones D.M., Jenne N. Weak states' regionalism: ASEAN and the limits of security cooperation in Pacific Asia // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2016. Vol. 16. № 2. P. 209–240.

174. Khurana G.S. Security of Sea Lines: Prospects for India-Japan

Cooperation // *Strategic Analysis*. 2007. Vol. 31. № 1. P. 139–153.

175. Kim S. North Korea's Foreign Policy Behaviors toward the United States: Constructive Entanglements in Historical Factors Since the 1970s // *Journal of International and Area Studies*. 2023. Vol. 30. № 1. P. 1–21.

176. Kitaoka Sh. Vision for a Free and Open Indo-Pacific // *Asia-Pacific Review*. 2019. Vol. 26. № 1. P. 7–17.

177. Klare M.T. The Nixon/Kissinger Doctrine and America's pacific basin strategy // *Bulletin of Concerned Asian Scholars*. 1975. Vol. 7. № 2. P. 3–14.

178. Langhammer R.J. Regional Integration APEC Style: Lessons from Regional Integration EU Style // *Asean Economic Bulletin*. 1999. Vol. 16. № 1. P. 1–17.

179. Larus E.F. China's New Security Concept and Peaceful Rise: Trustful Cooperation or Deceptive Diplomacy? // *American Journal of Chinese Studies*. 2005. Vol. 12. № 2. P. 219–214.

180. Layne C. From Preponderance to Offshore Balancing: America's Future Grand Strategy // *International Security*. 1997. № 22. C. 86–124.

181. Leoni Z. The End of the «Golden Era»? The Conundrum of Britainen Era»? The Conundrum of Britast Sino-American Relations // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2022. Vol. 51. № 2. P. 313–326.

182. Mastro O.S. In the shadow of the Thucydides trap: International relations theory and the prospects for peace in US – China relations // *Journal of Chinese Political Science*. 2019. Vol. 24. № 1. P. 25–45.

183. Mauzy D.K., Job B.L. US Policy in Southeast Asia: Limited Re-engagement after Years of Benign Neglect // *Asian Survey*. 2007. Vol. 47. № 4. P. 622–641.

184. Medcalf R. In Defence of the Indo-Pacific: Australia's New Strategic Map // *Australian Journal of International Affairs*. 2014. Vol. 68. № 4. P. 470–483.

185. Mirajiah R. China's Foreign Aid to Countries in Southeast Asia During The Covid-19 Pandemic Massa // *International Journal of Education, Information Technology and Others (IJEIT)*. 2022. Vol. 5. № 3. P. 19–30.

186. Miyoshi O. The Nixon doctrine in Asia // *The Adelphi Papers*. 1972. Vol. 12. № 91. P. 13–20.
187. Mohan R.C. Debating China's 'Peaceful Rise': The Rhyme of the Ancient Mariner // *Economic and Political Weekly*. 2004. Vol. 39. № 33. P. 3699–3702.
188. Nyiri P. The yellow man's burden: Chinese migrants on a civilizing mission // *The China Journal*. 2006. № 56. P. 83–106.
189. Pandalai S. The Indo-Pacific Consensus: The Past, Present and Future of India's Vision for the Region // *India Quarterly*. 2020. Vol. 78. № 2. P. 189–209.
190. Pant H.V., Rej A. Is India Ready for the Indo-Pacific? // *The Washington Quarterly*. 2018. Vol. 41. № 2. P. 47–61.
191. Qin Y. Power-Institution-Culture-Three System Theories in International Political Science // *World Economy and Politics*. 2002. № 6. P. 5–10.
192. Rosenberg D., Chung C. Maritime Security in the South China Sea: Coordinating Coastal and User State Priorities // *Ocean Development & International Law*. 2008. Vol. 39. № 1. P. 51–68.
193. Roy N. Assuaging Cold War Anxieties: India and the Failure of SEATO // *Diplomacy & Statecraft*. 2015. Vol. 26. № 2. P. 322–340.
194. Roy-Chaudhury R., de Estrada K.S. India, the Indo-Pacific and the Quad // *Survival*. 2018. Vol. 60. № 3. P. 181–194.
195. Sawasdipakdi P. Thailand's Engagement with China's Belt and Road Initiative: Strong Will, Slow Implementation // *Asian Perspective*. 2021. Vol. 45 № 2. P. 349–374.
196. Scobell A. China's Real Strategic Culture: A Great Wall of the Imagination // *Contemporary Security Policy*. 2014. № 35 (2). P. 211–226.
197. Scobell A. Strategic Culture and China: IR Theory Versus the Fortune Cookie? // *Strategic Insights*. 2005. Vol. 6. № 10.
198. Scott D. The «Indo-Pacific» – New Regional Formulations and New Maritime Frameworks for US-India Strategic Convergence // *Asia-Pacific Review*.

2012. Vol. 19. № 2. P. 85–109.

199. Sharma M. India's Approach to China's Belt and Road Initiative—Opportunities and Concerns // *The Chinese Journal of Global Governance*. 2019. Vol. 5. № 2. P. 136–152.

200. Smith J. Engagement: A national strategy for the 1990s // *Comparative Strategy*. 1992. Vol. 11. № 4. P. 463–474.

201. Stuart D. San Francisco 2.0: Military Aspects of the US Pivot toward Asia // *Asian Affairs: An American Review*. 2012. Vol. 39. № 4. P. 39–62.

202. Thankachan Sh. Japan's «Free and Open Indo-Pacific Strategy»: Reality before the Rhetoric? // *Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India*. 2017. Vol. 13. № 2. P. 84–91.

203. Wang E. Engagement or Containment? Americans' views on China and Sino-US relations // *Journal of Contemporary China*. 2002. Vol. 11. № 31. P. 381–392.

204. Watson E.L. South Asia and the Cold War: Vice President Nixon's forgotten trip to Ceylon // *South Asian History and Culture*. 2010. Vol. 2. № 1. P. 37–54.

205. Wu A. What china whispers to North Korea // *The Washington Quarterly*. 2005. Vol. 28. № 2. P. 35–48.

206. Zhang Y. Non-hostility: The Road to Cooperation in Asia-Pacific // *China Report*. 1995. Vol. 31. № 4. P. 501–505.

207. Zhou J. Does China's Rise Threaten the United States? // *Asian Perspective*. 2008. Vol. 32. № 3. P. 171–180.

в) на китайском языке

208. 刘美武. 和谐世界:国际关系的核心价值 [Liu Meiwu. A Harmonious World: The Core Value of International Relations] / 刘美武 [Liu Meiwu] // 福建论坛 (社科教育版) [Fujian Forum (Social Sciences Education Edition)]. 2011. № 6.

P. 16–17.

209. 吕彬 «一带一路» 与中国的地缘政治战略 [Lu Bin. «Belt and Road» and China's Geopolitical Strategy] / 吕彬 [Lu Bin] // 科学·经济·社会 [Science – Economy – Society]. 2015. Vol. 33. № 138. Iss. 1. P. 50–54.

210. 孙吉胜 中国国际话语权的塑造与提升路径 [Sun Jisheng. The Path of Shaping and Enhancing China's International Discourse Power] / 孙吉胜 [Sun Jisheng] // 世界经济与政治 [World Economy and Politics]. 2019. № 8. P. 3–19.

211. 孟辽阔: «一带一路» 视野下的巴基斯坦战略地位及其实现路径探析 [Meng Liaoguo. Exploring Pakistan's Strategic Position and its Path to Realisation under the Vision of «Belt and Road»] / 孟辽阔 [Meng Liaoguo] // 世界经济与政治 [World Economy and Politics]. 2015. Iss. 4. P. 29–45.

212. 张明之: «从» 中国威胁论 «到» 中国责任论: «西方冷战思维定式下的中国发展安全» [Zhang Mingzhi. From «China Threat Theory» to «China Responsibility Theory»: China's Development Security under the Western Cold War Mindset] / 张明之 [Zhang Mingzhi] // 世界经济与政治论坛 [World Economic and Political Forum]. 2012. № 3. P. 1–14.

213. 张景全, 潘玉: 美国 «航行自由计划» 与中美在南海的博弈 [Zhang Jingquan. The US Freedom of Navigation Programme and the US-China Game in the South China Sea] / 张景全, 潘玉 [Zhang Jingquan, Pan Yu] // 国际观察 [International Observations]. 2016. Iss. 2. P. 87–99.

214. 曾哲. 中国和平崛起正义论 [Zeng Zhe. A Theory of Justice for China's Peaceful Rise] / 曾哲 [Zeng Zhe] // 时代法学 [Contemporary jurisprudence]. 2007. № 4. P. 12–17.

215. 朱伟超越西方国际关系理论的狭隘视阈 – «和谐世界» 思想的理论内涵探析 [Zhu Wei. Beyond the Narrow Threshold of Western International Relations Theory – An Analysis of the Theoretical Connotation of the Idea of «Harmonious World»] / 朱伟 [Zhu Wei] // 河南广播电视大学学报 [Journal of Henan Radio and Television University]. 2009. № 22. P. 12–14.

216. 杨晶滢 美国对一带一路倡议的认知与战略选择[Ying, Ying Yang. US Perceptions of the Belt and Road Initiative and Strategic Choices] / 杨晶滢 [Ying Ying Yang] // 国际研究参考 [International Research Reference]. 2018. Iss. 4. P. 9–12.
217. 江文沛 胡锦涛的和谐亚太战略探析 [Jiang Wenpei. Exploring Hu Jintao's Harmonious Asia-Pacific Strategy] / 江文沛 [Jiang Wenpei] // 暨南大学 [Guangzhou: Jinan University in Guangdong Province], 2009. 148 p.
218. 郑丹丹. «和谐世界» 同西方国际关系理论的比较研究 [Zheng Dandan. A Comparative Study of «Harmonious World» and Western Theories of International Relations] / 郑丹丹 [Zheng Dandan] // 亚太教育 [Asia Pacific Education]. 2016. № 27. P. 274–275.
219. 陈兼.对«冷战»在战略层面的再界定 – 1960 年代末, 1970 年代初美国对华及东亚政策的转变及其涵义 [Chen J. Redefining the «Cold War» at the Strategic Level: The Shift in US Policy Towards China and East Asia in the Late 1960s and Early 1970s and Its Meaning] / 陈兼 [J. Chen] // 国际政治研究 [International political studies]. 2008. № 3. P. 76–95.
220. 高永滋, 朱少芸.中国的和平崛起与国际战略分析 [Gao Yongzi. China's Peaceful Rise and International Strategic Analysis] / 高永滋, 朱少芸 [Gao Yongzi, Zhu Shao Yun] // 山东省农业管理干部学院学报 [Journal of Shandong Province Agricultural Management Cadre College]. 2006. № 4. P. 104–105.

**Аналитические доклады, научные отчеты, проекты,
комментарии и исследования**

а) на русском языке

221. Королев А., Стрельникова И. Территориальный спор в Южно-Китайском море: есть ли свет в конце туннеля, или перспективы решения конфликта // ЦКЕМИ ВШЭ: аналитический бюллетень. 2021. [Электронный

ресурс]. Режим доступа: <https://cceis.hse.ru/data/2021/07/14/1419227800/Аналитический%20бюллетень%20по%20ЮОКМ.pdf> (дата обращения: 12.08.2023).

222. Ланьков А. Убедительная неадекватность. Как Трампу удалось остановить корейский ядерный кризис // Московский центр Карнеги. 12.03.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/75760> (дата обращения 30.09.2021).

б) на английском языке

223. AUKUS? Quad? FOIP? A fragmented approach cannot counter China // Lowy Institute. 27.10.2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/aukus-quad-foip-fragmented-approach-cannot-counter-china> (accessed: 12.08.2023).

224. Bown C. How the United States marched the semiconductor industry into its trade war with China // PIIE. 2020, December. [Electronic resource]. URL: <https://www.piie.com/publications/working-papers/how-united-states-marched-semiconductor-industry-its-trade-war-china> (accessed: 20.08.2023).

225. Bown C., Kolb M. Trump's Trade War Timeline: An Up-to-Date Guide // PIIE. 31.12.2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.piie.com/blogs/trade-and-investment-policy-watch/trumps-trade-war-timeline-date-guide> (accessed: 20.04.2023).

226. Bown C.P. Donald Trump's Solar and Washer Tariffs May Have Now Opened the Floodgates of Protectionism // PIIE. 23.01.2018. [Electronic resource]. URL: <https://www.piie.com/commentary/op-eds/donald-trumps-solar-and-washer-tariffs-may-have-now-opened-floodgates> (accessed: 20.08.2023).

227. BRI Projects in ASEAN: Implementation, Mechanism and Suggestion // China development institute. [Electronic resource]. URL: <http://www.cdi.com.cn/Upload/Files/20191024/144716941990830.pdf> (accessed: 13.08.2023).

228. China's Harmonious Culture and its Impact on Foreign Affairs //

Carnegie Endowment for International Peace. 2011. [Electronic resource]. URL: <https://carnegiemoscow.org/2011/09/29/china-s-harmonious-culture-and-its-impact-on-foreign-affairs-event-3792> (accessed: 12.12.2023).

229. Cohen C., Jr Nye J.S., Armitage R.L. A Smarter, More Secure America, Report of the CSIS Commission on Smart Power // CSIS. 6.11.2007. [Electronic resource]. URL: <https://www.csis.org/analysis/smarter-more-secure-america> (accessed: 25.09.2023).

230. Greve H. Joe Biden and a New Era of Multilateralism // German Institute of Global and Area Studies (GIGA). 2021, September. [Electronic resource]. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep34575> (accessed: 18.06.2023).

231. Gyu L.D. Prospects for the Taiwan Issue in the Era of US-China Strategic Competition // The Asian Institute for Policy Studies. 13.12.2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep38731> (accessed: 25.05.2023).

232. Haenle P., Sher N. How Pelosi's Taiwan Visit Has Set a New Status Quo for US-China Tensions // Carnegie Endowment for international peace. 17.08.2022. [Electronic resource]. URL: <https://carnegieendowment.org/2022/08/17/how-pelosi-s-taiwan-visit-has-set-new-status-quo-for-u-s-china-tensions-pub-87696> (accessed: 23.08.2023).

233. How Asia can boost growth through technological leapfrogging // McKinsey and Company. 2.12.2020. [Electronic resource]. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/asia-pacific/how-asia-can-boost-growth-through-technological-leapfrogging> (accessed: 09.08.2023).

234. Is China Contributing to the United Nations' Mission? // China Power. CSIS. [Electronic resource]. URL: <https://chinapower.csis.org/china-un-mission/#easy-footnote-bottom-5-479> (accessed: 27.07.2023).

235. Khilnani S., Kumar R., Mehta P.B., Menon P., Nilekani N., Raghavan S., Saran Sh., Varadarajan S. NonAlignment 2.0. A Foreign and Strategic Policy for India in the 21 century // Center for Policy Research. 29.022012. [Electronic resource]. URL: <https://cprindia.org/briefsreports/>

nonalignment-2-0-a-foreign-and-strategic-policy-for-india-in-the-twenty-first-century (accessed: 20.09.2023).

236. Lin B., Chase M., Blank J., Cortez C., Grossman D., Scott H., Moroney J., Morris L., Ma L., Orner P., Shih A., Kim S. Regional Responses to US-China Competition in the Indo-Pacific: Study Overview and Conclusions // RAND Corporation. 2020. [Electronic resource]. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR4412 (accessed: 14.08.2023).

237. McBride J., Berman N., Chatzky A. China's Massive Belt and Road Initiative // CFR. 1.02.2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.cfr.org/backgrounders/chinas-massive-belt-and-road-initiative> (accessed: 10.08.2023).

238. Myers L. The China-Myanmar Economic Corridor and China's Determination to See It Through // Wilson Center. 26.05.2020. [Electronic resource]. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/china-myanmar-economic-corridor-and-chinas-determination-see-it-through> (accessed: 03.06.2023).

239. Nicholls A., Dowie J., Hellyer M. Implementing Australia's nuclear submarine program // Australian Strategic Policy Institute. 2021, December. [Electronic resource]. URL: <https://www.aspi.org.au/report/implementing-australias-nuclear-submarine-program> (accessed on 15.08.2023).

240. Of Questionable Connectivity: China's BRI and Thai Civil Society // Council on Foreign Relations. 7.06.2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.cfr.org/blog/questionable-connectivity-chinas-bri-and-thai-civil-society> (accessed: 13.08.2023).

241. Olson S., Prestowitz C. The Evolving Role of China in International Institutions // The Economic Strategy Institute. 2011, January. [Electronic resource]. URL: <https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/TheEvolvingRoleofChinainInternationalInstitutions.pdf> (accessed: 27.07.2023).

242. Panda A. What the Restarting of North Korea's Yongbyon Reactor Means // Carnegie Endowment for International peace. 2.09.2021. [Electronic

resource]. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/09/02/what-restarting-of-north-korea-s-yongbyon-reactor-means-pub-85260> (accessed: 20.05.2023).

243. Parks T., Maramis L., Sunchindah A., Wongwatanakul W. ASEAN as the Architect for Regional Development Cooperation // The Asia Foundation. 2018, September. [Electronic resource]. URL: <https://asiafoundation.org/wp-content/uploads/2018/09/ASEAN-as-the-Architect-for-Regional-Development-Cooperation.pdf> (accessed: 09.08.2023).

244. Roy D. US Policy Toward Taiwan Should Emphasize Substance, Not Fanfare // East-West Center. 19.07.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep42165> (accessed: 25.05.2023).

245. Runde D.F., Savoy C.M., Murphy O. Post-pandemic Infrastructure and Digital Connectivity in the Indo-Pacific // Center for Strategic and International Studies (CSIS). 1.11.2020. [Electronic resource]. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep26994> (accessed: 20.08.2023).

246. Schaus J. Stability in the Indo-Pacific // CSIS. 2023, April. [Electronic resource]. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/2023-04/230412_Schaus_Trilateral_Dialogue.pdf?VersionId=KywMsF4_yV6EkuLjXhUU0mReGonRre9g (accessed: 09.08.2023).

247. Semiconductors Industry Association // Semiconductors.org. [Electronic resource]. URL: <https://www.semiconductors.org/> (accessed: 21.11.2023).

248. The Belt and Road Initiative in ASEAN // HKUST IEMS Reports. 2021, March. [Electronic resource]. URL: <https://iems.ust.hk/publications/reports/uob-bri-overview> (accessed: 10.08.2023).

249. Trace China's Rise to Power // CFR. [Electronic resource]. URL: <https://www.cfr.org/china-global-governance> (accessed: 27.07.2023).

250. Ujvari B. The Belt and Road Initiative // The ASEAN Perspective. 1.03.2019. [Electronic resource]. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep21387> (accessed: 28.05.2023).

251. Understanding China's Gallium Sanctions // CSIS. 07.07.2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.csis.org/analysis/understanding-chinas-gallium-sanctions> (accessed: 21.11.2023).

252. Why Washington Should Care About India's Support for the AIIB // Council Foreign Relations. 24.05.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.cfr.org/blog/why-washington-should-care-about-indias-support-aiib> (accessed: 19.08.2023).

253. Wong D., Chipman Koty A. The US-China Trade War: A Timeline // China Briefing. 25.08.2020. [Electronic resource]. URL: <https://www.china-briefing.com/news/the-us-china-trade-war-a-timeline> (accessed: 20.08.2023).

254. Yee W. The Jakarta-Bandung High-Speed Railway and the Future of the Belt and Road Initiative // China Brief. 22.12.2022. [Electronic resource]. URL: <https://jamestown.org/program/the-jakarta-bandung-high-speed-railway-and-the-future-of-the-belt-and-road-initiative> (accessed: 08.08.2023).

**Материалы периодической печати
и иных средств массовой информации, представленных в сети Интернет**

а) на русском языке

255. «Известия» опубликовали список стран, желающих вступить в ШОС // РБК. 4.08.2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/04/08/2022/62eafad79a794777bc95ea50> (дата обращения: 16.06.2023).

256. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии // Центр АСЕАН МГИМО МИД РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://asean.mgimo.ru/asean/ASEAN> (дата обращения: 07.07.2023).

257. Индия и США подписали соглашение об обмене геопрограмственной информацией // ТАСС. 27.10.2022. [Электронный

ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9826085> (дата обращения: 01.06.2023).

258. История ядерной программы Китая // РИА Новости. 15.01.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20150115/1042543537.html> (дата обращения: 21.03.2023).

259. Кирьянов О. В Южной Корее разместят американскую систему ПРО // Российская газета: официальный сайт. 27.06.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/06/27/pro-site.html> (дата обращения: 25.05.2023).

260. Китайская экономика официально стала крупнейшей в мире // РБК. 8.10.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/08/10/2014/5434f48dcbb20faeeafe2a0a> (дата обращения: 08.08.2023).

261. Концепция гармоничного развития Китая в начале XXI века // Международные гуманитарные связи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mgs.org.ru/konceptsiya-garmonichnogo-razvitiya-kit> (дата обращения: 13.08.23).

262. Ломанов А.В. Чжунго хэпин цзюэци (Мирное возвышение Китая) // Россия в глобальной политике. 10.01.2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/chzhungo-hepin-czzyueszi-mirnoe-vozvyshenie-kitaya/> (дата обращения: 23.06.2023).

263. Лузянин С.Г. КНР в ООН: путь к глобальному управлению // МГИМО. 24.01.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/experts/246838> (дата обращения: 09.06.2023).

264. Маневры Филиппин и США пройдут без мероприятий на море // ТАСС. 13.04.2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11132221> (дата обращения: 24.08.23).

265. Прекращение ядерных испытаний] // ООН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/observances/end-nuclear-tests-day/history> (дата обращения: 03.08.2023).

266. Си Цзиньпин в выступлении в МГИМО подчеркнул

необходимость построить международные отношения нового типа на основе взаимовыгодного сотрудничества // Генеральное Консульство Китайской Народной Республики в Санкт-Петербурге: официальный сайт. 23.03.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://saintpetersburg.china-consulate.gov.cn/rus/zgxw/201304/t20130401_3828626.htm (дата обращения: 27.07.2023).

267. Стрельцов Д.В. Япония: новая политика национальной безопасности // РСМД. 5.02.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-novaya-politika-natsionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 09.08.2023).

268. США начали в Австралии крупные учения «Talisman Saber» // ТАСС. 14.07.2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11905631> (дата обращения: 24.06.23).

269. США, Британия и Австралия договорились о партнерстве в области обороны и безопасности // Russia Today. 16.09.2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.rt.com/jg2h> (дата обращения: 07.06.2023).

270. Участники ШОС вспомнили про создание банка и фонда развития // РБК. 4.07.2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/04/07/2023/64a3fe999a794705e4f8e89d> (дата обращения: 30.07.2023).

271. Шанхайская организация сотрудничества // ШОС. 8.12.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus.sectesco.org/cooperation/20151208/16875.html> (дата обращения: 09.07.2023).

272. Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) // ООН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/ecosoc/escap/> (Дата обращения 23.10.23).

273. Эксклюзив: Основная задача РАТС ШОС – борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Russian.News.Cn. 11.11.2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russian.news.cn/2020-11/11/c_139508124.htm (дата обращения: 24.07.2023).

б) на английском языке

274. 1962: The Sino-Indian War: Reflections of the Past // Indian defence review. 18.11.2021. [Electronic resource]. URL: <http://www.indiandefencereview.com/news/1962-the-sino-indian-war-reflections-of-the-past> (accessed: 26.08.2023).

275. 2023 Foreign Investment Opportunities in Singapore // ASEAN Briefing. 15.08.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/2023-foreign-investment-opportunities-in-singapore> (accessed: 13.08.2023).

276. Abe Shinzo Asia's Democratic Security Diamond. Project Syndicate // Project Syndicate. 27.12.2012. [Electronic resource]. URL: <https://www.project-syndicate.org/onpoint/a-strategic-alliance-for-japan-and-india-by-shinzo-abe?barrier=accesspaylog> (accessed: 18.08.2023).

277. ADB, AIIB processing \$2 billion loan for India to buy COVID-19 vaccines // The Economic Times. 27.10.2021. [Electronic resource]. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/jobs/mid-career/bureaucratic-leadership-characteristics-pros-cons-and-notable-leaders/articleshow/102773405.cms> (accessed: 12.08.2023).

278. Afzal, M. «At all costs»: How Pakistan and China control the narrative on the China-Pakistan Economic Corridor / M. Afzal // Brookings. 2020, June. [Electronic resource]. URL: <https://www.brookings.edu/articles/at-all-costs-how-pakistan-and-china-control-the-narrative-on-the-china-pakistan-economic-corridor> (accessed: 11.08.2023).

279. AMRO and the CMIM // AMRO. [Electronic resource]. URL: <https://www.amro-asia.org/about-amro/amro-and-the-cmim> (accessed: 26.07.2023).

280. An Act of War: Inside America's Silicon Blockade Against China // The New York Times. 12.07.2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2023/07/12/magazine/semiconductor-chips-us-china.html> (accessed: 20.08.2023).

281. APEC's Role in Regional Development Challenges and Prospects for Regional Cooperation // APEC. 13.01.2011. [Electronic resource]. URL: https://www.apec.org/press/blogs/2011/0113_rsis (accessed: 26.07.2023).

282. App Revenue Data (2023) // Business of Apps. [Electronic resource]. URL: <https://www.businessofapps.com/data/app-revenues> (accessed: 08.08.2023).

283. AUKUS, DSR and Australia's Maritime Capability: Dr Marcus Hellyer // Saltwater Strategists. 2023. [Electronic resource]. URL: <https://soundcloud.com/saltwater-strategists/22-aukus-dsr-and-australias-maritime-capability-dr-marcus-hellyer> (accessed: 15.08.2023).

284. Aukus: nuclear submarines deal will cost Australia up to \$ 368 bn // The Guardian. 13.03.2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/mar/14/aukus-nuclear-submarines-australia-commits-substantial-funds-into-expanding-us-shipbuilding-capacity> (accessed: 15.08.2023).

285. Australia conducting 'freedom of navigation' flights in South China Sea // BBC. 15.12.2015. [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-australia-35099445> (accessed: 17.06.2023).

286. Baker P., Crowley M. Trump Steps Into North Korea and Agrees With Kim Jong-un to Resume Talks // The New York Times. 30.06.2019. [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/06/30/world/asia/trump-north-korea-dmz.html> (accessed: 25.05.2023).

287. Barboza D. China Passes Japan as Second-Largest Economy: Business // The New York Times. 15.08.2010. [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2010/08/16/business/global/16yuan.html> (accessed: 27.07.2023).

288. Beech H. US Warships Enter Disputed Waters of South China Sea as Tensions With China Escalate // The New York Times. 21.04.2020. [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/21/world/asia/coronavirus-south-china-sea-warships.html> (accessed: 05.04.2023).

289. Bush R.C. The United States and China: A G-2 in the Making? // Brookings. 11.10.2011. [Electronic resource]. URL: <https://>

www.brookings.edu/articles/the-united-states-and-china-a-g-2-in-the-making
(accessed: 23.04.2023).

290. Cambodia's foreign debt tops \$ 9 billion, with China accounting for more than 40 percent // The Cambodian Journalists Alliance Association. 19.08.2021. [Electronic resource]. URL: <https://cambojanews.com/cambodias-foreign-debt-tops-9-billion-with-china-accounting-for-more-than-40-percent> (accessed: 12.08.2023).

291. Charting a new journey for Asia-Pacific cooperation // New Straits Times. 19.11.2020. [Electronic resource]. URL: <https://www.nst.com.my/opinion/columnists/2020/11/642668/charting-new-journey-asia-pacific-cooperation> (accessed: 12.05.2023).

292. Chaudhury D. India's Fine Balancing Act with Quad and BRICS Meet in New York // The Economic Times. 28.09.2019. [Electronic resource]. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/indias-fine-balancing-act-with-quad-and-brics-meet-in-new-york/articleshow/71338616.cms> (accessed: 18.10.2019).

293. Chellaney B. «QUAD Initiative»: an inharmonious concert of democracies // Japan Times. 19.07.2007. [Electronic resource]. URL: https://www.japantimes.co.jp/opinion/2007/07/19/commentary/QUAD-initiative-an-inharmonious-concert-of-democracies/#.W_m05OJoREY (accessed: 05.06.2023).

294. China and Russia hold first military exercise since Ukraine invasion // Reuter. 24.05.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/china-russia-hold-first-military-exercise-since-ukraine-invasion-2022-05-24> (accessed: 21.08.2023).

295. China Encroaches On 36 Hectares Of Nepal's Land At 10 Places: Report // NDTV. 24.11.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.ndtv.com/world-news/china-encroaches-on-36-hectares-of-nepals-land-at-10-places-report-3548168> (accessed: 30.04.2023).

296. China Exports to Laos // Tradeineconomics. [Electronic resource].

URL: <https://tradingeconomics.com/china/exports/laos#:~:text=China%20Exports%20to%20Laos%20was,COMTRADE%20database%20on%20international%20trade> (accessed: 12.08.2023).

297. China highlights CICA's role in regional security, development // Xinhuanet. 25.09.2018. [Electronic resource]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-09/25/c_137490394.htm (accessed: 12.08.2023).

298. Chinese Diplomacy in Southeast Asia during the COVID-19 Pandemic // Asia Society. 2022, July. [Electronic resource]. URL: <https://asiasociety.org/policy-institute/chinese-diplomacy-southeast-asia-during-covid-19-pandemic> (accessed: 12.07.2023).

299. Chinese fishing vessels in spat with Indonesia leave Natunas. Friends again? // South China Morning Post. 9.01.2020. [Electronic resource]. URL: https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3045388/friends-again-chinese-fishing-vessels-spat-indonesia-leave?module=perpetual_scroll_0&pgtype=article&campaign=3045388 (accessed: 30.04.2023).

300. Chung J. Tsai reinstates one-year conscription // Taipei Times. 28.12.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.taipetitimes.com/News/front/archives/2022/12/28/2003791545> (accessed: 21.08.2023).

301. Clark D., Browning K. In Phoenix, a Taiwanese Chip Giant Builds a Hedge Against China: Technology // The New York Times. 6.12.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2022/12/06/technology/tsmc-chips-factory-phoenix.html> (accessed: 20.08.2023).

302. Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER) // IMF Data. [Electronic resource]. URL: <https://data.imf.org/?sk=e6a5f467-c14b-4aa8-9f6d-5a09ec4e62a4> (accessed: 20.08.2023).

303. Disputed Territories of India // Drishtias. [Electronic resource] URL: <https://www.drishtias.com/printpdf/disputed-territories-of-india> (accessed: 26.04.2023).

304. Dollar D. Diplomacy: Can China See the Global Public Good? // Democracy: A Journal of Ideas. 2019. № 52. [Electronic resource]. URL:

<https://democracyjournal.org/magazine/52/diplomacy-can-china-see-the-globalpublic-good/> (accessed: 20.08.2023).

305. Emergency humanitarian assistance to Tonga Joint Statement from FRANZ // France Diplomacy. 31.01.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/tonga/article/emergency-humanitarian-assistance-to-tonga-joint-statement-from-franz-31-jan-22> (accessed: 15.08.2023).

306. Ensuring Secure Seas. Indian Maritime Security Strategy FRANZ // Indian Navy. 2015 October. [Electronic resource]. URL: https://www.indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian_Maritime_Security_Strategy_Document_25Jan16.pdf (accessed: 18.05.2023).

307. Erickson A. Malaysia cancels two big Chinese projects, fearing they will bankrupt the country // Washington Post. 21.08.2018. [Electronic resource]. URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/malaysia-cancels-two-massive-chinese-projects-fearing-they-will-bankrupt-the-country/2018/08/21/2bd150e0-a515-11e8-b76b-d513a40042f6_story.html (accessed: 13.08.2023).

308. Forum Dialogue Partners // Pacific Islands Forum. [Electronic resource]. URL: <https://www.forumsec.org/dialogue-partners/#:~:text=The%20Forum%20Dialogue%20Partner%20mechanism,in%20a%20dialogue%20with%20Forum> (accessed: 18.08.2023).

309. Fry G., Kabutaulaka T., Wesley-Smith T. «Partners in the Blue Pacific» initiative rides roughshod over established regional processes // DevpolicyBlog. 5.07.2022. [Electronic resource]. URL: <https://devpolicy.org/pbp-initiative-rides-roughshod-over-regional-processes-20220705> (accessed: 18.08.2023).

310. Jaleel M. Economists Tally Results of Decade of Chinese Investment in Pakistan // Voice of America English News. 27.07.2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.voanews.com/a/economists-tally-results-of-decade-of-chinese-investment-in-pakistan/7201145.html> (accessed: 11.08.2023).

311. Joint Doctrine. Indian Armed Forces. Headquarters Integrated Defence

Staff // Bharat Shakti. 18.04.2017. [Electronic resource]. URL: https://bharatshakti.in/wp-content/uploads/2015/09/Joint_Doctrine_Indian_Armed_Forces.pdf (accessed: 18.09.2023).

312. Key North Korean nuclear reactor has been shut down for months: IAEA // Reuters. 4.03.2019. [Electronic resource]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-northkorea-nuclear-iaea/key-north-korean-nuclear-reactor-has-been-shut-down-for-months-iaea-idUSKCN1QL12I> (accessed: 25.05.2023).

313. Kim J., Yu J., French E. How COVID-19 Will Reshape Indo-Pacific Security // The Diplomat. 24.07.2020. [Electronic resource]. URL: <https://thediplomat.com/2020/07/how-covid-19-will-reshape-indo-pacific-security> (accessed: 10.06.2023).

314. Kyaukphyu Deep-Sea Port Poses Challenges for Maday Islanders and Local Fisheries // Burma News International. 1.11.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.bnionline.net/en/news/kyaukphyu-deep-sea-port-poses-challenges-maday-islanders-and-local-fisheries> (accessed: 14.07.2023).

315. Lukin A.V. Sino-US Rivalry in the Asia-Pacific: Declarations and Actual Policies// Russia in Global Affairs. 1.01.2023. [Electronic resource]. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/sino-us-rivalry-in-asia-pacific> (accessed: 20.08.2023).

316. Lynch D.J., Paletta D. Trump announces steel and aluminum tariffs Thursday over objections from advisers and Republicans // Washington Post. 23.10.2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/business/wp/2018/03/01/white-house-planning-major-announcement-thursday-on-steel-and-aluminum-imports> (accessed: 10.08.2023).

317. Marwaan M.M. Laos' debt pressure raises specter of a China vassal state // Nikkei Asia. 6.09.2022. [Electronic resource]. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Asia-Insight/Laos-debt-pressure-raises-specter-of-a-China-vassal-state> (accessed: 12.08.2023).

318. McBride J., Berman N., Chatzky A. China's Massive Belt and Road Initiative // CFR. 1.02.2023. [Electronic resource]. URL:

<https://www.cfr.org/backgrounders/chinas-massive-belt-and-road-initiative>
(accessed: 10.08.2023).

319. Members and Prospective Members of the Bank. Asian Infrastructure Investment Bank // The Asian Infrastructure Investment Bank. 8.05.2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/membersof-bank/index.html> (accessed: 29.05.2023).

320. Mission of the ROK / US Combined Forces Command // United States Forces Korea. [Electronic resource]. URL: <https://www.usfk.mil/About/Combined-Forces-Command> (accessed: 24.10.22).

321. Mitchel T., Sevastopulo D. China says US relations at a ‘deadlock’ in high-level talks // The Financial Times. [Electronic resource]. URL: <https://www.ft.com/content/7e9854b9-b821-495f-a217-44c636606732> (accessed: 10.01.2023).

322. Morris S., Rockafellow R., Rose S. New study shows China’s stark influence in 70 global institutions in charts // The Print. 19.11.2021. [Electronic resource]. URL: <https://theprint.in/opinion/new-study-shows-chinas-stark-influence-in-70-global-institutions-in-charts/7682> (accessed: 27.07.2023).

323. More Than 90% of North American Companies Have Relocated Production and Sourcing Over the Past Five Years // BCG. 21.09.2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.bcg.com/press/21september2023-north-american-companies-have-relocated-production-sourcing-over-past-five-years> (accessed: 25.11.2023).

324. Myanmar Cautioned About Costly Borrowing From China // Radio free Asia. 10.06.2020. [Electronic resource]. URL: <https://www.rfa.org/english/news/myanmar/costly-borrowing-06102020151951.html> (accessed: 12.08.2023).

325. Nicholson B. China Warns Canberra on Security Pact // The Age. 15.06.2007. [Electronic resource]. URL: <https://www.theage.com.au/national/china-warns-canberra-on-security-pact-20070615-ge54v5.html> (accessed: 13.08.2023).

326. Nye J. No, the Coronavirus Will Not Change the Global Order // Foreign Policy. 16.04.2020. [Electronic resource]. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/04/16/coronavirus-pandemic-china-united-states-power-competition> (accessed: 20.08.2023).

327. Pacific Command Change Highlights Growing Importance of Indian Ocean Area // US Indo-Pacific Command. 31.05.2018. [Electronic resource]. URL: <https://www.pacom.mil/Media/News/News-Article-View/Article/1537107/pacific-command-change-highlights-growing-importance-of-indian-ocean-area> (accessed: 03.07.2023).

328. Panda A. South China Sea: Philippine Coast Guard Spots PLAN Warship Off Scarborough Shoal // The Diplomat. 10.06.2019. [Electronic resource]. URL: <https://thediplomat.com/2019/06/south-china-sea-philippine-coast-guard-spots-plan-warship-off-scarborough-shoal> (accessed: 30.04.2023).

329. Pankaj V. Indo-Pacific Strategies: What Do They Entail for India? // Air University. 24.04.2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.airuniversity.af.edu/JIPA/Display/Article/3371487/indo-pacific-strategies-what-do-they-entail-for-india> (accessed: 08.08.2023).

330. Parameswaran P. America's New Maritime Security Initiative for Southeast Asia // The Diplomat. 2.04.2016. [Electronic resource]. URL: <https://thediplomat.com/2016/04/americas-new-maritime-security-initiative-for-southeast-asia> (accessed: 25.09.2023).

331. Paszak P. China's Growing Influence in International Organizations // Warsaw institute. 14.10.2020. [Electronic resource]. URL: <https://warsawinstitute.org/chinas-growing-influence-international-organizations> (accessed: 27.07.2023).

332. Pietrobon E. The Indo-Pacific in the Wake of the Ukraine Conflict: From China's Continuing Rise to the Anglosphere's Return // Valdai. 21.07.2022. [Electronic resource]. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/the-indo-pacific-in-the-wake-of-the-ukraine> (accessed: 21.08.2023).

333. A Defense of Taiwan with Ukrainian Characteristics: Lessons from the

war in Ukraine for the Western Pacific // Institute for the Study of War. 30.10.2024 [Electronic resource]. URL: <https://www.understandingwar.org/backgrounder/defense-taiwan-ukrainian-characteristics-lessons-war-ukraine-western-pacific> (accessed: 15.12.2024).

334. Quang Ninh to fund new highway after deciding against Chinese loan // Vietnam.net Global. 8.12.2016. [Electronic resource]. URL: <https://vietnamnet.vn/en/quang-ninh-to-fund-new-highway-after-deciding-against-chinese-loan-E168013.html> (accessed: 13.08.2023).

335. Ramachandran S. Medha Bisht on Understanding the China-Bhutan Boundary Dispute // The Diplomat. 1.05.2023. [Electronic resource]. URL: <https://thediplomat.com/2023/05/medha-bisht-on-understanding-the-china-bhutan-boundary-dispute> (accessed: 21.05.2023).

336. Second wave of 5G: 30 countries to launch services in 2023 // GSMA Intelligence. 28.02.2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.gsma.com/newsroom/press-release/second-wave-of-5g-30-countries-to-launch-services-in-2023> (accessed: 09.08.2023).

337. Siachen: All you should know about the world's costliest battlefield // The Economic Times. 20.11.2019. [Electronic resource]. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/siachen-all-you-should-know-about-the-worlds-costliest-battlefield/articleshow/72142137.cms> (accessed: 26.04.2023).

338. Sinha N.C. The Simla Convention 1914: A Chinese Puzzle // Digital Himalaya. [Electronic resource]. URL: https://himalaya.socanth.cam.ac.uk/collections/journals/bot/pdf/bot_1987_02_01.pdf (accessed on 12.04.2023).

339. Smith J.M. How America Is Leading the «Quad Plus» Group of 7 Countries in Fighting the Coronavirus // The Heritage foundation. 1.04.2020. [Electronic resource]. URL: <https://www.heritage.org/global-politics/commentary/how-america-leading-the-quad-plus-group-7-countries-fighting-the> (accessed: 20.05.2023).

340. Sometimes you have to walk: Trump leaves Hanoi with no deal // CNN. 28.02.2019. [Electronic resource]. URL: <https://edition.cnn.com/2019/02/27/politics/donald-trump-kim-jong-un-vietnam-summit/index.html> (accessed: 25.07.2023).

341. Song Y. Security in the Strait of Malacca and the Regional Maritime Security Initiative: Responses to the US Proposal // Digital-commons. [Electronic resource]. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1163&context=ils> (accessed: 13.07.2023).

342. South China Sea Energy Exploration and Development // CSIS. [Electronic resource]. URL: <https://amti.csis.org/south-china-sea-energy-exploration-and-development> (accessed: 12.04.2023).

343. Strangio S. Laos Grants 25-Year Power Grid Concession to Chinese-Majority Firm // The diplomat. 17.03.2021. [Electronic resource]. URL: <https://thediplomat.com/2021/03/laos-grants-25-year-power-grid-concession-to-chinese-majority-firm> (accessed: 05.04.2023).

344. Stromseth J. Don't make us choose: Southeast Asia in the throes of US-China rivalry // Brookings. 2019, October. [Electronic resource]. URL: <https://www.brookings.edu/articles/dont-make-us-choose-southeast-asia-in-the-throes-of-us-china-rivalry> (accessed: 20.08.2023).

345. Submarine crisis: Australia agrees to 555 million euro settlement with France's Naval Group // Le Monde.fr. 11.06.2022. [Electronic resource]. URL: https://www.lemonde.fr/en/international/article/2022/06/11/submarine-crisis-australia-agrees-555-million-euro-settlement-with-france-s-naval-group_5986374_4.html (accessed: 15.08.2023).

346. The BRI as China's 'manifest destiny'? A Thai perspective // ASEAN Research and Advocacy. 30.10.2018. [Electronic resource]. URL: <https://cariasean.org/publications/chinas-belt-and-road-initiative-bri-and-southeast-asia-publication/the-bri-as-chinas-manifest-destiny-a-thai-perspective> (accessed: 13.08.2023).

347. Thein H. China is pouring money into junta-ruled Myanmar to secure a

‘back door’ to the Indian Ocean // Scroll. 22.11.2022. [Electronic resource]. URL: <https://scroll.in/article/1037882/china-is-pouring-money-into-junta-ruled-myanmar-to-secure-a-back-door-to-the-indian-ocean> (accessed: 08.08.2023).

348. The Political and Economic Dynamics of Indonesia – China BRI Cooperation // Kyoto review. [Electronic resource]. URL: <https://kyotoreview.org/issue-32/the-political-and-economic-dynamics-of-indonesia-china-bri-cooperation> (accessed: 30.03.2023).

349. Trinh V.D., Do H.H. Vietnam hedges its bets on the BRI // EastAsia Forum. 15.03.2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2023/03/15/vietnam-hedges-its-bets-on-the-bri> (accessed: 13.08.2023).

350. United States Indo-Pacific Command // USINDOPACOM. [Electronic resource]. URL: <https://www.pacom.mil/About-USINDOPACOM/USPACOM-Area-of-Responsibility> (accessed: 03.05.2023).

351. US Strategic Framework for the Indo-Pacific // Trump White House. [Electronic resource]. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (accessed: 23.08.2023).

352. Vannarith C. Fighting COVID-19: China’s soft power opportunities in mainland Southeast Asia // Asialink. 27.05.2021. [Electronic resource]. URL: <https://asialink.unimelb.edu.au/insights/fighting-covid-19-chinas-soft-power-opportunities-in-mainland-southeast-asia> (accessed: 23.08.2023).

353. Vavasseur X. US Navy, French Navy Ink Strategic Interoperability Framework // Naval News. 18.12.2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.navalnews.com/naval-news/2021/12/us-navy-french-navy-ink-strategic-interoperability-framework> (accessed: 15.08.2023).

354. Vorndick W. China’s reach has grown; so should the island chains // Asia Maritime Transparency Initiative. 22.10.2018. [Electronic resource]. URL: <https://amti.csis.org/chinas-reach-grown-island-chains> (accessed: 09.08.2023).

355. Waging Peace: ASEAN and the Thai-Cambodian Border Conflict // International Crisis Group. 6.12.2011. [Electronic resource]. URL:

<https://www.crisisgroup.org/asia/south-east-asia/thailand/waging-peace-asean-and-thai-cambodian-border-conflict> (accessed: 16.07.2023).

356. What is Asia-Pacific Economic Cooperation? // APEC. [Electronic resource]. URL: <https://www.apec.org/about-us/about-apec> (accessed: 16.07.2023).

357. WTO circulates dispute panel reports regarding US duties on steel and aluminium products // WTO. 9.12.2022. [Electronic resource]. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news22_e/544_552_556_564r_e.htm (accessed: 20.08.2023).

358. Yang M. Laotians profit from the China-Laos Railway: survey // Shine news. 30.03.2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.shine.cn/news/in-focus/2303305725/> (accessed: 21.06.2023).

359. Zeng J., Breslin S. China's «New type of Great Power relations»: a G2 with Chinese characteristics? // International Affairs. 20.11.2015. Vol. 92. Iss. 4. P. 773–794. [Electronic resource]. URL: <https://www.psa.ac.uk/sites/default/files/conference/papers/2015/2015-11-20%20zeng%20and%20breslin%20great%20power%20final%20revised%20for%20submission%20to%20ia.pdf> (accessed: 04.06.2023).

360. Zhang F. The Tianxia System: World Order in a Chinese Utopia // Global Asia. 2009, December. Vol. 4. № 4. P. 108–112. [Electronic resource]. URL: https://www.globalasia.org/v4no4/book/the-tianxia-system-world-order-in-a-chinese-utopia_zhang-feng (accessed: 05.06.2023).

361. 1996 APEC Ministerial Meeting // APEC. 22.11.1996. [Electronic resource]. URL: https://www.apec.org/meeting-papers/annual-ministerial-meetings/1996/1996_amm (accessed: 20.08.2023).

362. Visiting Forces Agreement // Chan Robles. 19.07.1998. [Electronic resource]. URL: <https://www.chanrobles.com/visitingforcesagreement2.htm#.YZVfyi96Cu4> (accessed: 01.05.2023).

363. Interpreting the India-Nepal border dispute // Brookings. 11.06.2020. [Electronic resource]. URL: <https://www.brookings.edu/articles/>

interpreting-the-india-nepal-border-dispute/ (accessed: 26.04.2023).

364. Gwadar Port and its Geopolitical Impact on India // UPSC. 10.08.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.geeksforgeeks.org/gwadar-port-and-its-geopolitical-impact-on-india/> (accessed: 11.08.2023).

365. President's trip to Asia // The White House. 15–21.11.2005. [Electronic resource]. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/asia/2005/> (accessed: 27.07.2023).

366. Storey I. China's «Malacca Dilemma» // China Brief. 12.04.2006. Vol. 6. Issue: 8. [Electronic resource]. URL: <https://jamestown.org/program/chinas-malacca-dilemma> (accessed on 12.04.2023).

367. Bergsten C.F. Two's Company // Foreign Affairs. 1.09.2009. [Electronic resource]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2009-09-01/twos-company> (accessed: 10.06.2023).

368. A New Type of Major Power Relationship? // Brookings. 26.09.2014. [Electronic resource]. URL: <https://www.brookings.edu/articles/a-new-type-of-major-power-relationship> (accessed: 17.06.2023).

369. How ASML became Europe's most valuable tech firm // BBC. 21.02.2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/news/business-64514573> (accessed: 21.11.2023).

370. Updated October 7 Semiconductor Export Controls // CSIS. 18.10.2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.csis.org/analysis/updated-october-7-semiconductor-export-controls> (accessed: 21.11.2023).

371. What are the Bogor Goals? // APEC. 2021, September. [Electronic resource]. URL: <https://www.apec.org/about-us/about-apec/fact-sheets/bogor-goals> (accessed: 14.08.2023).

372. Singapore // CDR – The Belt and Road Initiative. 21.09.2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.cdr-news.com/cdr-essential-intelligence/1100-cdr-the-belt-and-road-initiative-2021/singapore> (accessed: 13.08.2023).

373. Lao Economic Monitor, Oct. 2022: Tackling Macroeconomic

Vulnerabilities // International Bank for Reconstruction and Development. 2022, October. [Electronic resource]. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/lao/publication/lao-economic-monitor-oct-2022-tackling-macroeconomic-vulnerabilities-key-findings> (accessed: 08.08.2023).

374. Reinventing the Indo-Pacific // The Economist. 4.01.2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.economist.com/asia/2023/01/04/reinventing-the-indo-pacific> (accessed: 08.08.2023).

375. Achievements and Benefits // APEC. 2023, October. [Electronic resource]. URL: <https://www.apec.org/about-us/about-apec/achievements-and-benefits> (accessed: 14.07.2023).

376. The Japanese Economic Miracle // Berkeley Economic Review. 26.01.2023. [Electronic resource]. URL: <https://econreview.berkeley.edu/the-japanese-economic-miracle> (accessed: 21.03.2023).

377. Quadrilateral (QUAD) Security Dialogue // Sp's Naval Forces. 2.03.2020. [Electronic resource]. URL: <https://www.spsnavalforces.com/story/?id=670&h=Quadrilateral-QUAD-Security-Dialogue> (accessed: 30.08.2023).

378. Cambodia not quite yet in a China debt trap // Asia Times. 21.09.2022. [Electronic resource]. URL: <https://asiatimes.com/2022/09/cambodia-not-quite-yet-in-a-china-debt-trap> (accessed: 12.08.2023).

В) НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

379. 中美经济伙伴之路越走越宽广 [—汪洋副总理在中美商业关系论坛上的主旨演讲 [The Road of Economic Partnership between China and the United States Grows Wider and Wider – Keynote Speech by Vice-Premier Wang Yang at the China-United States Business Relations Forum] // Ministry of Commerce of the People's Republic of China. 22.12.2014. [Electronic resource]. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/ae/ai/201412/20141200840915.shtml> (accessed: 11.08.2023).

380. 习近平主席在博鳌亚洲论坛 2015 年年会上的主旨演讲 (全文)

[President Xi Jinping's keynote speech at Boao Forum for Asia 2015 annual meeting (full text)] // 新华网 [Xinhua News Agency]. 29.03.2015. [Electronic resource]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-03/29/c_127632707.htm (accessed: 27.07.2023).

381. 张蕴岭构建中国的周边战略依托—从《中国周边安全形势评估(2013)》说起 [Zhang Yunling. Constructing China's Neighbourhood Strategic Dependency – From the Assessment of China's Neighbourhood Security Situation (2013)] / 张蕴岭 [Zhang Yunling] // Aisixiang. 21.02.2013. [Electronic resource]. URL: <https://www.aisixiang.com/data/61456.html> (accessed: 11.08.2023).

382. 李国强：古代丝绸之路的历史价值及对共建《一带一路》的启示 [Li Guoqiang. The Historical Value of the Ancient Silk Road and Its Implications for the Construction of the Belt and Road Initiative] / 李国强 [Li Guoqiang] // Belt and Road Portal. 6.01.2019. [Electronic resource]. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/76521.html> (accessed: 26.08.2023).

383. 永远做可靠朋友和真诚伙伴 – 习近平在坦桑尼亚尼雷尔国际会议中心的演讲 (全文) [Always be reliable friends and sincere partners – Xi Jinping's speech at Tanzania's Nyerere International Conference Centre (full text)] // 理论-人民网 [Theory – People's Daily Online]. 25.03.2013. [Electronic resource]. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2013/0326/c136457-20914243.html> (accessed: 25.07.2023).

384. 王冲 我对一带一路的七点疑虑 [Wang Chong. My Seven Doubts about Belt and Road] / 王冲 [Wang Chong] // CFI. 27.03.2015. [Electronic resource]. URL: <http://comment.cfisnet.com/2015/0327/1301017.html> (accessed: 26.08.2023).

Диссертации

385. Кожин Е.Г. Влияние сотрудничества и соперничества в АТР на модели институционального регионализма: международно-политические

аспекты: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Евгений Геннадьевич Кожин; науч. рук. Ю.А. Никитина; МГИМО(У) МИД РФ. М., 2020. 215 с.

386. Михневич С.В. Подходы КНР и США к развитию архитектуры безопасности в АТР: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Сергей Владимирович Михневич; науч. рук. М.В. Братерский; Ин-т Соединенных Штатов Америки и Канады РАН. М., 2017. 293 с.

387. Мишина А.А. Стратегия КНР в интеграционных процессах в АТР: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Светлана Игоревна Мишина; науч. рук. Е.П. Бажанов; Дипломат. акад. МИД РФ. М., 2012. 203 с.

388. Юй Сяотун. Стратегический баланс сил в АТР на рубеже XX–XXI вв.: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Сяотун Юй; науч. рук. А.Г. Яковлев, В.Б. Кашин; Ин-т Дал. Востока РАН. М., 2007. 164 с.